

61-99-10/31-0

МАГОМЕДОВА
СВЕТЛАНА ДЖАВАДОВНА

**СКЛОНЕНИЕ ИМЕН
В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.09 - Кавказские языки

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Акиев А.Ш.

C. Meef

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В 1990 году Советом Министров Республики Дагестан принято постановление (№ 128 от 10 августа) о введении статуса письменности агульского, рутульского и цахурского языков. Данным постановлением утверждены алфавиты, основанные на современной русской графике (кириллице).

В настоящее время проводится большая работа по созданию научной, учебно-методической базы для общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений.

Ведется активная подготовка учителей агульского языка и литературы в Дагестанском государственном педагогическом университете и в Дербентском педагогическом колледже. С 1991-1992 учебного года официально введено обучение на агульском языке в районах их компактного проживания.

В описанных выше условиях монографическое исследование одной из важных морфологических категорий - категории склонения имен существительных представляется, на наш взгляд, более чем актуальной. Актуальна она еще и тем, что дает развернутую картину структуры склонения агульского имени существительного как по основным (общим), так и по локативным падежам.

Цель и задачи исследования. Цель исследования - анализ функций и морфологической структуры падежной системы агульского языка с тем, чтобы его результаты стали составной частью создаваемой для этого языка научной и учебно-методической литературы.

Задача - всестороннее и глубокое освещение многих вопросов агульского именного склонения, которые не нашли достаточно глубокой разработки или по которым нет интерпретации в исследованиях предшествующих авторов.

Научная новизна работы заключается в том, что она дает не только системное описание категории именного склонения, но и подвергается ее структура

глубокой научной интерпретации; позволяющей выбрать наиболее оптимальные формы и их варианты для создаваемой ныне агульской научной и учебно-методической литературы. Система агульского склонения как отдельная морфологическая категория до сих пор не рассматривалась в специальной лингвистической литературе. Падежная система в настоящей работе впервые интерпретируется с учетом выполняемых ею основных и дополнительных морфолого-синтаксических функций.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты настоящей работы могут быть использованы в процессе создания школьной и вузовской практической грамматической литературы, в учебных и методических пособиях для учителей агульского языка, при создании теоретических грамматик по агульскому языку для студентов вузов Дагестана, так как материал работы больше сориентирован на собственно агульский диалект, лежащий в основе агульского литературного языка.

Метод исследования. В основе исследования лежит синхронный (традиционный описательно-аналитический) метод. Это вытекает из практической направленности результатов анализа. В ряде случаев в работе к интерпретации привлекается и сравнительно-исторический метод, когда данные описываемой категории не поддаются объяснению с помощью внутренней реконструкции.

Источник исследования - полевой материал, собранный нами в местах компактного проживания носителей агульского языка; анализ результатов исследований предшествующих авторов; данные специальной кавказоведческой литературы, а также методика полевых исследований Кибрика¹.

Апробация результатов работы: на ежегодных научно-практических и методических конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета по итогам НИР, на

---

¹ Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. Изд-во МГУ, 1972.

заседаниях кафедры общего и дагестанского языкознания ДГПУ, а также в публикациях:

1. О многоформантности эргатива в агульском языке.
2. О некоторых вариантах эргатива в агульском языке.
3. Отношение падежей к сравнительной степени агульского языка.
4. Методы и формы интерпретации множественности окончаний эргатива агульского языка.

Структура исследования. Композиционно работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и оглавления. Общий объем работы 140 страниц машинописного текста.

ВВЕДЕНИЕ

Агулы или агульцы - одна из древних народностей Дагестана. По данным переписи населения за 1989 год, число агульцев доходило до 19,9 тыс. человек. Язык агулов - агульский язык относят к лезгинской группе восточнокавказских языков.

С первыми сведениями об агульском языке мы встречаемся в работе Р.Эркерта “Языки кавказского корня”, изданной в Вене на немецком языке¹. О материале агульского языка, собранном Р. Эркертом анкетным путем, Р.М. Шаумян пишет, что он представляет собой “неудачные фрагменты агульского языка по кошанскому и гекхюнскому диалекту”². Речь аула Буркихан (гекхюнский диалект) лежит в основе исследования Адольфа Дирра по агульскому языку³. Монография А. Дирра - это первое исследование агульского языка, в котором освещены морфологические категории этого языка, и если бы мы по тем или другим ее недостаткам и недочетам, которые обнаруживаются в нем, стали бы упрекать или осуждать Дирра, то это было бы слишком несправедливо с нашей стороны, так как мы придерживаемся такого мнения, что не было бы работы А. Дирра, не появились бы на свет и другие более подробные и скрупулезно выполненные монографии последующих исследователей агульского языка.

Последующая работа по агульскому языку - это исследование Р.М. Шаумяна⁴, в котором впервые учтены и данные диалектов рассматриваемого языка. О функционировании в прошлом в агульском языке категории грамматических классов свидетельствует и его статья⁵, выявляющая их следы в морфологической структуре этого языка. Агульский языковой материал в работах Р.М. Шаумяна приводится в латинской графике.

1 Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

2 Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941, с.14.

3 Дирр А. Агульский язык. - Тифлис, 1907, с.188.

4 См. цит. выше литературу.

5 Шаумян Р.М. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. Сб. “Язык и мышление”, VI-VII, М.-Л., 1936, с.219-226.

Значительным событием в истории изучения системы склонения лезгинских языков в сравнительном плане фактически стала кандидатская диссертация Б.Г.-К.Ханмагомедова, защищенная еще в 1958 году¹. В нем подробно освещены как вопросы основных, так и локативных падежей табасаранского языка в сравнении с соответствующими категориями лезгинского и агульского языков. Весьма полезной для нашего исследования оказалась и его монография “Система местных падежей в табасаранском языке”², которая демонстрирует близкое сходство табасаранского и агульского языков и в формировании серий локативных падежей и в их функционировании. Хотя в данной работе нет материалов агульского языка, но он явно вытекает из самого содержания исследования. Автор не без основания считает, что кроме “... семи основных местных падежей, в табасаранском языке имеется еще 35 падежей - 5 групп по 7 падежей”³.

Падежная система табасаранского языка рассмотрена и в работах К.К.Курбанова⁴. Его интерпретация данной проблемы аналогична результатам исследования Б.Г.-К.Ханмагомедова.

Глубокой интерпретации подвергаются морфологические категории агульского языка в монографии А.А. Магометова “Агульский язык”⁵. В своем труде автор оперирует не только материалами диалектов агульского языка, но и табасаранского языка - языка наиболее близкого к агульскому из всех языков лезгинской группы.

Ценным исследованием диалектов агульского языка является и монография Н.Д. Сулейманова “Сравнительно-историческое исследование диалектов

---

1 Ханмагомедов Б.Г.-К. Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков. Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала, 1958, с.3-21;

2 Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Дагучпедгиз, Махачкала, 1958;

3 Ханмагомедов Б.Г.-К. Там же, с.43.

4 Курбанов К.К. Морфология табасаранского языка. Дагучпедгиз, Махачкала, 1986, с.32-50; его же: Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала, 1995, с.52-75.

5 Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.

агульского языка”¹; в которой основным средством достижения цели является метод внутренней реконструкции. Исходя из данных диалектов агульского языка, это исследование реконструирует фонетическую и морфологическую системы праагульского состояния, устанавливает основные закономерности в области фонетики и морфологии этого состояния.

Наряду с данными других кавказских языков краткий грамматический очерк агульского языка приведен в обобщающем труде А. Дирра “Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen”². На лексическом материале, извлеченном из трудов Адольфа Дирра, строится и фонетическая система агульского языка в работе Н.Трубецкого³. Для сборника “Иберийско-кавказские языки” краткий очерк по фонетике и морфологии агульского языка составлен А.А.Магометовым⁴.

При сравнительно-историческом изучении фонетических систем дагестанских языков материалами агульского языка пользовались Е.А.Бокарев⁵, Б.К.Гигинейшвили⁶ и Б.Б.Талибов⁷. В целях сравнительно-исторического изучения лезгинских языков лексико-морфологический инвентарь агульского языка привлекается к анализу и в работе М.Е. Алексеева⁸.

При сопоставительном изучении дагестанских языков значительное число агульских лексических единиц привлечено к рассмотрению и в работах А.Е.Кибрика, С.В.Кодзасова⁹ и В.М. Загирова¹⁰.

---

1 Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.

2 Dirr A. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.

3 Trubetzkoy N. Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. Caucasica, fasc. 8, Leipzig, 1931.

4 Магометов А.А. Агульский язык. Сб. “Языки народов СССР”, IV, Иберийско-кавказские языки. Москва, 1967.

5 Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

6 Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.

7 Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.

8 Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М., 1985.

9 Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988; их же: Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.

10 Загиров В.М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.

Одним из ведущих специалистов агульского языка, внесшим значительный вклад в исследование его диалектов, представляет Н.Д.Сулейманов, который опубликовал многочисленные статьи в научных изданиях Дагестана, Адыгеи и Грузии.

Как известно, Р.Эркерт выделял в агульском языке два диалекта: буркиханский и кошанский. А.Дирр также считал, что агульский распадается на два диалекта: собственно агульский и кошанский. У Р.Шаумяна мы находим четыре диалекта: собственно агульский, керенский, кошанский и гекхунский (буркиханский). Однако же Шаумян эти четыре диалекта объединяет в две группы: первая - собственно агульский и керенский диалекты, сближающиеся с лезгинским и рутульским языками; вторая - гекхунский и кошанский диалекты, сближающиеся с табасаранским языком.

Сторонником деления агульского языка на четыре диалектные единицы выступает и Н.Д.Сулейманов: собственно агульский, керенский, кошанский и гекхунский (по Н.Сулейманову, гехюнский). Сулейманов выделяет еще три самостоятельных говора: фитинский, хпюкский и цирхинский. По данным Н.Д.Сулейманова, самыми крупными диалектными единицами являются собственно агульский и керенский, из которых первая включает речь жителей восьми сел: Тпиг, Хутхул, Мисси, Дулдуг, Гоа, Дуруштул, Яркуг и Кураг. Керенский же диалект объединяет речь жителей сел: Бедюк, Квардал, Хвередж, Укуз, Усуг и Рича. Речь жителей аулов Худиг, Арсуг и Буршаг составляет кошанский диалект. Речь жителей села Буркихан выделена как одноаульный диалект - гекхунский. Кроме промежуточных говоров - фитинского, хпюкского и цирхинского, все диалекты, за исключением гекхунского, по Н.Сулейманову, дробятся на соответствующие говоры со своими фонетическими и морфологическими особенностями.

В отношении диалектной дифференциации А.А. Магомедов придерживается мнения, что расхождения, существующие внутри агульского языка, исходя из лингвистической точки зрения, носят характер говоров, а не диалектов. В этой связи

А.Магометов выделяет в агульском языке говоры, а не диалекты. Наибольшие расхождения Магометов видит между кошанским говором и остальными говорами. Это же самое подтверждает и Н.Д.Сулейманов, но только на диалектном уровне.

Хотя нет достаточно точного определения или эталона по делению языка на более мелкие единицы, составляющие его общее существо (диалекты, говоры, подговоры), мы склонны видеть в высказываниях Н.Д.Сулейманова больше обоснованности и аргументированности.

В настоящей работе нас же прежде всего интересуют данные собственно агульского диалекта, лежащего в основе современного литературного агульского языка, так как весь материал нашего исследования сориентирован на создание научной, научно-методической и учебной литературы для вузов, педучилищ и агульских школ Дагестана.

1. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, большинство дагестанских языков склонение имен существительных формирует по принципу двух основ. Подобного же принципа придерживается и агульский язык.

Суть данного принципа сводится к тому, что именительный падеж (номинатив) имеет одну основу, а остальные падежи имеют другую основу, т.е. номинатив не имеет специального падежного оформления, а родительный и дательный падежи образуются от основы эргативного падежа. Это свидетельствует о том, что родительный и дательный падежи, кроме собственных им окончаний, содержат в своем составе и морфемы эргатива в качестве элементов, стоящих перед окончаниями генитива и датива. Таково мнение подавляющего большинства исследователей дагестанских языков. Однако в специальной литературе встречаются и высказывания, расходящиеся с общепринятым мнением. Например, М.Е. Алексеев утверждает: "Так, распространенное в дагестановедении утверждение о многоформантности эргатива в действительности является переформулировкой тезиса о многоформантности косвенной основы, от которой в свою очередь образуется эргатив с помощью нулевого аффикса"¹.

Установившимся в дагестановедении мнением является и мнение о том, что за основой номинатива укрепилось название (термин) - "основа прямого падежа" или "прямая основа", а за основой остальных падежей - "основа косвенных падежей" или "косвенная основа" (более подробно об этих терминах см. ниже). Как указано выше, эти две основы и создают так называемый "принцип двух основ" при склонении субстантивов в дагестанских языках.

В дагестанских языках, в том числе и в агульском, все падежи распадаются

---

¹ Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985, с.27.

на две группы: основные и местные (локативные).

Основные падежи (номинатив, эргатив, генитив и датив), хотя и являются элементами морфологической структуры, выражают синтаксические отношения одного субстантива (имени) к другой лексеме высказывания или к высказыванию в целом. В этом плане основные падежи выполняют исключительно синтаксические функции. Отношения, выражаемые основными падежами, характеризуются как абстрактные отношения между предметами. И эти отношения должны быть выражены с помощью падежей, обладающих синтетизмом формирования.

Когда Адольф Дирр рассматривал основы косвенных падежей агульского языка, он пришел к выводу, что в основе косвенных падежей лежит родительный падеж. Он пишет, что показателю родительного падежа -н предшествуют гласные а,е,и,у, так что получается ан, ен, ин, ун. В некоторых существительных перед окончанием еще встречается связующий элемент, т.е. согласный или целый слог, состоящий из гласного и согласного¹. Это говорит о том, что для Дирра косвенная основа совпадает с эргативом.

А.А. Магометов² и Б.Г. Ханмагомедов³ придерживаются твердо утвердившегося в кавказоведении мнения о том, что основу косвенных падежей создает эргатив.

Кроме указанных выше четырех основных падежей, в дагестанских языках, включая и агульский, представлена богатая система так называемых локативных (местных) падежей, которые объединяются в них в несколько серий. Количество локативных падежей в некоторых дагестанских языках доходит до 30. По выражению Е.А. Бокарева, числом своих падежей дагестанские языки превосходят все другие языковые группы мира⁴.

¹ Дирр А. Агульский язык. Тифлис. 1907, с.4.

² Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси. 1970, с.4.

³ Ханмагомедов Б.Г. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы. Уч. записки института ИЯЛ, Даг. ФАН СССР, N 4, Махачкала, 1958, с.546.

⁴ Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. Сб. "Язык и мышление", XI, М.-Л., 1948, с.56.

Основной функцией локативных падежей является то, что они указывают на различные положения предмета в пространстве. Там, где многие языки, например индоевропейские языки, для обозначения различной локализации предмета в пространстве используют предлоги в сочетании с падежными формами, дагестанские языки пользуются значительным числом локативных падежей.

Кроме того, следует отметить, что наличие большого количества локативных падежей, сочетающихся с развитой системой глагольных превербов, создает в языке достаточно точное и конкретное выражение локализации предмета в пространстве.

Все локативные падежи агульского языка распадаются на восемь серий, включающих по три падежа в каждой. Основой же локативных падежей также является эргатив. От локативного падежа, выражающего нахождение предмета где-нибудь (т.е. от падежа “покоя” каждой серии), образуется направительный падеж, выражающий движение предмета “к покою” и исходный падеж, выражающий движение предмета “от покоя”. Таким образом, в каждой серии представлены падежи: “покоя”, сближения “с покоем” (“к покою”) и отдаления “от покоя”.

В современном лезгинском языке представлено пять серий местных падежей¹, в табасаранском - семь серий². П.К. Услар выделял в табасаранском восемь серий³, в цахурском языке выделены четыре полных серий, а семь серий дефектных, так как дефектность этих серий обусловлена совпадением направительного и исходного падежей⁴, т.е. они выражены в цахурском синкретически. Подобный синкретизм наблюдается и в диалектах одного и того же языка. Так, формы “покоя”, “отдаления” и “сближения”, т.е. формы локативных и направительных падежей в губденском и хайдакском диалектах даргинского языка морфологически не дифференцированы⁵.

Такая же нерасчлененность наблюдается и в лезгинском языке⁶.

1 Мейланова У.А. Гюнейский диалект - основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970, с.110.

2 Магомедов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси. 1965, с.117.

3 Услар П.К. Табасаранский язык. Тбилиси. 1979, с.26.

4 Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М., 1990, с.67.

5 Магомедов А.А. Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск. 1983, с.195-196.

6 Мейланова У.А. Направительные падежи в современном лезгинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961, с.206.

Справедлив Н.Д. Сулейманов, когда утверждает, что эволюция системы локативных падежей в дагестанских языках четче прослеживается на примере аварского языка. Он пишет, что путь развития направительных падежей, отмеченный в аврских диалектах, отражает особую тенденцию перехода дагестанских языков от синкретизма к дифференциации локативно-направительных значений. Эта тенденция, очевидно, уже была намечена в прадагестанском состоянии. Диалектные данные аварского языка дают основание считать, что формирование собственно направительных падежей - это явление вторичное. В некоторых диалектах аварского языка формирование собственно направительного показателя в сериях является живым процессом ¹. По свидетельству М.Г.Исаева, в тлянадинском говоре анцухского диалекта в речи старшего поколения отражается архаическое состояние, при котором для 1-й и 5-й серии употребляется локатив вместо направительного падежа. Общая же тенденция в аврских диалектах указывает на зарождение в сериях направительного форманта -хху ².

---

1 Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала. 1993, с.105.

2 Исаев М.Г. Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Махачкала. 1975, с.12.

Глава I.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПАДЕЖЕЙ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1. Имя существительное в агульском языке и его особенности.

Существительные агульского языка, подобно существительным лезгинской подгруппы, достаточно сильно отличаются от соответствующих скажем, аваро-андо-цезских языков прежде всего отсутствием у них категории грамматических классов.

По мнению большинства специалистов иберийско-кавказских языков, сравнительно-историческое изучение категории грамматических классов помогает проследить развитие грамматического строя в отдельных группах кавказских языков. Многие явления морфологии, синтаксиса, словообразования, а также этимология ряда слов находят свое объяснение в связи с историей грамматических классов¹. Эта древнейшая морфологическая категория агульским языком ныне утрачена. Утрачена она и в лезгинском, и в удинском языках. Несмотря на то, что ныне категория грамматических классов и не характерна для агульского языка, ее былое функционирование в нем обнаруживается реликтовыми окаменелыми элементами, выделяемыми специалистами в составе частей речи: “в именах существительных, прилагательных, числительных, местоимениях, наречиях и глаголах”². Еще Н.Трубецкой³ выделял в именах **д** и **й** в качестве префиксальных элементов окаменелых грамматических классов: агуль. йакк, таб. йакк, лезг. йак, рут. йак, буд. йек, лак. дик¹, дарг. диъ (мясо). Следы былого функционирования категории грамматических классов не только в агульском, но и в лезгинском и удинском языках

1 Андгуладзе Н.Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси. 1968, с.201.

2 Магомедов А.А. Агульский язык. с.44.

3 Troubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues caucasiqnes - septentrionales. Bull. de la Societe de Linguistique de Paris, t.23, f.3. N 70, Paris, 1922.

свидетельствуют исследования Р.Шаумяна ¹, М.М.Гаджиева ², У.А.Мейлановой ³, Б.Б. Талибова ⁴, Е.Ф. Джейранишвили⁵.

Подробный анализ окаменелых экспонентов грамматических классов в составе большинства частей речи агульского языка провел А.А.Магометов⁶. Функционирование в прошлом категории грамматических классов в агульском языке выявлено путем сравнительного анализа в именах существительных: агуль. й-агъ (день), таб. й-игъ, лезг. й-угъ; агуль. й-акІв (топор), таб. й-акІ, лезг. й-акІв, лак. р-икІ; агуль р-уш (девочка, девушка, дочь), таб. р-иш, лезг. р-уш, лак. д-уш, агуль. д-иф (туча, туман), таб. д-иф, лезг. цц-иф ($\leftarrow^* \text{д-иф}$), арч. д-иль, лак. тт-ур-лу ($\leftarrow^* \text{д-ур-лу}$), дарг. д-ирив (урах. диал.), д-и-рихъ (хайд. диал.)... Путем сравнения таких многочисленных лексем А.А. Магометов справедливо приходит к выводу, что в именах существительных агульского языка выявляются префиксы - окамененные экспоненты грамматических классов: д, р, й, н, д, б, в, м. Наблюдается также полная утрата классных показателей⁷.

Подобным же анализом в агульских прилагательных и причастиях также выделены как префиксально-суффиксальные д, р, префиксальные б и й и суффиксальные т, тг и ф ($\leftarrow^* \text{в} \leftarrow^* \text{б}$).

Количественные числительные в большинстве случаев имеют в ауслауте д или р ($\text{*д} \rightarrow \text{р}$), однако же ряд числительных в агульском языке сохранил также анлаутный экспонент грамматического класса й, м ($\leftarrow^* \text{б}$), б, в ($\leftarrow^* \text{б}$).

В глаголах же агульского языка выделены анлаутные окамененные экспоненты

1 Шаумян Р. Следы грамм. классов... Сб. "Язык и мышление", т. VI-VII, М.-Л., 1936

2 Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке. Уч. записки Института ИЯЛ Даг.ФАН СССР, V, Махачкала, 1958, с.217-227.

3 Мейланова У.А. О категории грамматического класса в лезгинском языке. Уч. записки Института ИЯЛ Даг.ФАН СССР, X, Махачкала, 1962, с.282-298.

4 Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка. Сб. статей к 75-летию акад. Мещанинова. М.-Л., 1960.

5 Джейранишвили Е.Ф. Некоторые общие основы в цахурско-рутульско-удинском и в других иберийско-кавказских языках. Тбилиси. ИКЯ, IX-X, 1958, с.347; его же: Окаменелые элементы грамматических классов в глагольных основах и отглагольных именах удинского языка (на груз. языке, резюме на русском), ИКЯ, т. VIII, Тбилиси, 1956, с.362-367.

6 Магометов А.А. Реликты грамматических классов в агульском языке. Вестник Отделения общественных наук АН Груз.ССР, N 3, Тбилиси, 1962; его же: "Агульский язык", с.44-69.

7 Магометов А.А. Агульский язык, с.48.

грамматических классов б, д, тт, тл, р и й. В составе некоторых глаголов выделены по два окамененных экспонента: в анлауте и инлауте (т.е. перед корневым согласным).

По данным Магометова А.А., окаменелые классные показатели в агульском языке лучше всего прослеживаются в именах прилагательных, причастиях, числительных, глаголах. По мнению Г.В. Рогава, это связано с тем, что в существительных классные экспоненты, выполняя словообразовательную функцию, оказались менее устойчивыми и легко окаменели или утратились, в то время как классные экспоненты в именах числительных, прилагательных, причастиях, глаголах, выражая грамматические (синтаксические) отношения между словами, оказались более устойчивыми¹, поэтому лучше прослеживаются.

Как отмечает А.С. Чикобава, исторически для всех иберийско-кавказских языков были характерны² две основные категории - класс личности (человека) и класс вещи, которые дифференцировались до четырех классов (два - для человека, два - для всего остального).

Н.Д. Андгуладзе полагает, что при увеличении количества классов до четырех раньше возникает второй класс вещей и значительно позже - второй класс в категории личности³. Видимо, исторически для агульского языка была характерна аналогичная четырехклассная система грамматических классов.

Четырехклассная система грамматических классов реконструируется для агульского языка и А.А. Магометовым, в которой для первого класса выделен экспонент в, для второго - д, р(й), для третьего - б||→ в||→ ф, м(←б), для четвертого - д, (т, тт, тл), р(й), н, л.

Экспоненты д и р, ныне используемые в табасаранском, лакском языках в качестве показателей для обозначения класса человека (женщины), исторически

1 Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгейских (черкесских) языках. Тбилиси. 1959, с.131.

2 Чикобава А.С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. ВЯ, N 6. Москва. 1955.

3 Андгуладзе Н.Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения иберийско-кавказских языках. Тбилиси. 1968, с.202.

являлись показателями класса вещей¹.

Таким образом, хотя и реконструируется в диахронии система грамматических классов, в нынешнем состоянии развития агульский язык остался без одной из основных и древних морфологических категорий - категории грамматических классов. Теперь, когда категория грамматических классов утрачена, в агульском языке морфологически оформляемыми категориями существительного остаются число и падеж. Эти две категории и представляют для нашей работы существенный интерес.

2. Система основных падежей агульского языка

Имена существительные современного агульского языка в основном выступают в односложных, двусложных, трехсложных основах. Есть среди них заимствованная лексика и есть среди них исконные агульские слова. Все имена имеют в анлауте любой гласный или согласный и аналогичные гласный или согласный они имеют в ауслауте. Нет ни одной морфемы, указывающей на их принадлежность к именам существительным. Такая морфологическая неопределенность агульских имен существительных создает довольно непреодолимые трудности при установлении принадлежности агульских слов к тем или другим частям речи, если исследователь не обладает практическими навыками этого языка.

Итак, имена существительные в назывной форме представляют именительный (номинатив) падеж агульского языка. В таких случаях принято говорить, что именительный падеж в агульском языке морфологически не оформлен. К именам существительным, стоящим в именительном (номинативе) падеже, как и во всех известных языках, ставится вопрос фуш? "кто?" и фи? "что?" в ед. числе и фушар кто? и фиппур что? во мн. числе. Вопрос фуш? "кто?" ставится к именам существительным, обозначающим разумные живые существа, т.е. к человеческим личностям. Вопрос фи?

---

¹ Чикобава А.С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. Сообщ. АН Груз.ССР, т. III, N 4. Тбилиси. 1942, с.379-380.

“что?”²² ставится к остальным существительным, независимо от того, обозначают ли эти имена одушевленные существа или неодушевленные предметы.

Эти же вопросительные местоимения в агульском языке имеют и формы множественного числа: фуш? “кто?” - фуш-ар? “кто?” (мн. число), фи? “что?” - фи-ппур? “что?” (мн. число). Так, если имена существительные, обозначающие живые разумные личности, стоят в номинативе в форме множественного числа, к ним ставится вопрос фуш-ар? “кто?” (во мн. числе), а к именам, обозначающим остальные одушевленные и неодушевленные существа и предметы - вопрос фи-ппур? “что?” (во мн. числе).

Дифференцированное выражение единственного и множественного чисел вопросительным местоимением “кто?” наблюдается и в лакском языке¹, но нет подобной дифференциации в вопросительном местоимении “что?”. Если имена существительные I и II грамматических классов, т.е. существительные, обозначающие разумные существа мужского и женского пола, стоят в единственном числе, то к ним ставится вопрос цу? “кто?”. Если же они стоят во множественном числе, то ставится вопрос цва? “кто?” (во мн. числе).

Если вопрос агульского именительного падежа легко поддается интерпретации, то эргатив имеет достаточно сложную природу. Иначе этот падеж называют также “активным”, “повествовательным”. Эргатив происходит от греческого слова *ergates*, что означает “действующее лицо”. Наличие в морфологической структуре эргативного падежа является наиболее характерной и существенной особенностью всех иберийско-кавказских языков.

Нынешнее состояние эргативного падежа и его окончаний свидетельствуют о глубоких фonomорфологических изменениях, которым подверглись его морфемы в процессе длительного исторического пути развития. Ныне в агульском языке число окончаний эргативного падежа доходит до 15.

---

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание, IV. Лакский язык. Тифлиς. 1890, с.69.

Как известно, Р.Шаумян считает флексиями агульского эргатива следующие окончания: а, и, у (редко е), иногда -ди, -ала (-ела), -ани (-уни), -ура и т.д.¹ Б.Ханмагомедов, впервые проводивший глубокий анализ показателей эргатива восточно-лезгинской подгруппы языков (лезгинского, агульского и табасаранского языков) выделяет в агульском языке 10 флексий эргативного падежа: и, у, а, йи, да, ри, ра, на, ни, ди². В данном случае справедлив Б.Ханмагомедов в том, что при реконструкции исходного состояния флексий эргатива рассматриваемых языков их анлаутные гласные а, и, у едва ли являлись принадлежностью исторического эргатива. Вот что Б.Ханмагомедов пишет об этом: "Что же касается показателей ни, ди в лезгинском языке и да, ра, на, ни в агульском языке с предшествующими им тематическими гласными а, е, и, у, уь, ю (лезг. ини, уни, уьни, еди, ади, агульск. ала, ела, ура, юра, уна, ани, уни), то их мы не выделяем как отдельные показатели"³. Дело в том, что "... эти гласные исторически относились к корню, а затем, под влиянием тенденции к утрате конечных гласных, исчезли"⁴. Б.Ханмагомедов называет их тематическими гласными.

В отличие от Б.Ханмагомедова, рассматривающего флексии эргатива в диахроническом аспекте, мы, наоборот, анлаутные гласные а, и, у флексий агульского эргатива воспринимаем как органический инвентарь этих флексий эргатива, так как нас больше интересует их синхронический аспект и их практическую направленность в процессе преподавания агульского языка в школах и вузах республики Дагестан. В этой связи мы выделяем в агульском литературном языке следующие флексии эргатива:

1. Окончание -ди в эргативе принимают имена существительные в форме единственного числа: гардан "шея": гардан-ди, нугьул "конфета": нугьул-ди, мяІалим "учитель": мяІалим-ди, джил "голос": джил-ди, баркаван "благодатность":

1 Шаумян Р., см. цит. выше лит., с.32.

2 Ханмагомедов Б., см. цит. выше лит., с.308.

3 Ханмагомедов Б., см. цит. выше лит., с.306.

4 Ханмагомедов Б., см. цит. выше лит., с.307.

баркаван-ди, бизарвел “мучение”: бизарвел-ди, хан “князь”: хан-ди, душман “враг”: душман-ди, пагъливан “канатоходец, акробат”: пагъливан-ди, духтур “врач, доктор”: духтур-ди, майдан “площадь, равнина”: майдан-ди, зуран “край”: зуран-ди, мал “скотина”: мал-ди, айван “балкон”: айван-ди, чул “поле”: чул-ди, гъван “камень”: гъван-ди, джан “душа, дух, тело”: джан-ди, джин “черт”: джин-ди, хизан “семья”: хизан-ди, бустан “огород”: бустан-ди, къургъушум “свинец”: къургъушум-ди, ккелехъан “пастух”: ккелехъан-ди и хIуппехъен “чабан”: хIуппехъен-ди, кар “работа”: кар-ди и т.д.

Как свидетельствует высказывание А.А. Магометова¹, а также данные выше имена существительные, морфему -ди в эргативе принимают в основном слова, оканчивающиеся на сонорные звуки д, н, м и р. Однако, в агульском представлены и слова, оканчивающиеся на гласный или на шумный согласный, которые в эргативе принимают все же морфему -ди: мирас “родственник”: мирас-ди, бег “князь”: бег-ди, багъ “сад”: багъ-ди и другие.

2. Окончание -ура в эргативе принимают имена существительные единственного числа: диф “туча”: диф-ура, арс “серебро”: арс-ура, йиркI “сердце”: йиркI-ура, луф “голубь”: луф-ура, дустт “друг”: дустт-ура, чаркк “птенец”: чаркк-ура, нетI “гнида”: нетI-ура, мез “язык”: мез-ура, гIуд “куропатка”: гIуд-ура, зибз “муравей”: зибз-ура, варв “пчела”: варв-ура, гIуб “лягушка”: гIуб-ура, тIутI “муха”: тIутI-ура, чIид “блоха”: чIид-ура и т.д.

При сравнении данных выше лексем с соответствующими других родственных дагестанских языков выявляется, что анлаутный у окончания эргатива -ура не является принадлежностью основы данных имен. Этот гласный, возможно, является или органическим элементом самого окончания, или же гласным, сформировавшимся перед окончанием -ра и основой имени во избежание стечения согласных. С течением времени этот гласный мог бы стать элементом морфемы эргатива, хотя агульский язык допускает стечение “шумный + сонорный”. Гласные звуки, стоящие между

¹ Магометов А.А. Агульский язык, с.73.

согласным основы и согласным морфемы эргатива, мы рассматриваем как принадлежность окончания эргатива, так как его выделение из состава морфемы противоречит и склонению существительных по принципу двух основ. В частности, получается одна основа для номинатива и две основы для косвенных падежей (гласный + морфема эргатива).

В этой связи гласные элементы, стоящие между именами, оканчивающимися на согласный и перед сонорным согласным морфемы эргатива, мы рассматриваем как органические принадлежности окончания эргативного падежа.

3. Окончание -ари пока зарегистрировано лишь с двумя именами существительными, в частности, с именем яІ “талия”: яІ-ари, чІирх “мусор”: чІирх-ари.

4. Окончание -ана создает эргатив следующих имен существительных: хьид “весна”: хьид-ана, гІул “лето”: гІул-ана, Іурд “зима”: Іурд-ана, цІул “осень”: цІул-ана.

5. Окончание -уна представлено: вец “бык”: вец-уна, урч “теленек”: урч-уна, лучІ “телка”: лучІ-уна, ярд “бычок”: ярд-уна, ург “ягненок”: ург-уна.

6. Окончание -ани имеем со следующими словами: ттур “имя”: ттур-ани, кІаш “палка”: кІаш-ани, яІ “середина”: яІ-ани.

7. Если же имя имеет в ауслауте й, то окончание эргатива будет -яни: Іуй “вилка”: Іуй-ани, гІуй “картошка”: гІуй-ани.

8. Окончание -уни принимают имена: кІарч “рог”: кІарч-уни, борщ “борщ”: борщ-уни, бахтт “счастье”: бахтт-уни, гаф “слово”: гаф-уни, бурдж “долг”: бурдж-уни, вахтт “время”: вахтт-уни...

9. Окончание -ала принимают имена: кІантІ “нож”: кІантІ-ала, пяІ “курица”: пяІ-ала, къаз “гусь”: къаз-ала, хІуб “овца”: хІупп-ала, джакъв “птица”: джакъв-ала, ваз “месяц”: ваз-ала, кьуш “ковш”: кьуш-ала, ттур “палка для резки кизяка”: ттур-ала...

10. Окончание -ела представлено со словами: ІамкІ “пот”: ІамкІ-ела, ккекк

“петух”: ккекк-ела, цІегь “козел”: цІегь-ела, чІекІ “рыба”: чІекІ-ела, чІапІ “хлопок”: чІап-ела...

11. Окончание -йи регистрируется в основном с именами, имеющими в номинативе гласный исход: зурба “молодец”: зурба-йи, хунча “поднос”: хунча-йи, курпа “крупа”: курпа-йи, кІялла “башня”: кІялла-йи, устта “мастер”: устта-йи, чанта “мешок”: чанта-йи, куьча “улица”: куьча-йи, сумка “сумка”: сумка-йи, пІалтІу “пальто”: пІалтІу-йи, шуша “бутылка”: шуша-йи, аптека “аптека”: аптека-йи, бахта “лепешка”: бахта-йи, бала “горе”: бала-йи, банка “банка”: банка-йи, бахча “сад”: бахча-йи, бадра “ведро”: бадра-йи, будала “дурной”: будала-йи, гада “мальчик”: гада-йи, сукІра “миска”: сукІра-йи и т.д.

В составе данных выше морфем эргатива участвуют согласные элементы: д, р, н, л и й. Последующие морфемы эргатива состоят лишь из гласных звуков. Основы таких имен оканчиваются на согласный звук.

12. Гласный а экспонирует эргатив нижеследующих имен существительных: абаб “тетя”: абаб-а, адад “дядя”: адад-а, баб “мама”: баб-а, дад “пап”: дад-а, руш “девочка, девушка”: руш-а, сул “лиса”: сул-а, хІуч “волк”: хІуч-а, гІур “заяц”: гІур-а, рух “родник”: рух-а, хІабаб “бабушка”: хІабаб-а, хІадад “дедушка”: хІадад-а, кІирк “сын”: кІирк-а, сал “сарай”: сал-а, ккел “ягненок”: ккел-а, кьедибан “еж”: кьедибан-а, хІан “двор”: хІан-а, кьурч (заброшенный дом) - кьурч-а и другие.

13. Гласный и имеют в эргативе следующие лексемы: абанкьул “лоб”: абанкьул-и, адвокат “адвокат”: адвокат-и, аджал “смерть”: аджал-и, азиат “мучение”: азиат-и, айрупалан “самолет”: айрупалан-и, гІазаб “мука”: гІазаб-и, Іазар “болезнь”: Іазар-и, Іайиб “стыд”: Іайиб-и, багниш “медведь”: багниш-и, балугь “рыба”: балугь-и, балхун “гной”: балхун-и, бармак “шапка”: бармак-и, баракат “счастье”: баракат-и, базар “базар”: базар-и, бурунз “рис”: бурунз-и, битІун “бидон”: битІун-и, бархІам “платье”: бархІам-и, дагьар “гора”: дагьар-и, джил “земля”: джил-и, гитан “кошка”: гитан-и, бетІур “грязь”: бетІур-и, дерец “коса - орудие труда”: дерец-и, джехьер “груша”: джехьер-и, кІил “голова”: кІил-и, ппил “лук”: ппил-и, чІил

“ремень”: чІил-и, чІир “поле”: чІир-и, гЫил “рука”: гЫил-и, гЫул “ниша”: гЫул-и, кЪадакъ “гвоздь”: кЪадакъ-и, цІахун “бревно”: цІахун-и, ттун “шерстяная нитка”: ттун-и, ишан “шрам”: ишан-и, кулак “ветер”: кулак-и, угьал “дождь”: угьал-и, ибур “ухо”: ибур-и, силеб “зуб”: силеб-и, сив “рот”: сив-и, ул “глаз”: ул-и, устул “стул”: устул-и, кІедж “бумага”: кІедж-и, фун “живот”: фун-и, шалвар “штаны”: шалвар-и, тІагар “окно”: тІагар-и, тІибитІ “виноград”: тІибитІ-и, зерфел “сито”: зерфел-и, хЫириг “веник”: хЫириг-и, гьалатІ “ошибка”: гьалатІ-и, муджур “борода”: муджур-и, утун “спина”: утун-и, мухур “грудная клетка”: мухур-и, ярхІун “рана”: ярхІун-и и т.д.

14. Гласный у//уь создает эргатив зафиксированных ниже слов: зав “небо”: зав-у, лек “нога”: лек-у, тук “цветок”: тук-у, цІаб “лист”: цІаб-у, рудж “хвост”: рудж-у, чІар “волос”: чІар-у, ракк “дверь”: ракк-у, Іул “мышь”: Іул-у, рагь “солнце”: рагь-у, багь “фитиль”: багь-у, чарх “колесо”: чарх-у, хІав “воротник”: хІав-у, рукь “железо”: рукь-у, чал “цепь”: чал-у, пул “деньги”: пул-у, ранг “краска”: ранг-у, нецІв “река”: нецІв-у, лит “бурка”: лит-у, некк “молоко”: некк-у, уьтв “мед”: уьтв-у, нирх “просо”: нирх-у, чанг “щепотка”: чанг-у, таб “вѣна”: таб-у...; ибхь “снег”: ибхь-уь, ряхь “дорога”: ряхь-уь, руьхь “зола”: руьхь-уь, амкІ “сон”: амкІ-уь, лекІ “печень”: лекІ-уь, мидж “крапива”: мидж-уь, эхь “тень”: эхь-уь...

15. В агульском языке ныне регистрируются и имена существительные, эргатив которых формирует нулевая морфема, т.е. выступают в чистой основе. Это говорит о том, что у таких существительных основа эргатива совпадает с основой номинатива. По справедливому замечанию А.А. Магометова ¹, такими именами в агульском языке оказываются существительные, в исходе которых представлен гласный и: ризкЫи “хлебный злак”: эрг. также ризкЫи, кЪари “старуха”: эрг. также кЪари, идеми “мужчина”: эрг. также идеми, хІуни “корова”: эрг. также хІуни, гуни “хлеб”: гуни, бизи “женская грудь”: бизи, а также: гьури “вешалка”: гьури, дяІви “война”: дяІви, мяІни “песня” мяІни, кЪери “облако”: кЪери, сюри “каталка для

¹ Магометов А.А. Агульский язык, с.79.

покойника”: сюри, даги “осел”: даги, собственные имена: Нури, Бари, Шафи, Суфи, Пери, Гури и т.д.

Без морфемного оформления ныне в собственно агульском диалекте выступают имена существительные, оканчивающиеся на гласный и, и, по всей вероятности, в результате фонетического процесса -йи → (выпадение й → ии) (и слияние гомогенных и в одном).

Для иллюстрации процесса образования эргатива в современном агульском языке мы привлекали как можно больше лексического материала по следующим причинам.

Во-первых, чтобы по мере возможности избежать не слишком обоснованных выводов, основанных на двух-трех примерах.

Во-вторых, оказать посильную помощь начинающим исследователям агульского языка, практически не владеющим его основами, так как определить какое существительное в эргативе примет та или иная морфема заранее определить невозможно. Невозможно также предугадать, какой гласный звук начнет функционировать между основой имени и согласным элементом морфемы эргатива.

В-третьих, отсутствие в современном литературном агульском языке каких-либо лексикографических, орфографических и других справочных источников заставило нас использовать как можно больше фактического материала, способного в определенной степени оказать действенную помощь в становлении литературного агульского языка.

Как указано выше, мы выделили пятнадцать случаев образования эргатива в агульском языке, четырнадцать из которых формируются морфологическими средствами. Морфемами эргатива современного агульского языка мы считаем: -ди, -ари, -ура, -ана, -уна, -ани(-яни), -уни, -ала, -ела, -йи, -а, -и, -у. Мы не включили в их состав морфемы -джу, -джи, и е, характерные для цирхинского говора¹,

---

¹ Сулейманов Н.Д. Сравн.-историч. исслед. диалектов агул. языка, с.100.

а также -й¹, специфичный для керенского диалекта. Б.Г. Ханмагомедов выделяет в агульском десять морфем эргатива: -и, -у, -а(аь), -ди, -ий, -ла (-ала, -ела), -ри, -ра(-ура, уьра), -на(-уна), -ни(-ани, уни)².

Эргативный падеж, как выяснено еще П.К. Усларом³, является узловым пунктом в склонении.

Исторически образование же эргатива в свою очередь регулируется принадлежностью имени к тому или иному классу; наблюдаемые же отклонения - явления вторичного порядка; они обусловлены сдвигами в истории грамматических классов, следовательно, представляют собою ценнейший материал для уяснения содержания и характера этих сдвигов⁴.

В этой же статье Арн.Ст. Чикобава на примере флексии аварского эргатива -с (ваца-с, бечеда-с...) отмечает, что "ярко прослеживается связь флексии эргатива с грамматическими классами"⁵. Раз существует прямая связь образования эргативного падежа и грамматических классов, то распределение имен существительных по показателям эргатива исторически действительно осуществлялось по семантическому принципу. По поводу этого принципа Б.Ханмагомедов справедливо замечает, что согласные элементы в детерминантах эргатива д, р, л, н мы вслед за А. Дирром и другими исследователями считаем древнейшими классными показателями, которые в настоящее время уже не ощущаются в языке как таковые..., перестали ощущаться давным-давно. Отнесение слов к той или иной группе или классу при образовании эргатива, которое в далекой древности основывалось на каких-то семантических принципах издавна уже стало чисто формальным явлением... Далее, Б.Ханмагомедов указывает, что в односложных древних словах... мы можем проследить отдельные

1 Магомедов А.А. Агульский язык, с.80.

2 Ханмагомедов Б.Г. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы. уч. записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, N 4, Махачкала. 1958, с.308.

3 Услар П.К. Лакский язык. Тифлис. 1890 (прилож.: Письмо к Шифнеру от 24 апреля 1864, с.27).

4 Чикобава Арн. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке. Сб. "Языки Дагестана", вып.1, Махачкала. 1948, с.11.

5 Чикобава Арн., см. цит. выше лит., с.9.

явления, говорящие о том, что в основе отнесения тех или иных слов к различным типам образования эргатива лежали семантические признаки. Так, в лезгинском языке почти все слова, в показателе эргатива которых фигурирует *р*, являются названиями различных животных и птиц, что было замечено еще П.К. Усларом, а затем и Л.И. Жирковым. В табасаранском и агульском языках большинство этих слов также образует эргатив посредством показателей с согласными *р*, *д*. Любопытно весьма, что слово *лукI* (раб), которое в лезгинском языке относится к той группе слов, куда входят названия животных и птиц (на что также обратил внимание П.К. Услар и Л.И. Жирков), в табасаранском и агульском языках образует эргатив по тому же способу. Ср. лезгинск. *лукI-лукIра* с табасаранск. *лукI-лукIру* и агульск. *лукI-лукIура*¹.

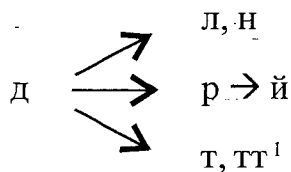
Не слишком убедителен М.Е. Алексеев², который пытается распространить семантический принцип на лезгинские языки в целом, несмотря на то, что еще в 1958 году Б.Ханмагомедов достаточно ясно установил суть этого принципа как в прошлом, так и в нынешнем состоянии развития лезгинских языков.

Одновременно необходимо отметить, что не только образование морфем эргатива связано с категорией грамматических классов, но и формирование показателей множественного числа. В образовании этих двух категорий имени существительного непосредственное участие принимают одни и те же консонантные элементы, выступающие в качестве экспонентов грамматических классов в тех языках, где эта категория и по настоящее время является функционирующей. Даже в тех языках, где эта категория перестала функционировать (лезгинский, агульский), выделенные окамененные элементы грамматических классов: *д* (*т*, *тт*, *тI*), *р*, *й*, *н*, *д*, *б* (*м||в*, *ф*) свидетельствуют о том, что некоторые из них принимают участие в образовании множественного числа имен существительных.

1 Ханмагомедов Б., см. цит. выше лит., с.319-320.

2 Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985, с.28.

Так, проделанный еще в 1958-1961 годах Акиевым А.Ш. анализ реликтовых элементов лакского эргативно-родительного падежа и показателей множественности имен существительных, достаточно убедительно указывает, что при формировании этих категорий использованы в прошлом одни и те же консонантные элементы, возводимые по нижеследующей схеме к экспонентам грамматических классов:

При образовании в лакском множественного числа элементы д, р, л, н, т, б, в, тт в ауслауте оформлены гласными и и у. Далее А.Ш. Акиев пишет, что при исключении из состава периодически чередующихся одинаковых согласных элементов, останутся следующие согласные флексии: д, р, л, н, т, тт, б, в, хъ, кI. Из этих флексий д, р, л, н, й, б, в ныне выступают как в лакском, так и в других дагестанских языках в роли экспонентов грамм. классов².

Теперь, если сравнить согласные элементы морфем эргатива агульского языка с данными выше флексиями лакского языка, то станет ясным, что в образовании эргатива и множественности участвуют одни и те же консонантные элементы (д → р → й; д → н; д → л; и д → р → й → ∅ – нулевая морфема), обрамленные с обеих сторон огласовкой. Ср. также показатели множественности современного агульского языка -ар, -б-ур (→||-вур), -й, -ар, в которых в и й, по мнению А.А. Магометова, представляют наращения, появившиеся в интервокальной позиции между исходным гласным имени и гласным суффикса мн. числа -ар³. А.А. Магометов также свидетельствует о том, что в табасаранском языке во множ. числе грамматические классы не различаются и что нынешние показатели категории человека используются для выражения множ. числа⁴.

1 Акиев А.Ш. Способы образования форм множественного числа имен в лакском языке. Автореф. дисс... канд. филолог. наук. Махачкала. 1964, с.15.

2 Там же, с.16.

3 Магометов А.А. Агульский язык, с.70.

4 Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси. 1965, с.80.

Что касается фонетического процесса $д \rightarrow р \rightarrow й$, наблюдаемого как на общедагестанском уровне¹ (лак. д-уш: “девочка”, “девушка”, “дочь” $\rightarrow$ лезг. р-уш $\rightarrow$ авар. й-ас), так и на диалектном уровне одного и того же языка² (мегеб. диал. дурси $\rightarrow$ урах., акуш. рурси $\rightarrow$ кубач. й-уссе), то в литературе имеется достаточно обоснованная интерпретация.

И, наконец, чрезмерная рефлексия основного консонантного элемента морфемы агульского эргатива $д (д \rightarrow р \rightarrow й \rightarrow \emptyset; д \rightarrow н, д \rightarrow л)$ ³ свидетельствует о том, что эргатив в этом языке переживает период ущербности, упадка его морфологической значимости, период его деструкции. Особенно это проявляется в именах существительных, в которых эргатив ныне образуется как нулевой морфемой ($д \rightarrow р \rightarrow й \rightarrow \emptyset$), так и гласными маркерами (а, и, у). Об этом же говорят и диалектные данные, в которых образование эргатива одной и той же лексемы проводится разными морфемами. Спонтанная рефлексия элемента основной морфемы $д$ на несколько согласных с более слабыми артикуляционными характеристиками также убеждает нас в том, что образование эргатива ныне в агульском находится в состоянии распада, процесс которого может протекать все дальше и дальше в течение длительного периода времени. Видимо, идентичными были и причины, способствовавшие исчезновению эргативного падежа в лакском языке, который оставил после себя в качестве реликтовых элементов многочисленные показатели этого падежа, проявляющиеся ныне в формах родительного и других падежей.

Однако же существует и другое мнение, что наличие множества показателей эргатива, обусловленное исторически развитой системой грамматических классов, явление более древнее, сравнительно с оформлением эргатива меньшим количеством падежных флексий⁴.

1 Чикобава Арн. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. Сообщ. АН Груз.ССР., III, N 4, Тбилиси. 1942, с.379-387.

2 Магомедов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси. 1982, с.18.

3 Чикобава Арн.: “в ряде дагестанских языков в роли фонетических вариантов -ди фиксируются -ни, -ли” (см. его: “К истории образования эргатива в аварском языке. ИКЯ, т.II, Тбилиси. 1948, с.116).

4 Чикобава Арн. К истории образования эргатива в аварском языке. ИКЯ, т.II, Тбилиси, 1948, с.113.

В процессе исследования флексий эргатива лезгинского, агульского и табасаранского языков в плане диахронии Б.Ханмагомедов пришел к такому заключению: а) согласные элементы в флексиях эргатива *д, р, л, н* - показатели грамматических классов; б) исконными показателями эргативного падежа являлись *и, а, у*, которые могли выступать или в чистом виде или же в сочетании с согласными *д, р, л, н*, причем основную роль показателей эргатива играют указанные гласные; в) из указанных же выше гласных “возможно, основным и единственным, показателем эргатива являлся гласный *и*”¹.

В этом контексте мнения ученых-кавказоведов значительно расходятся. Так, по мнению А.Магометова, исходным для суффикса *-и* в агульском языке является суффикс *-ди*... Наличие одного гласного в качестве суффикса эргатива в подобных примерах вторично. Гласный, исторически не являющийся суффиксом эргатива, но ныне несущий функции падежного форманта, может оформить эргатив заимствованного слова. Многообразие суффиксов эргатива в агульском ... является результатом фонетических изменений и диалектных вариантов. В ряде случаев обнаруживается утрата самого суффикса эргатива и его совпадение с именительным падежом².

Как известно, лакский язык - это единственный язык из всех дагестанских языков, в котором утерян эргативный падеж, но его исторические рефлексy, выступающие и ныне в формах родительного и других падежей, свидетельствуют об идентичных фонетических процессах, подвергшихся в прошлом морфемы эргатива и множественного числа. По этому поводу А.Ш.Акиев замечает: “... при образовании форм эргатива и основы множественного числа имен в лакском языке в прошлом основную роль играли экспоненты грамматических классов... Древнейшим экспонентом грамматического класса вещей в горских иберийско-кавказских языках является *д*. Согласный *д* и его огласованные фонетические варианты - основные показатели множественного числа имен также и в лакском языке”³.

1 Ханмагомедов Б. см. цит. выше лит., с.318, 319.

2 Магометов А.А. Агульский язык, с.76,78,80; его же: Табасаранский язык, с.97-100.

3 Акиев А.Ш. Образование форм множественного числа имен в лакском языке. Канд. диссерт. филолог. наук (рукопись), Тбилиси, 1964, с.124.

3. Образование множественного числа номинатива и эргатива агульского языка

Имена существительные, оканчивающиеся на согласный звук, в собственно агульском диалекте образуют номинатив множественного числа с помощью маркера -ар||-ер, а если номинатив в ауслауте имеет й, то с помощью -яр(йар).

1. -ар: цул “осень”: цул-ар, вец “бык”: вец-ар, урч “теленоч”: урч-ар, диф “туча”: диф-ар, мез “язык”: мез-ар, гардан “шея”: гардан-ар, джил “голос”: джил-ар, душман “враг”: душман-ар, лек “нога”: лек-ар, хвецІ “клец”: хвецІ-ар, нетІ “гнида”: нетІ-ар и т.д.

2. -ер принимают имена существительные: ибхь “снег”: ибхь-ер, ряхь “дорога”: ряхь-ер, рухь “зола”: рухь-ер, лекІ “печень”: лекІ-ер, эхь “тень”: эхь-ер... По мнению А.А. Магометова, гласный суффикса множ. числа может ассимилироваться также с е, в частности, под влиянием гласного основы, т.е. наблюдаются элементы сингармонизма (чуйкІ “кузнечик”: чуйкІ-ер, чІекІ “рыба”: чІекІ-ер.; лекІ “печень”: лекІ-ер)¹.

Нам думается, что в данном случае не совсем точен А.А. Магометов, так как подобная “ассимиляция и элементы сингармонизма” не наблюдаются в таких словах, как хвецІ - хвецІ-ар, нетт - нетт-ар, мез - мез-ар и т.д. О какой ассимиляции и явлении сингармонизма может идти речь в лексеме гъван “камень”: гъван-ар, в которой, наоборот, представлен процесс диссимилиации.

3. Маркер множественности -яр (-йар) принимают имена существительные, имеющие в ауслауте сонорный й. При этом необходимо учесть, что между й основы имени и инициальным й маркера проходит слогораздел: Іуй “вилка”: Іуй-яр (-йар), гІуй “картошка”: гІуй-яр (-йар), пай “половина”: пай-яр (-йар), даллай “частушка”: даллай-яр (-йар), хьей “шерсть”: хьей-яр(-йар).

4. Показатель множественности -бур в собственно агульском принимает

¹ Магометов А.А. Агульский язык, с.72.

большинство имен существительных, имеющих в ауслауте основы гласный звук: хунча “поднос”: хунча-бур, чанта “мешок”: чанта-бур, куьча “улица”: куьча-бур, бадра “ведро”: бадра-бур, бала “горе”: бала-бур, даги “осел”: даги-бур, туьтуь “слюна”: туьтуь-бур, кIетIа “лопата”: кIетIа-бур, бизи “сосок”: бизи-бур и т.д. Слово гада “мальчик” в этом диалекте образует форму множественности с помощью маркера - вур (← бур): гада - гада-вур. Еще Н.Д. Сулейманов свидетельствует, что в агульском языке отмечен факт, когда повсеместно, т.е. во всех локальных единицах, включая керенский диалект и хпюкский говор, субстантивы с гласным исходом присоединяют аффикс -вар (-вур), и это зафиксировано им всего лишь в двух словах: хлеб и корова: собс. агуль. диал. гуни “хлеб”: гуни-вар, хIуни “корова”: хIуни-вар¹. В слове ху “пашня”, “поле” для собственно агульского диалекта Н.Д. Сулейманов регистрирует форму множ. числа с морфемой -ппур². Морфема -ппур может встретиться в этом диалекте и с другими лексемами как фонетический вариант исходного -бур (← *бар) в устах отдельных представителей данного диалекта.

При образовании множ. числа от слов хьир “женщина” и руш “девочка, девушка, дочь” возникает явление супплетивизма: руш - шибер (эрг. руш-а - шибери), хьир - хум-бар (ср. лак. шар// шар-сса “женщина, жена” -множ. ч.: хьами).

Для маркеров множественности -бур(→ ||-вур) исходной формой является -бар (→ ||-вар) и гласный у маркеров -бур(→ ||-вур) вторичен, так как а изменяется в у под влиянием губного б(в)³.

Мы полагаем, что маркер множественности -бар(→ || -вар), регистрируемый ныне в агульских диалектах, представляет собой один из древних аффиксов множественности. Его отзвук обнаруживается и в соответствующем показателе лакского языка, используемом для образования множ. числа от слов чу “мужчина”. Ныне этот показатель имеет следующую звуковую оболочку -баркI (→ -варкI). По

1 Сулейманов Н.Д. См. цит. выше лит., с.92,93.

2 Сулейманов Н.Д. См. цит. выше лит., с.93.

3 Магомедов А.А. См. цит. выше лит., с.69,70.

поводу этого показателя А.Ш. Акиев пишет: "В составе форманта множественности -варкI||-баркI" (в вицх. говоре) обнаруживаются элементы: а) экспоненты грамматических классов б и в; б) формант множ. числа р; и в) неизвестный ныне согласный элемент кI. По мнению А.Ш.Акиева, -кI- остаток другого имени, которое следовало за формантом -р-, так как после кI в родительном падеже обнаруживаются еще: а) реликт эргатива н и б) второй показатель множ. числа н (←д)||д-в вицх. говоре.

Им. п. чи-варкI||чи-баркI (мужчины)

Род. п. чи-в-а-р-кI-у-н-н-а-л||чи-б-а-р-кI-у-н-д-а-л¹

Так, если выбросить из состава этого маркера конечное наращение -кI, то останется показатель -бар||-вар вполне идентичный соответствующему аффиксу современного агульского языка.

Что касается анлаутных согласных б||в агульского аффикса -бар||-вар, все специалисты видят в них окаменелые показатели категории грамматических классов².

4. Аблаут и редупликация основы при образовании форм множественного числа

Аблаут - древнее грамматическое чередование гласных, с помощью которого происходило формообразование различных категорий в морфологической системе языка. Следы аблаута сохранили до сего времени и некоторые иберийско-кавказские языки. По мнению Ю.Д. Дешериева, ...чередование гласных именных и глагольных основ... своими корнями уходит в глубокую древность, поэтому оно должно было в какой-то мере отразиться в дагестанских и абхазско-адыгских языках. Далее Ю.Д. Дешериев подчеркивает, что подобно тому, как германский аблаут не может быть

¹ Акиев А.Ш. См. цит. выше лит., с.17.

² Магомедов А.А. См. цит. выше лит., с.70; Топуриа Г.В. К образованию множественного числа в лезгинских языках. Иберийско-кавказское языкознание, т.XVIII, Тбилиси. 1973, с.263.

освещен, как полагают, только на основании данных германских языков, так и нахский аблаут не может быть проанализирован с необходимой полнотой без данных дагестанских и абхазско-адыгских языков¹.

В качестве реликтового явления аблаут сохранился в агульском языке в отдельных односложных именах существительных при образовании форм падежей как единственного, так и множественного числа. При этом происходит чередование “внутренней флексии”, т.е. гласный а замещается гласным у:

ед. число		множ. число
ном.	хал “комната, дом”	хул-ар
эрг.	хул-а	хул-ар-и
ном.	хьар “печь для выпечки хлеба”	хьур-ар
эрг.	хьур-а	хьур-ар-и
ном.	бав “мать”, (с. Рича)	був-ар
эрг.	був-а	був-ар-и

Встречается и аблаут, когда согласный а основы заменяется гласным и:

ном.	цал “стена”	цил-ар
эрг.	цил-и	цил-ар-и

Попадают и лексемы, единственное число которых избавилось от аблаута, но множественное число сохранило его:

ном.	кIар “палка”, (с. Буршаг)	кIур-ар
эрг.	кIар-у	кIур-ар-и

Явление аблаута сравнительно шире сохранилось и в лакском языке²: мах “железо”, род. п. мухх-а-л; баргъ “солнце”, род. п. бургъ-и-л и т.д. Единственной отличительной особенностью лакского аб лаута является то, что его действие распространяется лишь на родительный падеж обоих чисел, в то время как в агульском языке им охвачен и номинатив множественного числа:

ед. число		множ. число
ном.	хьацI “саранча”	хьацI-ру
род. п.	хьуцIулил	хьуцIурдил

1 Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный. 1963, с.363, 364.

2 Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. Махачкала. 1971, с.99.

ном. ттархь “палка”

род. п. ттуршал

ттархь-ру

ттуршардил...

Значительный след оставило явление-аблаута и в именах существительных диалектов даргинского языка¹. Но особенно сильно его влияние в системе изменения глагольных форм кубачинского и других диалектов даргинского языка. Так, в образовании аспекта в даргинском языке участвует противопоставление основ, т.е. одним из способов различения аспекта является чередование гласных в основе глагола:

кубач. диал.

ассий “купить” - иссий “покупать”

балгый “срубить” - булгый “рубить”

урах. диал.

асис-исис

балъис - булъис...

Таковыми чередованиями гласных при образовании аспекта в даргинском А.А. Магометов считает: а-и, е-и, у-и, а-у, е-у, и-у². Влияние аблаута в системе даргинского глагола ныне настолько велико, что возникает сомнение, не является ли оно явлением вторичного происхождения. Так или иначе способ формообразования имен и глаголов путем использования внутренней флексии как агульского, так и других дагестанских языков представляет наиболее существенный интерес для реконструкции исторической морфологии этих языков. Однако, к сожалению, на это явление обращается в них меньше всего внимания.

Не менее важными, с нашей точки зрения, для исторической морфологии дагестанских языков являются и следы образования грамматических форм путем редупликации основ имени. В собственно агульском диалекте мы имеем таких слов всего два: чу “брат”: ср. лак. чу “мужчина”, а форма множ. числа - ччуччу; чи “сестра”, а форма множ. числа “ччиччи”. На наш взгляд, выпадение конечного й едва ли могло вызвать редупликацию основ этих лексем³. Явление это намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Ср. данные цирхинского говора: чи-чи-джи и чу - чу-джу (← джи||-джу ← *ди||-*ду → ри||-ру). “Появление в цирхинском говоре

1 Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси. 1963, с.97-107.

2 Магометов А.А. Там же, с.160.

3 Магометов А.А. Там же, с.169.

показателей -джи и -джу наводит на мысль, что эти формы восходят к -ди и -ду и является результатом частичной ассимиляции под влиянием корневой аффрикаты ч¹. Бесспорно прав Н.Д. Сулейманов, когда конечные ччи и ччу этих слов возводит к -ди и -ду. Ср. также два основных показателя множ. числа лакского языка -ду и -ди, которые способствовали формированию в нем многочисленных маркеров плюральности имен².

Далее, для нашего исследования представляет интерес и лексемы, которые образуют множественное число путем повтора соответствующей морфемы множественности. Таких слов А.А. Магометов приводит всего два: куч “коса” и некъв “могила”³, а Н.Д. Сулейманов к ним добавляет еще: пут “конская грива” и уд “зернышко”⁴. Таким образом, эти слова образуют множ. число путем повтора одной и той же морфемы: куч “коса”: куч-ар-ар, некъв “могила”: некъв-ар-ар, пут “конская грива” - пут-ар-ар и уд “зернышко” - уд-ар-ар. Нами еще зарегистрированы: джин “черт” - джинарар, хъухъ “нос” - хъухъерар.

Когда язык в течение нескольких тысячелетий находится в состоянии естественного развития, не имея никакого внешнего нормативного влияния, в нем формируется множество отклонений, подчиняющихся внутренним законам его развития. Такие исключения из общего правила встречаются и в других языках. Так, в лакском языке слово ттучан “магазин” оформляется двойным маркером множественности: ттучан + т и ттучан-т-ру или слова, оформляющие множ. число маркером -уллу, имеют еще и второй аффикс множественности -в (-улли + в ← *уллу + в): хъунтIа “яма”: хъунтI-уллу и хъунтI + улли + в (← *хъунтIуллу)⁵ и т.д.

В лезгинском языке предприняты попытки один из аффиксов такого множ. числа квалифицировать как показатель ограниченного множественного (двойственного)

1 Сулейманов Н.Д. См. цит. выше лит., с.100.

2 Акиев А.Ш. См. цит. выше лит., с.17,18.

3 Магометов А.А. См. цит. выше лит., с.71.

4 Сулейманов Н.Д. См. цит. выше лит., с.94.

5 Акиев А.Ш. См. цит. выше лит., с.11.

числа¹. Как нам думается, аргументированность двойственного числа имен существительных приобретает свою значимость только тогда, когда оно находит свое выражение в соответствующих морфемах в системе глагола. Но таких согласовательных морфем двойственного числа в глагольной системе ни одного из дагестанских языков пока еще не обнаружено.

5. Образование эргатива, генитива, и датива обоих чисел.

Во множественном числе агульские имена существительные также склоняются по принципу двух основ. Однако, в отличие от единственного числа, где отличается большое количество показателей основы эргатива, во множественном числе он присоединяет единственную морфему -и. Как и в других агглютинативных языках, между основой имени и падежным окончанием эргатива -и стоит маркер множественности -ар- и спорадично -бур-:

<i>ед. число</i>		<i>мн. число</i>
ном.	дад “отец”	дад-ар
эрг.	дад-а	дад-ар-и
ном.	бахча “сад”	бахча-бур
эрг.	бахча-йи	бахча-бур-и
ном.	хал “комната, дом”	хул-ар
эрг.	хул-а	хул-ар-и
ном.	чу “брат”, (с.Рича)	чучч-ар(с.Рича) ²
эрг.	чучч-у	чучч-ар-и т.д.

1 Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке. Сб. Категория числа в дагестанских языках. Махачкала. 1985, с.56.

2 См. цит. выше лит.: Магометов А.А. Агульский язык, с.71.

Таким образом, образование эргатива множественного числа не представляет никаких трудностей.

Зная основу эргатива единственного числа, легко образовать и родительный (генитив) падеж агульского языка, так как к основе эргатива обоих чисел прибавляется морфема генитива -н:

<i>ед. число</i>	<i>мн. число</i>
эрг. гага-ди “отец”, (с.Буршаг) ¹	гага-бур-и
род. гага-ди-н	гага-бур-и-н
эрг. гада-й-и “мальчик”	гада-вур-и
род. гада-й-и-н	гада-вур-и-н
эрг. вец-уна “бык”	вец-ар-и
род. вец-уна-н	вец-ар-и-н
эрг. йуркI-ура “сердце”	йуркI-ар-и
род. йуркI-ура-н	йуркI-ар-и-н
эрг. мирас-ди “родственник”	мирас-ар-и
род. мирас-ди-н	мирас-ар-и-н...

Соответственно, прибавляя к основе эргатива морфему дательного падежа с, также легко образуются и формы датива:

эрг. кIур-ани “палка”	кIур-ар-и
род. кIур-ани-н	кIур-ар-и-н
дат. кIур-ани-с	кIур-ар-и-с

<i>ед. число</i>	<i>мн. число</i>
эрг. джил-ди “голос”	джил-ар-и

¹ Там же, с.71.

род.	джил-ди-н	джил-ар-и-н
дат.	джил-ди-с	джил-ар-и-с
эрг.	шуша-йи	шуша-бур-и
род.	шуша-йи-н	шуша-бур-и-н
дат.	шуша-йи-с	шуша-бур-и-с
эрг.	хул-а “дом”	хул-ар-и
род.	хул-а-н	хул-ар-и-н
дат.	хул-а-с	хул-ар-и-с
эрг.	ракк-у “дверь”	ракк-ар-и
род.	ракк-у-н	ракк-ар-и-н
дат.	ракк-у-с	ракк-ар-и-с и т.д.

Такова парадигма склонения имен существительных агульского языка по основным его падежам.

6. Функции основных падежей агульского языка

Номинатив единственного числа в агульском языке морфологически не оформлен. Он является основой имени существительного. Во множественном числе номинатив оканчивается на сонорный -р, являющийся ауслаутным согласным маркером множественности: -ар, -бар||-вар → -бур||-вур, -ппур(←-бур).

Когда мы говорим об основных функциях падежей, мы прежде всего имеем в виду их синтаксические функции, указывающие на взаимоотношения субъекта, предиката и прямого и косвенного объектов. В этой связи номинатив агульского языка, как и во всех дагестанских языках, является, во-первых, падежом субъекта

при интранзитивах статической и динамической природы: гада гъархъунаа - “мальчик спит”, дад итархъунаа - “отец болеет”, руш гъукка - “девочка (девушка) бегают”...; во-вторых, номинатив является падежом субъекта при составном именном сказуемом: руш иджеф э - “девочка (девушка) хорошая”, хулар ппара ая - “много домов” (букв.: дома много есть), Iумур джекъе э - “жизнь коротка (букв.: жизнь короткая есть)”...; в-третьих, номинатив в агульском входит также в состав самого именного сказуемого: ги ликIенди а - “он пишет (есть)”, Iумар хъунай меIалим - “Омар стал учителем (учитель)”, Юсуп Iакъул кейе-гада э - “Юсуп умный мальчик (есть)”...

Номинатив в агульском является и падежом объекта (прямого дополнения) при транзитивах (при переходных глаголах). Примерами, иллюстрирующими участие номинатива в функции реального объекта при переходных глаголах, могут служить: баба (эрг.) ярхIуне руш (ном.) - “мать побила дочь”; дада (эрг.) утIуне гуни (ном.) - “отец поел (покушал) хлеб”; Къубайи (эрг.) гъушуне китаб (ном.) - “Кубай взял книгу” и т.д.

Как известно, основной синтаксической особенностью кавказских языков, в том числе и всех дагестанских, является наличие в их составе эргативной конструкции, неизвестной для индоевропейских языков, в частности, для русского языка. Сущность этой конструкции в том, что при переходных глаголах субъект действия стоит в специальном падеже, именуемым “эргативом”. В школьной практике названием этого падежа служит “активный”, а грузины называют его повествовательным (мoтхрoбити).

Из специальной литературы известно, что эргативный падеж исторически является “первым именительным падежом”¹ иберийско-кавказских языков.

В связи с этим падежом в кавказоведении возникли теории: о пассивном характере, об активном характере и о нейтральном характере глаголов кавказских языков.

¹ Чикобава Арн. К генезису повествовательного падежа в картвельских языках. Труды Тбилисского госуниверситета. Том X, Тбилиси. 1939 (на груз. языке), с.175.

Так, П.К. Услар считал, что “в аварском языке так же, как и в чеченском, вовсе нет глаголов *действительных*, а одни лишь средние и страдательные. Винительного падежа нет в аварском языке по самому существу аварского глагола”¹. Свою точку зрения о пассивности аварских глаголов П.К. Услар обосновывает следующим образом. В предложении: инсуца чу бичула “отец лошадь продает”, реальный субъект инсуца “отец” стоит в эргативном падеже, в то время как реальный же объект чу “лошадь” стоит в именительном падеже. Кроме того глагол согласуется в грамматическом классе с реальным объектом чу “лошадь”, а не с реальным субъектом инсуца “отец”.

По Услару, все эти странности легко разъясняются, если отказаться от мысли, что переходный глагол действительного залога и если в соответствующем предложении переходный глагол заменить глаголом страдательного залога: инсуца чу бичула (отцом лошадь продается). Такая структура, по Услару, окажется в полном соответствии друг с другом: реальный субъект инсуца (отцом) - эргативный падеж (косвенное дополнение!), а реальный объект чу (лошадь) - именительный падеж (подлежащее!); глагол согласуется с подлежащим, а не с косвенным дополнением.

Такова в основном сущность теории о пассивном характере глагола в кавказских языках.

“Представители теории активности считают, что переходные глаголы в эргативной конструкции - глаголы активные, равнозначные глаголам действительного залога. Но если это так, то в чем же заключается их своеобразие? Ведь переходные глаголы нормально и являются глаголами активными, глаголами действительного залога”². Представителями теории активности переходного глагола являлись Быховская С.Л., Яковлев Н.Ф., Финк Ф.Н.

Теории нейтральности эргативной конструкции придерживается А.С.

---

1 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлиси. 1889, с.122,123.
2 Чикобава Арн. Несколько замечаний об эргативной конструкции. В сб. “Эргативная конструкция предложения”, М. 1950, с.7.

Чикобава. Эта теория не касается вопроса о том, какого залога переходный глагол эргативной конструкции - действительного или страдательного; так как, по мнению Чикобава, залогов эти при образовании эргативной конструкции в переходном глаголе не различались, то, следовательно, и переходный глагол не был дифференцирован в отношении залогов¹. Более того, А.С. Чикобава считает, что эргативный падеж генетически связан с именительным падежом² и что он прямой, но отнюдь не косвенный падеж³, представляя исторически (по времени образования) “первый именительный падеж”⁴.

Исключительно важное значение для теории эргативности имеет и вывод, вытекающий из исследований дагестанских и картвельских языков, о том, что “на примере этой флексии (имеется в виду флексия аварского эргатива на-с) ярко прослеживается связь флексии эргатива с грамматическими классами”⁵.

Таким образом, проблема эргатива и эргативной конструкции - это узловая проблема всех иберийско-кавказских языков, в том числе и агульского языка.

Так, эргатив в агульском языке не совпадает ни с каким другим падежом, а представляет собой самостоятельную морфологическую единицу.

Как было отмечено выше, основной синтаксической функцией эргатива в агульском языке является выражение реального субъекта при транзитивах (при переходных глаголах): ччуччу атІариа кІурар “брат рубит дрова”, ччуччу атІариа кІурар якІванилди “брат рубит дрова топором”; дада фикир аркьяа “отец думает” (букв.: отец думу делает); Іумара йине Камилас хІуни “Омар отдал Камилу корову”; баба хІайзур акьуне ямак “мать приготовила обед”, гадайи ликІендиа кІидж “мальчик пишет письмо”...

1 Чикобава арн. См. цит. выше лит., с.7.

2 Чикобава Арн. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке. В сб. “Языки Дагестана”, вып.1 Махачкала. 1948., с.15.

3 Чикобава Арн. Там же. с.17.

4 Чикобава Арн. Там же. с.17.

5 Чикобава Арн. Там же. с.9.

В процессе исследования табасаранского языка - языка генетически самого близкого к агульскому языку, П.К.Услар заметил, что в его хинагском говоре значение орудия действия (т.е. значение инструменталиса, соответствующего творительному падежу русского языка) передано эргативом и как представитель “пассивного характера глагола” кавказских языков (см. выше) он переводит такие конструкции предложения страдательными оборотами: армири як¹и илдивт¹урдур гьар “человек рубит дерево топором” (а по Услару: человеком топором рубится дерево); армири белли ялкундур йишв, дирси йившурдур вук¹, дагьури вугурдур дяхин “человек заступом копает землю, косой косит траву, серпом жнет пшеницу” (а по Услару: человеком заступом копается земля, косой косится трава, серпом жнется пшеница”) Однако Услар дает в своей монографии и примеры, выражающие функции инструменталиса местными падежами, образованными с помощью окончания -ри¹. Употребление эргатива в функции инструменталиса в табасаранском языке подтверждают и данные А.А.Магометова:”В ряде говоров табасаранского языка и в настоящее время, эргатив может выступать в функции орудия действия... В говорах табасаранского языка и поныне сохранилось употребление эргатива в функции орудия действия”².

Употребление эргатива в функции инструменталиса всецело не прекращено ныне и в агульском языке. В этой функции эргатив агульского языка еще достаточно живуч в устном общении наряду с формами инструменталиса, образованного с помощью - формы суперессива на -дди (супераллатив). Однако, к сожалению, специалисты агульского языка почему-то обходят в своих исследованиях эту проблему, хотя она имеет как практическую ценность, так и научно-теоретическую значимость.

Название инструменталис, как известно, дается орудию, с помощью которого совершается действие реальным субъектом и в определенном смысле соответствует

1 Услар П.К. Табасаранский язык. Тбилиси. 1979, &18.

2 Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с.132,133.

функции, выполняемой творительным падежом русского языка. Выше мы привели пример: ччуччу атІариа кІурар якІвонилди, где и ччуччу (субъект действия) “брат”, и якІвалди (инструменталис) “топор” стоят в эргативном падеже. Это вполне адекватно структуре предложения аварского языка: инсуца (эрг.) кьотІула цІул (Ro) гІоштІоца (эрг. в функции инструменталиса), ср. агульский вариант: дада (эрг. кІурар (Ro) кьатІ аркбая якІвалди (эрг., инструменталис), или же: руша (эрг.) гвар (Ro) ацІас акьуне хьетти (эрг., инструменталис) “девушка заполнила кувшин водой, т.е. руша (эрг.) и хьетти (эрг., инструменталис) стоят в эргативе.

То, что эргатив в иберийско-кавказских языках выполняет функцию реального субъекта, общеизвестно. В этой связи, на наш взгляд, больше следовало бы обращать внимание на функцию эргатива, выступающего в качестве инструменталиса, и в особенности в агульском языке.

Употребление эргатива в агульском языке зависит и от специфики некоторых переходных глаголов. Так, в агульском языке не произошла семантическая дивергенция глаголов “сжечь” и “сгореть”. Как в значении “сжечь”, так и в значении “сгореть” употребляется один глагол уга: Хал угунай “дом сгорел”, хал (нэм.) угунай Іумара (эрг.) “дом сжег Омар”, цІилди (эрг.) угунай хал “огонь сжег дом”.

Такой же семантической дифференциации нет и в глаголе кІинай “убить” и “умереть”. В обоих случаях мы имеем одну форму кІинай: АхІмад кІинай 1850-пе йиса (йиса - эргатив от йис “год”. Таким образом, мы имеем следующую структуру: 1850 год убил Ахмеда, хотя на русский язык мы и переводим ее в форме наречия: Ахмед умер в 1850 году. В данной структуре агульский язык может использовать и два эргативных падежа: АхІмад Аллагьди (эрг.) кІинай 1850-пе йиса (эрг.) || Аллагьди (эрг.) кІинай АхІмад (ном.) 1850-пе йиса (эрг.) “Бог убил Ахмеда (с помощью) 1850 года” или “Бог убил Ахмеда 1850 годом.” В обоих случаях год “йис” стоит в форме ныне действующего эргативного падежа.

Мы ежедневно используем синтаксическую конструкцию: зе гада хуруфе гІуфцІурна іудпе йиса (эрг.) и переводим: мой сын родился в пятьдесят втором году. При

этом мы не учитываем два важных обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к оригинальной интерпретации фактов агульского языка. Первое из них то, что не только в агульском, но и во всех дагестанских языках переходный глагол всегда остается переходным, так как в их составе нет возвратной частицы -ся, как в русском языке, способной изменить переходность глагола в непереходность; и, во-вторых, раз нет перехода глагола с транзитивного действия в интранзитивное действие, то в такой конструкции обязательно должен быть представлен реальный субъект, выраженный эргативным падежом. Так, в случае *зе гада хуруфе гІуфцІурна іуд-пе йиса* мы имеем “мой сын родил 52-й год”, так как производитель (родитель) не упомянут, а год “йис” стоит в эргативе. Понять подобное для лиц и специалистов с индоевропейским языковым мышлением крайне трудно, несмотря на то, что факты агульского языка действительно таковы.

Если же в данной конструкции возникает реальный субъект в лице производителя (родителя), стоящий также в эргативном падеже, то роль второго эргатива йиса “годом” теряет свою грамматическую и семантическую значимость, ассоциируясь в сознании личностей с наречной временной категорией: *баба* (эрг.) *хурунай гада* (ном.) *гІуфцІурна іуд-пе йиса* (эрг.) “мать родила сына в пятьдесят втором году”, а в действительности же “путем года”, “с помощью года”.

В агульском языке существует выражение *зун кІесхьунай мекІила*, которое переводится как: я чуть не умер от холода, т.е. когда хотят сказать, что “им было очень холодно”. Если данное выражение перевести на русский язык буквально, то получится: холод убил меня, а в агульской структуре: *зун* “я” (ном.) - прямое дополнение и *мекІила* (эрг. от *мекІ* “холод”) - реальный субъект, производитель действия. Эта конструкция используется в агульском языке в качестве идиоматической единицы (фразеологизма), когда хотят сказать “мне было очень холодно”.

Если же мы используем данное выше фразеологическое выражение в прямом смысле *те кІинай ругъуна* “он умер от мороза”, то опять-таки получится “мороз убил

его”, т.е. реальным субъектом (активным деятелем) является ругъу “мороз”, стоящее в эргативном падеже.

И, наконец, необходимо отметить, что в формировании наречий от имен существительных активную роль в агульском языке сыграл также эргатив: хьид-ана “весною” (хьид “весна”), Іурд-ана “зимою” (іурд “зима”), гІул-ана “летом” (гІул “лето”), цул-ана “осенью” (цул “осень”), йагъ-ури “днем” (йагъ “день”): са йагъ-а “в один (прекрасный) день”, Іуьш-ири “ночью” (Іуьш “ночь”)...

В плане участия эргатива в качестве наречий времени примечательно и одно высказывание Гуго Шухардта: “Активный падеж, как и все падежи, кроме именительного, который вовсе не является падежом, и родительного, возникшего из прилагательного, является наречием и развился, вероятно, в результате присоединения приложения: Vater - Ort (отец - место) = seitens des Vaters (с помощью отца) и т.п.¹ По всей вероятности, этому высказыванию Шухардта способствовали материалы монографии А. Дирра².

Таковы основные морфолого-синтаксические функции эргатива в агульском языке.

Родительный падеж (генитив). В основу этого падежа в агульском языке ложится эргативный падеж с характерными для него маркерами, т.е. к основе эргатива прибавляется окончание -н, не нарушая общедагестанскую систему склонения “по принципу двух основ”.

Этот падеж, не без основания, иногда называют и посессивом (от латинского *possessivus*, обозначающий принадлежность и притяжательность), так как с помощью этого падежа из имен существительных образуются формы, соответствующие русским относительным и притяжательным прилагательным. В действительности же этот падеж не превращает имена существительные в прилагательные, а способен создать формы

1 Шухардт Г. Об активном и пассивном характере переходного глагола. В сб. “Эргативная конструкция предложения”. М., 1950, с.104,105.

2 Дирр А. Агульский язык. СМОМПК, XXXVII, Тифлиς. 1907, с.14,15.

существительных, выступающих в предложении с синтаксической функцией определения: кІурані-н кІар “деревянная работа” (работа из дерева; букв. дерева работа), гъвандин цилар “каменные стены” (стены из камня; букв. камня стены), Дагъустандин университет “Дагестанский университет” (университет Дагестана, точнее Дагестана университет), дадан руш “отцовская дочь” (девочка, девушка), т.е. “отцова дочь”, Іумаран хІуни “корова Омара” (Омарова корова, Омаровская корова); зе азардин сабаб микІиланф э “причина моей болезни - простуда” (букв.: моей болезни причина (есть) замерзание) и т.д.

Дательный падеж (датив). Этот падеж в агульском также образуется от основы эргатива путем присоединения окончания -с(s).

В составе предложения датив агульского языка в основном выполняет функцию косвенного дополнения: Зун дада-с китаб ине “Я отдала отцу книгу”; АхІмада учин илдеші-с туп ине “Ахмед дал своему товарищу мяч; Мурада-с дада къаламар гъушуне “Отец купил Мураду карандаши”; Іумара ине Камила-с хІуни “Омар отдал Камилю корову” и т.д.

Не менее важной функцией агульского датива является и то, что он, подобно другим дагестанским языкам, используется и для выражения субъекта (производителя) при глаголах чувственного восприятия, т.е. при так называемых *verba sentiendi*: Іали-с агвуне гада “Али увидел мальчика”, Вали-с гъараяр ун хъуна адавуи “Вали не слышал звука (крика)”; гадаи-с кканде ибур алийинас хІикатарил “мальчик любит слушать сказки”; ІахІмада-с агвуне автобус “Ахмед увидел автобус”; шиникквари-с-на шибери-с ккан хъуне вес хулади “мальчики и девочки захотели идти домой”; меІалимди-с адине фикир башламиш акъас дарс “учитель подумал (пришла мысль), начать урок”; гІурчахъандин гъурури-с гІурар агвуне “собаки охотника увидели (заметили) зайца”; гитанари-с ккан вея нек-на яккв “кошки любят молоко и мясо”; идемари-с ягІар хъуне дяІви ушуна кканеф “мужчины поняли, что необходимо отправиться на войну”, зе мукъунттари-с ун хъуне идже хабарар “мои родственники слышали хорошие вести”...

При использовании датива для обозначения косвенного дополнения возникают и трудности, обусловленные национальной психологией. Так, агульцы обычно говорят: баба-с гада хурунай, т.е. мать родила сына. Однако же баба-с стоит в дативе и не является субъектом предложения, так как переходный глагол хурунай не является глаголом чувственного восприятия и не может рассматриваться как субъект предложения. Подобные конструкции больше соответствуют таким русским предложениям, как “у матери родился сын”. В агульском же варианте глагол - переходный и в этой связи субъект должен присутствовать, несмотря на то, что в предложении он отпущен. Если субъект предложения восстановить, то получится: Аллагь-ди (эрг.) хурунай (ине) гада баба-с (дат.) “Бог родил (дал) мальчика матери (для матери)”. Структура предложения остается неизменной. Случаи отпущения субъекта предложения при транзитивах агульского языка - явление нередкое. Подобное предложение встречается и у Шаумяна “кьаведи-с кӀулакьаяр рухьуна а” и переводится это предложение Шаумяном “женщина родила близнецов”, что не совсем соответствует действительности. На наш взгляд, было бы правильнее, если бы оно было переведено: женщине родились близнецы.

Датив в агульском языке может выступать в функции обстоятельства предложения: заву-с хьутурф “смотри на небо” (обстоятельство места) и т.д.

После краткого рассмотрения путей образования и функционирования номинатива, эргатива, генитива и датива агульского языка следует, на наш взгляд, заключить:

Во-первых, эти четыре падежа в агульском языке являются основным морфологическим инвентарем, выполняющим синтаксические функции по выражению субъекта и объекта, а также их взаимоотношение с предикатом. И в этой связи не слишком правомерны те исследователи дагестанских языков, которые видят в них функции “абстрактного” выражения. Мы полагаем, что эти четыре падежа в агульском языке выполняют наиболее конкретные функции, способствуя установлению грамматической и семантической связи между членами предложения

и отдельными его сентагмами.

Во-вторых, при склонении имен существительных агульского языка эти падежи, как указано выше, создают “принцип двух основ”. Этот принцип свойственен и для существительных других дагестанских языков. В основе данного принципа лежит способ формирования падежной системы дагестанских языков. По этому принципу для номинатива мы имеем одну основу (имя в назывной форме), а для генитива, датива и других локативных падежных форм - другую основу, т.е. основу эргативного (активного) падежа. “Принцип двух основ” сам подсказывает нам, что в дагестанских языках мы имеем две основы: основу номинатива и основу эргатива.

В-третьих, и номинатив, и эргатив, а также датив при транзитивах чувственного восприятия в агульском языке являются падежами реального субъекта. В этой связи хотелось бы отметить, что “в иберийско-кавказском языкознании широко используются термины “косвенная основа”, “косвенный падеж”, но в научной литературе уже поставлен вопрос о том, что “понятия “прямой падеж”, “косвенный падеж”, перенесенные из морфологии древнегреческого языка в синтаксис индоевропейских языков, вряд ли могут служить критерием для квалификации падежей в иберийско-кавказских языках”. (А.С. Чикобава)¹.

Чтобы и в терминах разграничить эргатив двух разных уровней, Гурамом Топуриа вводится новый термин “палеоэргатив”, который одновременно указывает и на древность формы и на его назначение - функцию выражения реального субъекта. Как считает Г. Топуриа, термин “палеоэргатив” имеет и то преимущество, что более удобен в словообразовательном смысле: “палеоэргатив”, “палеоэргативная основа”, “палеоэргативный уровень в склонении” и т.д.². Далее Г. Топуриа считает, что в дагестанских языках в диахронии функционировали две основы, т.е. одна -

¹ Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках. Автореф. докт. филолог. наук. Тбилиси. 1987, с.15; См. также статью Ар. Ст. Чикобава: “Об эргативном падеже - “косвенном” и “прямом” - в иберийско-кавказских языках” в сб.: “Падежный состав и система склонения в кавказских языках”. Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала. 1987, с.5-9.

² Топуриа Г.В. Там же, с.15.

маркированная (VC), а другая - немаркированная (чистая основа), и что на таких производных формах базировалось склонение на начальном этапе своего развития, т.е. существовала бинарная оппозиция двух именных основ (немаркированная - маркированная), являющаяся фундаментом, на который опиралось склонение в дагестанских языках¹.

Что же касается нашего мнения, то мы предпочтение оказываем терминам: “основа номинатива”, “номинатив” вместо “прямой основы”, так как по своей семантике и по выполняемой функции “прямых основ” не бывает. Или же, как это предлагает Г. Топуриа, мы бы предпочтение оказали термину “немаркированная основа” или “чистая основа”. Не отражает природу основных падежей агульского языка и термин “косвенная основа”, так как он не способен объяснить, в чем заключается “косвенность” такой основы. Полагаем, что было бы вернее, если мы употребляли вместо “косвенной основы” термин “основа эргатива”, или же, как это предлагает Г. Топуриа, “маркированная основа”. На наш взгляд, термины “основа номинатива” и “основа эргатива” больше и лучше выражают не только сущность склонения “по принципу двух основ”, но и морфологический способ формирования падежной системы агульского языка.

7. Склонение имен существительных во множественном числе.

Имена существительные агульского языка образуют множественное число суффиксальным способом. Для общеагульского состояния Н.Д. Сулейманов выделяет три показателя множественного числа * -бар, * -йар и * -ар². А.А. Магометов считает, что существительные с исходом на гласные во множественном числе имеют суффикс -бар (|| вур) или йар (различие в зависимости от говора). Гласный у в суффиксе множ. числа вторичен - а изменяется в у под влиянием губного б³. Г. Топуриа считает, что этот б в

1 Топуриа Г.В. Там же, с.26.61

2 Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала. 1993, с.92.

3 Магометов А.А. Агульский. Тбилиси. 1970, с.69.

составе суффикса множ. числа - древний экспонент грамматического класса; функция которого в дальнейшем подверглась реинтерпретации¹. Магометов А.А. полагает, что в и й, появляющиеся в формах множ. числа, являются наращениями в интервальной позиции между исходным гласным имени и гласным суффикса множ. числа -ар². Большинство же существительных, оканчивающихся на согласные и полугласные звуки, принимает показатель -ар³.

Из-за сильной рефлексии падежного окончания эргатива единственного числа (ди→ри→йи→∅ принцип агглютинации в агульском языке и не выдержан, но при склонении имен существительных во множественном числе, как и в других агглютинативных языках, показатель множественности вклинивается между основой субстантива и падежным окончанием.

Окончанием же эргатива множественного числа всегда служит гласный и (правда, за исключением двух-трех слов). При этом склонение “по принципу двух основ” строго выдержано. Одна основа - основа номинатива с формантом множественности -бар|| -йар|| -ар, а другая - основа эргатива с формантом множественности -бар|| -йар|| -ар плюс окончание эргатива -и. Исключениями из общего правила являются: вместо ожидаемой формы кІетІайар “лопаты” в собственно агульском имеем кІетІабур, вместо дагийар “ослы” имеем дагибур, гуни “хлеб” - гунивар, хІуни “корова” - хІунивар, цІа “огонь” (←цІай) - цІабур, ху “пашня” - хуппур. По свидетельству Н. Сулейманова, некоторые слова в ряде диалектов присоединяют во множественном числе двойной суффикс в виде -ар: соб. аг. некъв “могила” - некъварар, куч “коса” (из волос) - кучарар, пут “грива” (конская) - путарар, уд “зернышко” - ударар⁴. Некъв “могила” и куч “коса” с двойным суффиксом множественности приводятся и у Магометова А.А.⁵ Отклонение в

1 Топурия Г.В. К образованию множественного числа в лезгинских языках. ИКЯ, XVIII, Тбилиси. 1973, с.263. (резюме).

2 Магометов А.А. Там же, с.70.

3 Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.-Л. 1944, с.21.

4 Сулейманов Н.Д. См. цит. выше лит., с.94.

5 Магометов А.А. — —, с.71.

образовании множественного числа от имени руш в тпигском говоре собственно агульского диалекта видит и Шаумян Р. - руш “дочь” - шибер “дочери”¹.

Что же касается морфолого-синтаксических функций, выполняемых номинативом и эргативом агульского языка, то они аналогичны соответствующим единственного числа: номинатив выражает реальный субъект при интранзитивах: Шиникквар ушуне мактаби “Дети пошли в школу”..., или объект при транзитивах: Мухтара усттулар файдине “Мухтар стулья принес”; шибери тукар завал акьуне “девочки цветы собрали”, дада гьуюне хІачар “отец купил яблоки”, баба уджуне гунивар “мама испекла хлеб (хлеб во множ. числе), ччиччи фататуне кучерар (редубликация показателя множественности, см. выше) “сестра распустила косы”, ччуччу дахьуне тІагарар “брат открыл окна”...

Генитив множественного числа в агульском образуется так же, как и в единственном числе, с помощью сонорного -н. Аналогично единственному числу основными функциями агульского генитива является морфолого-синтаксические функции, выступая в качестве адъектива посессивной направленности, выполняет роль русского относительного и притяжательного прилагательных: ччиярин курар дуздингтар ири “работы сестер были правильными”, шиниккварин савкъати хизан шад хьуне “подарок сыновей (сыновний подарок) обрадовал семью”, гебури ишламиш аркъай уй маларин къарк “они пользовались (использовали) кожу животных”, кучайин Іу багв ацІуна уй инсанари “обе стороны улицы были переполнены людьми” и т.д.

Выполняя синтаксическую функцию определения, генитив агульского языка сочетается с определяемым именем существительным, стоящим как в форме основных падежей, так и в форме локативов:

идже инсан “хороший человек” (номинатив)

идже инсандин берхІем “хорошего человека рубашка” (генитив)

---

¹ Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.26-27.

идже инсандин ччучус “брату хорошего человека” (датель)

идже инсандин гъилил “на руке хорошего человека” (суперессив)

идже инсандин хулаъ “в доме хорошего человека (инессив) и т.д.

Он может сочетаться и с определяемым именем, стоящим в форме того же генитива:
хулан дакIарин гъававел “высота окна дома”, гъвандин цIупевалдин четтин хьуне
кар “из-за твердости камня осложнилась работа”...

Когда мы утверждаем, что агульский генитив сочетается с любой падежной формой определяемого имени существительного, это не говорит о том, что он согласуется с определяемым существительным. Морфологически изменяемой частью всегда является определяемая часть. Что же касается определяющей части, то она может приобрести любые падежные формы. Генитив же при этом всегда сохраняет свою исходную форму с окончанием -н:

дагъустандин университет

дагъустандин университет-и

дагъустандин университет-и-н

дагъустандин университет-и-с

дагъустандин университет-и-л

дагъустандин университет-и-к

дагъустандин университет-и-гъ ...

Как и в единственном числе, датель множественности в агульском языке имеет окончание -с. Основными синтаксическими функциями этого падежа являются: во-первых, выражение косвенного дополнения: зун фаттихьуне зе гъуй хучарис “я бросил свою собаку волкам”, инсанарис кар акъас гереке “людям необходимо работать (букв. работу делать) и т.д. и, во-вторых, выражение субъекта при переходных глаголах чувственного восприятия: гIурчахъандин гъурурис гIулар агвуне “собаки охотника (букв. “охотника собакам”) увидели зайца”, зе мукъунттарис ун хьуне идже хабарар “мои родственники (букв. “моим

родственникам”) услышали добрые вести” и т.д.

Таковы синтаксические функции и морфологическая структура основных падежей агульского языка (номинатива, эргатива, генитива и датива).

Глава II.

СИСТЕМА ЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

1. Краткая характеристика локативных падежей и их место в структуре дагестанских языков.

Отличительной особенностью категории падежа дагестанских языков, в отличие от соответствующей индоевропейских языков, является то, что в дагестанских языках представлена глубоко развитая система локативных (местных) падежей противоположность предложной системе индоевропейских языков.

Локативные падежи дагестанских языков призваны выполнять функции, уточняющие не только нахождение предмета в той или иной точке пространства, но и направление к нему или от него. За длительный исторический период развития падежной системы дагестанских языков локативы стали выполнять не только свои непосредственные (пространственно-динамические) функции, но и функции основных падежей таких языков, которые относятся к другим лингвистическим ареалам. Так, если в русском языке творительный падеж (инструменталис) является одним из основных падежей его морфологической системы, то его функции в агульском и в других дагестанских языках выполняют локативные падежи или эргатив. Об этом подробно см. ниже, так как этот вопрос представляет из себя наименее разработанный из всей падежной системы дагестанских языков.

Системе локативных падежей в дагестанском языкознании обращается значительное внимание. Мимо этой проблемы не проходит ни одно исследование, имеющее как научно-теоретическую, так и учебно-практическую ценность.

Пионером же разработки вопроса о локативных падежах в дагестанском языкознании следует считать, на наш взгляд, П.К. Услара¹. Хотя научная

---

¹ См. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание, III. Аварский язык. Тифлиς. 1889; его же: IV. Лакский язык, Тифлиς, 1890; его же: V. Хюркилинский язык. Тифлиς, 1892; его же: VI. Кюринский язык, 1896; его же: VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1970.

терминология еще не получила у него четкой формулировки, но функции и значимость локативных падежей интерпретированы безукоризненно.

Упорядочением научной терминологии локативных падежей дагестанских языков впервые приступили Шаумян Р.¹ и Бокарев Е.А.²

Вопросы локативных падежей дагестанских языков освещаются как на уровне диахронии, так и синхронии, в следующих работах: Абдуллаева З.Г.³, Абдуллаева С.⁴, Жиркова Л.И.⁵, Гайдарова Р.И.⁶, Мейлановой У.А.⁷, Магометова А.А.⁸, Ибрагимов Г.Х.⁹.

Вопросы дагестанских локативов в диахроническом аспекте освещаются в работах И.Х. Абдуллаева¹⁰, Г.А. Климова, М.Е. Алексеева¹¹, Сулейманова Н.Д.¹² Ценная информация диахронического плана содержит и работа Г.В. Топуриа¹³; с привлечением данных диалектов лакского языка освещаются вопросы локативов и в работе Г.Т. Бурчуладзе¹⁴.

Исходя из целей и задач нашего исследования - глубже ознакомить с падежной системой агульского языка как студентов филологического профиля, так и школьных

1 Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.-Л., 1941.

2 Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. Язык и мышление, XI, 1948.

3 Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961.

4 Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка. Махачкала. 1954.

5 Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. М., 1926; его же: Грамматика лезгинского языка. Махачкала. 1941.

6 Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка. Махачкала. 1961.

7 Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала. 1960.

8 Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси. 1963; его же: Табасаранский язык. Тбилиси. 1965; его же: Агульский язык. Тбилиси. 1970.

9 Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978; его же: Цахурский язык. М., 1990.

10 Абдуллаев И.Х. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала. 1974.

11 Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков (типология нахско-дагестанских языков освещена Алексеевым М.Е.), М., 1980; Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М., 1985.

12 Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала. 1993.

13 Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках. автореф. доктора филолог. наук. Тбилиси. 1987.

14 Бурчуладзе Г.Т. Склонение имен в лакском языке. Автореф. канд. филолог. наук. Тбилиси. 1970

учителей, мы сочли целесообразным привлечь к рассмотрению точки зрения исследователей дагестанских языков на системы локативных падежей и используемую ими в этой области терминологию с тем, чтобы приобщить их к чтению и пониманию научной лингвистической литературы по агульскому языку. И в этом отношении неоценимую помощь нам оказала монография Мусаева М.-С.М., специально посвященная вопросам диахронии и синхронии локативов даргинского языка, хотя сам автор считает, что они “вынуждены были ограничиться освещением истории только местных падежей (локативов)”¹. Вопросы истории в этой работе интерпретируются на основе ныне функционирующего в этом языке диалектного материала.

Давая описание того или иного диалекта дагестанских языков, исследователи ни в коей мере не проходят мимо структуры локативных падежей. В этом отношении примечательны работы Сулейманова Я.Г.², Муталова Р.О.³, Дибирова И.А.⁴, Магомедова М.А.⁵ и других.

Освещена система основных и местных падежей в специальных научных статьях Талибова Б.Б., Ибрагимова Г.Х., Магомедовой П.Т., Исакова И.А., Сулейманова Н.Д., Гасановой С.М., Сулейманова Я.Г., опубликованных в сборнике ИИЯЛ Даг. ФАН СССР⁶, в статьях исследователей Магомедбековой З.М., Гайдарова Р.И., Ибрагимова Г.Х., Мейлановой У.А., Муркелинского Г.Б., Саидовой П.А., Исаева Н.Г., Исаева М.Г., Мусаева М.-С.М., также в статьях, опубликованных в сборнике ИИЯЛ Даг. ФАН СССР⁷.

¹ Мусаев М.-С.М. Падежный состав даргинского языка. Махачкала. 1984.

² Сулейманов Я.Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с.Риквани). Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала. 1960.

³ Муталов Р.О. Ицаринский диалект даргинского языка. Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала. 1992.

⁴ Дибиров И.А. Склонение имен в южных диалектах аварского языка (на материале закательского и анцухского диалектов). Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала. 1993.

⁵ Магомедов М.А. Арадерихские говоры аварского языка. Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала. 1993.

⁶ Сб.: “Именное склонение в дагестанских языках”. Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала. 1979, 173 с.

⁷ Сб.: “Падежный состав и система склонения в кавказских языках”. Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала. 1987, 239 с.

2. О научной терминологии, выражающей особенности системы локативов в агульском языке.

Касаясь научных терминов, употребляемых в дагестанском языкознании для обозначения местных падежей, хотелось бы привести высказывание одного из ведущих ученых-даргиноведов Мусаева М.-С.М.: В даргиноведческой литературе ... падеж сближения, или латив, обозначается такими терминами, как падеж сближения, аллатив, латив, лативы, направительный падеж, направительные падежи, серия направительных падежей, местный падеж, местные падежи, г'амдешла падеж ("падеж приближения")¹. При этом Мусаев М.-С.М. ставит вопрос: "один это падеж или же несколько?"² Высказывание Мусаева М.-С.М. говорит о том, что не только в даргиноведении, но и в дагестановедении наблюдается "терминологический лабиринт", созданный для обозначения различных форм местных падежей, и в котором очень легко заблудиться. Вопрос о терминах локативных падежей осложняется еще и тем, что в различных лингвистических направлениях создаются все новые и новые термины, еще больше усложняющие механизм системы местных падежей. Некоторые из этих новых терминов понятны лишь тем, кто хорошо ориентируется в лингвистическом "метаязыке".

При обозначении различных форм агульских местных падежей мы намерены придерживаться традиционно установившейся терминологии, признанной как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Прежде чем дать научную интерпретацию терминов агульских местных падежей, необходимо сначала определить основу, на которой строилась терминология агульских локативов.

При создании некоторых терминов агульских локативов Шаумян Р. воспользовался названием одного из латинских падежей, а именно - аблативом. Прав ли был Шаумян Р.?

---

¹ Мусаев М.-С.М. См. цит. выше лит., с.8.

² Мусаев М.-С.М. Там же, с.8.

Известно, что вплоть до Варрона* римляне не пользовались термином *ablativus*, а называли его “шестым падежом” (*sextus casus*), так как в латинском языке, кроме пяти падежей греческого языка, имелся еще и шестой падеж; впоследствии они дали ему название *ablativus* (от *ab* “от”, “из”, “у”, “со стороны” + *lat* + *us* = причастие (супплетивная форма) от *aufero* “уносить”), отметив тем, что его главная функция - это изъятие, удаление, отделение. При этом не было принято во внимание, что *ablativus* в латинском языке выполнял и функции инструменталиса, средства и образа действия. Более того, Шаумяном было упущено из виду и то, что латинский *ablativus* являлся падежом, обозначающим “удаление”, “отделение” с внешнего пространства, в то время как агульский *ablativus* обозначает “удаление”, “выход”, “отделение” из внутреннего пространства.

В этой связи мы предпочли в своем исследовании заменить термины, связанные с *ablativus*, на термины, образованные с помощью *elativus* “элатив” (в лат. *e=ex* “из” + *latus* причастие от *aufero* “уносить”), как более точно выражающие природу агульского внутренне-местного исходного падежа.

Э с с и в - это греческое название, используемое для обозначения предмета или личности в определенном состоянии покоя. Самостоятельного эссива в агульском языке не существует. Эссив здесь органически сопровождается с определенной пространственной локализацией предмета или личности. Предмет или личность в агульском языке может синкретически находиться лишь в определенных точках (пунктах) пространства. Такими пространственными пунктами нахождения предмета или личности в покое в агульском языке являются наречные понятия места, вроде: наверху, внизу, внутри, позади и т.д. Таких совмещенных эссивов в агульском языке всего восемь. Всех их объединяет также один термин локатив(-ы), т.е. от латинского слова “местный(-ые)”. Термины эссивов, составленные Шаумяном Р., в целом верно отражают природу агульских локативных падежей, обозначаемых

---

* Варрон - автор грамматики латинского языка (I в. до нашей эры).

ими, за исключением, конечно, падежа Diffusivus-a и Adhaesivus-a. Такими терминами являются: superessivus, subessivus, inessivus, postessivus, obsessivus, adessivus. О диффузивусе и адгезивусе будет сказано более подробно при рассмотрении системы серий агульских локативов. Указанные выше 8 падежей “покоя” создают в агульском 8 серий местных падежей, в каждую из которых входят еще по два падежа направительного значения, т.е. локативы движения, указывающие, что предмет или лицо направляется, приближается к предмету или лицу, находящемуся в состоянии покоя, или же предмет или лицо отдаляется, удаляется, отходит от него. Таковы основные значения лативов “удаляющих”. Когда падеж выражает приближение к покою, он называется аллативом (лат. ad - приставка, обозначающая приближение или нахождение около чего-либо; часто по регрессивной ассимиляции *d* приставки переходит в анлаутный звук знаменательного слова ad + latum - latum причастие от fero “носить”, “нести” “приносить” → allatum → allat - ivus “аллатив”; ad + fero “при + ношу” → affero “приношу”). При этом приставка “ad” в латинском имеет значения “к”, “при”, “около” и др. Значит, аллатив выражает “приближение”. П.К. Услар этот падеж называл падежом “сближения”. Исходя из трех терминов (эссив-ы, латив-ы и элатив-ы), будут нами сформированы научные названия всех форм агульских локативов, не пренебрегая и такими, всем понятными терминами, как “падеж покоя”, “падеж сближения” и “падеж отдаления” (вместо падежа “удаления”, или “удалительного падежа”).

3. Образование и основные функции агульских местных падежей.

I СЕРИЯ

Суперессив (Superessivus, букв.: верхнепокоящийся падеж) образуется от основы эргатива путем прибавления окончания -д: хІайван “лошадь”: хІайван-ди (эрг.) + л: хІайвн-ди-л, зав “небо”: зав-у (эрг.) + л: зав-у-л и т.д. Этот падеж выражает нахождение предмета или лица наверху чего-либо или кого-либо в состоянии покоя. Предмет или личность может находиться в покое как на небе, т.е. на предмете, находящемся выше говорящего, или же на земле, т.е. на предмете, находящимся ниже говорящего. Главное в том, что предмет или лицо покоится “на”, “над”.

Локативные падежи агульского языка, в том числе и суперессив, отвечает на вопросы как наречия, так и имени существительного. Так, рассматриваемый падеж отвечает на вопросы: нанди? “где?”, нандил? “где?” “на ком?”, фитти-л? “на чем?”. Наречные вопросы нанди? “где?”, “нандил? “где?” являются общими вопросами, а именные вопросы гынал? “на ком?”, фиттил? “на чем?” являются конкретными вопросами. Например: кІуранил (нандил? “где? и фиттил? “на чем?”) алдея джакъв “на дереве есть (имеется) птица”, кІиркІ ахъухъуне джилил (нандил? и фиттил?) “мальчик лег на землю”; хуппурил инсанар алди уйи “на огородах были люди”, чІирарил малар алди уйи “на полях был (находился) скот, завул рагъ алдия “на небе находится солнце”, китаб алдия устулил “книга лежит на столе”, зун уй кардил “я была на работе”, цилил алдия гитан “на стене (на верху стены) есть (находится) кошка, дадал але кастум батІарфе “на отце красивый костюм”, зе гъилил хъед алгъат “налей на мою руку воды”, хулагъил алдия ибхъ “на крыше есть (лежит) снег” и т.д.

2. Вторым падежом серии суперессива в агульском языке является супераллатив, т.е. падеж, выражающий направление предмета или лица в сторону предмета или лица, покоящегося на ком-либо или на чем-либо. Он образуется от суперессива “покоя” путем прибавления окончания -ди и отвечает, как и падеж “покоя”, на

наречный и именной вопросы (нандилди? “куда?”; гыиналди? “(на) к кому?”, т.е. в сторону кого? и фиттилди? (на) к чему?, т.е. “в сторону чего?”: ахъатуне гъван кIиркIалди (найичди? “куда?” нандилди? “куда?” и гыиналди? “на кого?”, “в сторону кого?”) “на мальчика бросили камень”, гъван цилилди агъихъуне “камень накинули на стену (нандилди? “куда?”, найичди? “куда?”, фиттилди? “на что?”). ЯгIа зун кардилди ушуна канди ая “сегодня мне надо идти на работу”, усттабур алгъушуне цилилди” мастера поднялись на стену”, цайе йиса ушуне зун дадалди “на Новый год я поехала к отцу”, хулагъилди алгъушуне дад “на крышу поднялся отец” и т.д.

3. Третьим падежом суперессива в агульском языке представляет суперелатив (*superelativus*). Этот падеж обозначает направление предмета или лица от покоящегося на верху предмета или лица наружу, т.е. движение изнутри наружу. Он образуется от суперессива “покоя” путем прибавления окончания -ас. Как и другие локативы, суперелатив (падеж отдаления) отвечает как на наречные, так и на именные вопросы: нандилас? “откуда?”, гыиналас? “от кого?”, фиттилас? “от чего?” При этом следует иметь в виду, что движущийся предмет удаляется от другого, лежащего на поверхности в покое: зун гъушуне китаб устули-л-ас “я взял книгу со стола” (нандилас? “откуда?”); зун гъушуне китаб дадалас “я взял книгу, (которая) лежала (т.е. лежащая) на отце” (сверху отца); вопросы: нандилас? “откуда?”, гыиналас? “от кого?” “с кого?”; джилилас алтархъуне хъириг “по земле провели веником”, джандилас алатуне тIакI “с тела (т.е. сверху тела) смыли грязь”, зун кардилас вефе хулади “я с работы иду домой”, цилилас алтивуне са гъван “со стены сняли (убрали) один камень” или цилилас алтивуне луз а бадра “со стены сняли ведро с раствором”, дадалас алдахъуне багъа бармак “с отца сняли дорожную шапку”, зе гъилилас алтушуне хинзазай “по моей рук прошел паук”, хулагъилас алдикуне пIар “с крыши прогнали кур” или же: хулагъилас алархъуне хъириг “с крыши упал веник” и т.д.

II СЕРИЯ

1. Вторая серия локативов представляет собой антонимическую по отношению к первой серии падежную категорию. Так, если падежи первой серии способны обозначить предметы, находящиеся на верху поверхности, то локативы второй серии обозначают предметы и личности, располагающиеся ниже поверхности, т.е. под чем-либо или под кем-либо. И в этой связи все три падежа этой серии в анлауте имеют латинскую приставку *sub-*, соответствующую русской приставке “под-”, от чего и получила название “субессив”.

Как и в суперессиве, первый падеж этой серии также носит название “субессив” потому что он указывает на предмет или лицо, покоящееся под чем-либо или под кем-либо. Субессив образуется в агульском языке от основы эргатива путем прибавления окончания -кк (гемината, интенсивный) и отвечает на вопросы как наречия, так и имени существительного (нандикк? “где?” и фиттикк? “под чем?”, гыинакк? “под кем?”). Вопросы фиттикк? “под чем?” и гыинакк? “под кем?” являются конкретными (уточняющими) вопросами: хулакк ккея бомба “под домом лежит бомба”, (нандикк? “где?” и фиттикк? “под чем?”), мугIукк алийина а рахI “под мостом построена мельница” (нандикк? “где?” и фиттикк? “под чем?”, завукк ккея инсанар “под небом находятся люди”, хулакк ккея сал “под домом имеется сарай”, Iарабаикк ккея фулар “на арбе имеются колеса”, т.е. “арба имеет колеса”, булахыикк ккея гвар “под краном (источником) находится кувшин” и т.д.

2. Второй падеж этой серии указывает, что предмет или лицо движется в направлении предмета или лица, покоящегося под чем-либо или под кем-либо. Он образуется от субессива этой же серии путем прибавления окончания -ди. В научной терминологии он именуется субаллативом (*suballativus*). Он отвечает и на наречные и именные вопросы (нандикк-ди? “куда?”, гыинаккди? “под кого?”, фиттиккди? “под что?”): гъвандиккди кечушуне илан “под камень подползла змея” (нандиккди? “куда?”, фиттиккди? “под что?”), ги дагъуне лакар усттулдиккди “он протянул ноги

под стол”, шиникквар ушуне булахиккди “дети пошли к роднику”, мугйуйиккди кечушуне инсанар “под мост залезли люди”, циликкди кечушуне илан “под стену подползла змея” и т.д.

3. Третий падеж этой серии, так называемый субелатив (*subelativus*), указывает на то, что предмет или лицо удаляется (отходит) от предмета или лица, покоящегося под чем-либо или под кем-либо. Отвечает как на наречные, так и на именные вопросы. Сам падеж образуется от субэссива путем прибавления окончания -ес: гъвандиккес ккейчуне илан “(из-) под камня выползла змея” (нандиккес? “откуда?”, фитиккес? “из-под чего?”), иргъваниккес ккейчуне руш “из-под одеяла вышла девушка”, хйуягиккес ккейчвай цIа “из-под котла выходил огонь”, iарабаиккес ккетархуне фур “из арбы выпало колесо”, чакмаиккес ккетархуне iашв “из сапога упал каблук, т.е. “из-под сапога...”, дагъариккес ккеттушуне инсан “из-под горы вышел человек”, баб адине хьураккес “мама пришла из пекарни” и т.д.

III СЕРИЯ

В третью серию агульских локативных падежей мы включаем имена существительные, обозначающие нахождение предмета внутри полого пространства. Еще Р.Шаумян, справедливо называя этот локатив инессивом, писал, что в гекхунском диалекте он одновременно имеет значение и направительного падежа. В керенском диалекте (*hamza*) успел исчезнуть, поэтому там *iness*, по своей форме ничем не отличается от *Activ-a*¹. Более подробно об этом замечено Н.Д.Сулеймановым, который указывает, что серия на -ь в агульском оказалась расстроенной из-за выпадения показателя этой серии в усугском говоре керенского диалекта, повлекшее за собой слияние формы эргатива и локатива, а также датива и исходного падежа². В результате выпадения показателя этой серии в хпюкском говоре форма локатива

¹ Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.36.

² Сулейманов Н.Д. См. цит. выше лит., с.108.

также совпала с эргативом, а формы направительного и исходного падежей совпали с формами дательного падежа. Приблизительно такая же трансформация с этой серией произошла и в табасаранском языке. Так, в результате утраты падежной флексии этой серии форма эргатива стала выполнять функции локатива¹. “Для выражения направления во что-нибудь (куда-нибудь) вместо направительного падежа с суффиксом -ь-на обычно используется дательный падеж: гъари-з “в лес”, хула-з “домой”, базариз-з “на базар” и т.д.”² Нет расхождений среди специалистов агульского языка и во взглядах на эту падежную серию и на выполняемые падежами этой серии функции. Все они придерживаются такого мнения, что падежи инессива, как мы нарекаем эту серию инессивом первым, обозначают предметы или лица, находящиеся “внутри чего-нибудь” (А.А.Магомедов), “на нахождение предмета в чем-, ком-либо” (Н.Д.Сулейманов), “inessivus”... переводится посредством предлогов *в, на*” (Р.Шаумян).

Наше мнение о выполняемых этой падежной серией функциях соответственно идентично мнению ведущих исследователей агульского языка. Единственным расхождением является то, что мы прибавляем лишь одно слово, а именно - “полый”, т.е. нахождение предмета или лица внутри полого пространства или полого объекта.

Итак, третья серия - это серия инессива (*inessivus primus* “инессив первый”, т.е. падеж внутренне-местный локализации предмета или личности).

Итак, в третьей локативной серии представлены, во-первых, инессив первый покоя (*inessivus I*), который обозначает предмет или лицо, покоящееся внутри полого пространства и отвечает на вопросы как наречия, так и существительного (нанди-ь? “где?”, фитти-ь? “в чем?”). Он образуется в собственно-агульском, от основы эргатива путем прибавления ларингального абруптива (ларингальной смычки) *ь*: шиникквар лухъхай уй хулаъ (нандиъ? “где?”, фиттиъ? “в чем?”) “мальчики танцуют

1 Ханмагомедов Б. Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала, 1958, с.5.

2 Магомедов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с.120.

дома” (т.е. в доме), тибитиъ ая ппара шейэр “в сундуке много вещей”, хутуъ ая къур “в бочке (плетеной) есть (имеется) зерно”, че хІуъриъ ая батІар чІирар “в нашем селе есть (наше село имеет) красивые поля”, хулаъ ая инсанар “в доме есть (находятся) люди”, гІанаъ узуне кІурар “в огороде посадили деревья” и т.д.

Текучие вещества агульцами воспринималось, видимо, как плотное пространство (как плотная материя). Таково состояние текучего вещества и в статике. Если же текучее вещество использовано в метафорическом смысле, т.е., если выражение приобретает определенный фразеологический оттенок, то текучее вещество используется в этой серии. Так, например, имеем: хьитгаъ архъуная ниъ “вода протухла” (букв.: в воду упал запах, т.е. вода впитала в себя запах, вода вобрала в себя). Как видно из этого примера, текучее вещество (вода) употреблено здесь не в прямом смысле, а в переносном, чтобы передать смысл понятия протухшей воды.

2. Вторым падежом этой серии является иналатив (inallativus), т.е. падеж, указывающий, что предмет или лицо движется в направлении предмета или лица, покоящегося внутри чего-либо или кого-либо. Он образуется от инессива этой же серии путем прибавления окончания -ди. Как и все остальные локативные падежи он отвечает как на наречные, так и именные вопросы (нандиъди? “куда?”, фиттиъди? “во что?”): хулаъди ачушуне баб “в комнату вошла мать” (нандиъди? “куда?”, фиттиъди? “во что?”), дуканиъди ачушуне идеми “в магазин вошел мужчина” и т.д.

3. Третьим падежом рассматриваемой серии является инелатив (inelativus), т.е. падеж, указывающий на предмет или лицо, удаляющееся (отходящее) от предмета или лица, покоящегося внутри кого-либо или чего-либо. Он образуется от основы инессива этой же серии путем прибавления окончания -ас и отвечает на вопросы как наречия, так и имени существительного (нандиъас? “куда?”, фиттиъас? “из чего?”): дадаъас агъархъуне эмкІ “из отца вышел пот”, мактабиъас ушуне меІалим (нандиъас? “откуда?”, фиттиъас? “из чего?”) “из школы ушел (вышел) учитель”,

дадаъас аттархъуне іэмал “из (уст) отцѣ выпѣла неправда (вышел обман), зун гарадж иъас адикуне машин “я из гаража выпустил (выгнал) машину” и т.д.

В отдельных диалектах агульского языка, в том числе собственно агульском, ларингальный абруптив ь (показатель инессива) в интервокальной позиции инелатива (дада-ъ-ас) порой выпадает. При этом (в качестве компенсационной) в гласном окончании -ас возникает долгота, которая способна снять совпадение с другими формами локативов (дада-ъ-ас → дадаас → дадѣс).

IV СЕРИЯ

Четвертая серия, которая образуется в литературном агульском языке с помощью окончания - гІ (фарингальный спираント), в специальной литературе последних лет (А.А.Магометов, Н.Д.Сулейманов) именуется серией “между”. По поводу этой серии в литературе имеется достаточно широкий спектр расхождений как в понимании значимости этой серии, так и в интерпретации выполняемых ею функций.

По поводу падежа этой серии еще Р.Шаумян писал, что в собственно агульском и кошанском диалектах *diffusivus* оканчивается на гІ (в нашей транскрипции), а в керенском на гъ (в нашей транскрипции). И, судя по моим немногочисленным примерам, означает “смешать”, “расходиться”, “впускать”¹. Обращаем внимание на не слишком уверенный тон высказывания Шаумяна “... судя по моим немногочисленным примерам...”

Кажется, не совсем осознал значение и функции падежей этой серии и Л.И.Жирков в табасаранском языке, так как отмечает, что эта серия представляет собой исключительное явление с точки зрения вообще теоретического учения о падежных категориях.”²

А.А.Магометов же считает, что серия на гъ “между чем-то” чаще употребляется во множественном числе и для иллюстрации этой агульской серии дает лишь один

¹ Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.37.

² Жирков Л.И. Табасаранский язык, с.75.

пример: гада акъунаъай дадан лакаригъ' (транскрипция наша) "мальчик сидел между ног отца"¹. В связи с этим высказыванием А.А.Магометова нам бы хотелось отметить, что если лексический материал агульского языка, стоящий в падежных формах этой серии, переводить на русский язык с помощью предлога (и наречия) "между", который требует после себя наличия имен существительных, выражающих два или более предмета, то А.А.Магометов, без сомнения, справедлив. Ради этой же справедливости мы должны отметить и то, что анализ агульского фактического материала свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев падежи этой серии употребительны с именами существительными, которые фактически не имеют форм множественного числа, с такими, как существительные, обозначающие сыпучие и текучие вещества и материалы, существительные с собирательным значением и т.д. (см. ниже наш иллюстративный материал).

Что же касается русского предлога "между" и правдоподобности его использования для обозначения грамматических функций этой агульской локативной серии, то прежде всего необходимо определить сущность этого предлога в русском языке и наличие соответствующего понятия в дагестанских языках.

Итак, "межда", ж., црк. расстояние, промежуток двух предметов..., черта, разделяющая две плоскости, особенно применяется к поверхности земли, к владению"².

"Нареч. между есть МДв. (locativ.dual, а не accus.sing)³.

МДв у Преображенского означает местный падеж двойственного числа, а латинское разъяснение говорит, что эта форма - локатив двойственного, а не винительный падеж единственного числа.

"Междоу является местным падежом двойственного числа от межда "граница..."⁴

1 Магометов А.А. Агульский язык, с.83.

2 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.П,М., 1956, с.314.

3 Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, с.522.

4 Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с.378.

Это же высказывание Антуана Мейе повторяет и С.Д.Никифоров¹. В древнерусском языке можно было сказать: "Святополкъ стояше межи двѣма озерома" ("Повесть временных лет")², т.е. "Святополк стоял между двумя озерами", но с таким же успехом использовалась и форма без числительного двѣма, так как предлог "межи" (между) требовал, чтобы имя существительное, к которому он относится, стояло в местном падеже двойственного числа (озерома). После прекращения функционирования двойственного числа в славянских языках нагрузка была переложена "на плечи" множественного числа. Вот почему ныне предлог "между" (старославянская форма) требует после себя имена существительные, обозначающие два и более предметов. Видимо, такая позиция этого предлога в современном русском языке и послужила причиной для утверждения А.А.Магометовым такого высказывания, как: "Серия на гъ 'между чем-то' чаще употребительна во множественном числе..."³

Теперь возникает вопрос, сформировалась ли в дагестанских языках, в том числе и в агульском, такое понятие, как "межа". Адекватно ли оно по своим семантико-морфологическим функциям русскому предлогу (и наречию) "между"? Как свидетельствуют опубликованные лексикографические источники дагестанских языков, у народов Дагестана понятие "между" непосредственно ассоциируется с понятием "середина", и все лексические единицы и их формы, созданные в этих языках на базе понятия "середина", содержат основу исходной лексемы. Такие понятия, сформировавшиеся в дагестанских языках, как "срѣдь", "среди", "посреди", "в середине" не совсем оправданно увязываются как синонимичные значению русского слова "между", хотя оно обозначает пространство меж двух предметов, которые оставляют выход свободным как спереди, так и сзади. Дагестанское же понятие, сформировавшееся на базе лексемы "середина", обозначает, наоборот, пространство, окруженное со всех сторон, и стоящий на нем предмет занимает центральное

1 Никифоров С.Д. Старославянский язык. М., 1952, с.86.

2 Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, с.144.

3 Магометов А.А. см. цит. выше лит., с.83.

положение, в то время как понятие между допускает близость или дальность от двух окружающих плоскостей.

После отмеченного выше возникает вопрос, правдоподобно ли именовать серию местных падежей, обозначающую понятие “в середине”, “среди” и т.д. названием понятия, которого нет и не сформировалось в дагестанских языках?

Когда мы рассматривали точки зрения специалистов агульского языка на эту серию локатива, мы убедились в том, что мнение Р.Шаумяна стоит намного ближе к истине, чем тех специалистов, которые предпочли именовать эту серию “между чем-либо”. Как указано выше, Р.Шаумян писал: “И, судя по моим немногочисленным примерам (серия на -гъ), означает “смешать”, “расходиться”, “впускать”. Как известно, все эти три указанных глагола ныне в русском языке употребляются (наряду с другими) с предлогом “в”: (с-)мешать(-ся) в”, “расходиться в”, “впускать в”. Я бы, конечно, добавила и глагол “бросить в”... Это свидетельствует о том, что предмет или лицо, обозначаемое падежом этой серии, должен находиться “в чем-то”, “внутри пространства”, но какого пространства? - Пространства, окруженного со всех сторон! Это - названия сыпучих и текучих веществ и материалов, это - собирательные имена существительные и т.д., которые понимаются, в частности агульцами, как плотные, из которых нет выхода. Это - трава, дрова, отары (овец, лошадей, коров), камни, металл и пр. Сюда можно отнести даже “ноги”, если они плотно зажаты, чтобы можно было удержать другой предмет или лицо (ср. пример А.А.Магометова: гада акьунабай дадан лакари-гъ “мальчик сидел между ног отца”, который дает автору основание именовать эту серию “между чем-нибудь”¹.

Как нам думается, если мальчик сел между ног отца, то он обязательно упадет на пол или на землю, так как предлог “между” требует пространства между двумя объектами, а пространство, возникающее между двумя ногами, как известно, не дает человеку возможности садиться, так как он не может удержаться в воздухе. Поэтому

---

¹ Магометов А.А. См. цит. выше лит., с.83.

люди обычно говорят, что сын сидел на коленях отца. Не совсем удачно и название *diffusivus*¹, данное Р.Шаумяном для обозначения локативных форм этой агульской серии. Оно переводится с латинского языка как падеж “смещения”.

Сказанное выше в основном и послужило причиной того, что мы вынуждены были назвать эту серию агульских местных падежей *inessivus Secundus* “инессив второй”, и, как нам думается, не без основания.

Мы ясно представляем себе и то, что специалисты, которые в течение длительного периода времени твердили о том, что эта серия в агульском обозначает “между”, окажут определенный скептицизм. Но в любом случае мы рассчитываем на то, что и наша точка зрения может иметь право на существование.

И, наконец, нам бы хотелось указать на имена существительные, зарегистрированные в форме данной серии Р.Шаумяном: смешал с его баранами; положи мясо в чеснок; пустил в лес скот; нами: в воде есть рыба; в речку бросили рыбу; в муку положили соль; в траву упало кольцо; посоли молоко; в воде был песок и т.д. Спрашивается, где хотя бы отдаленное понятие в этих примерах, связанное с русским предлогом “между”: чтобы именовать эту серию “между”?

1. Итак, первым падежом серии инессива второго (*inessivus II, secundus*) является сам инессив II, который указывает на нахождение предмета или лица внутри плотного (заполненного) пространства. Он образуется в литературном языке от основы эргатива путем прибавления окончания -гІ (фарингальный спирант). Если окончание инессива первого -Ъ, заменить окончанием инессива второго -гІ, то наречные и именные вопросы обеих серий окажутся адекватными: хьитти-гІ гІая балугъар “в воде есть (имеется) рыба” (нанди-гІ? “где?”, фиттигІ? “в чем?”), нецІугІ гІихъуне балугъар “в речку впустили (бросили) рыбу”, гІуругІ къял гІихъуне “в муку положили соль”, уькІеригІ гІархъуне зе гІубул “в траву упало мое кольцо”, неккигІ гІахъ къял “посоли (засыпь соль в) молоко”, хьиттигІ гІуй ругар “в воде был песок” и т.д.

¹ Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.37.

2. Вторым падежом серии инессива второго - это иналлатив II (inallativus secundus), обозначающий движение предмета или лица в направлении предмета или лица, покоящегося в плотном (заполненном пространстве материи). Он образуется от инессива этой же серии путем прибавления окончания -ди: ругуйигІди гІатуне хъед луз акъас “в песок налили воду, чтобы сделать раствор” (нандигІди? “куда?”, фиттигъди? “во что?”), ракъугІди гІахъ калтуфар “в (суп) бульон добавь картошки”, неккигІди хъат къял “в молоко брось соль”, къумугІди хъатуне гъванар “в песок бросили камни”, чІвахІигІди хъатуне нис “в простоквашу бросили сыр”...

3. И третьим падежом серии инессива второго является инелатив II (inelativus II secundus), который указывает, что предмет или лицо удаляется (отходит) от предмета или лица, покоящегося внутри плотного пространства (материи). Он образуется от инессива этой же серии прибавлением окончания -ас: хъиттигІас гІаттивуне балугъар (нандигІас? “откуда?”, фиттигІас? “из чего?”) “из воды вытащили рыбу”, арсурагІас гІаттивуне къизил “из (от) серебра вытащили (отделили) золото”, - кІураригІас гІаттивуне якІв “из дров вытащили (удалили) топор”, хуппуригІас гІадикуне малар “из огорода прогнали скот”, раккагІас гІаттивуне чапп, “из дверей вытащили тряпку”, чин гІаттийне дарагІас “мы вышли из леса” и т.д.

Как свидетельствуют имена существительные, стоящие в падежных формах инессива второго, все они в агульском языке фактически не имеют множественного числа и используются в этой серии, как имена существительные, имеющие плотное пространство, т.е. пространство из которого нет выхода: хъиттигІ “в воде”, нецІугІ “в речке (имеется в виду “вода”); гІлуругІ “в муке”, уькІеригІ “в траве”, неккигІ “в молоке”, чІвахІигІди “в простокваше”, арсурагІас “из серебра”, кІураригІас “из дров” и т.д.

С целью выявления психолого-лингвистического восприятия одного и того же грамматического материала представителями двух генетически близких народов, каковыми являются агульский и табасаранский народы, мы предложили студентам 3 курса филологического факультета педагогического университета (Якубовой Ф.,

Шерифовой Г., Магомедовой Э., Загирову А., Магомедовой Л.) переизложить на родном языке материал соответствующей локативной серии табасаранского языка, приведенный А.А.Магометовым в своей монографии¹.

Из пяти студентов выражение “среди девушек” четверо передали с помощью инессива второго на -г1 (шивг1ариг1//шибериг1); выражение “...пошел быть (среди) девушек” - иналлативом вторым на -г1-ди (шивариг1ди//шивг1ариг1ди), в третьем варианте: “...вышел от девушек” передали инелативом вторым на -г1-ас (шивариг1ас//шивг1ариг1ас//рушариг1ас); выражение “в дыму” три студента передали инелативом на г1ас: кумаг1ас, а два студента - инессивом этой же серии: кумаг1; выражение “в моей книге” (есть письмо) все пять студентов передали одинаково инессивом вторым на -г1: китабиг1: этим же инессивом все они передали и выражения “в волосах”: ч1арариг1; куппариг1 “в кизяке”, а для выражения “из углей” использовали инелатив второй на -г1ас: куппариг1ас “из кизяка”. Предложение “мальчик сел между ног отца”, во-первых, все студенты написали как “мальчик сел на коленях отца”, и во-вторых, выражение “на коленях” передали суперессивом на -д: кьвакьварил “на коленях”, а для кошки, которая прошла между ног, все студенты использовали инелатив второй на -г1ас: лекариг1ас. Предложение “мальчик упал в пшеницу” трое из студентов передали иналлативом на -г1-ди: кьураг1ди, а двое - инессивом на -г1: кьвараг1, кьураг1. Фактически не справились студенты с предложением “мальчик пошел на базар” (просто так) и “мальчик пошел на базар” (в гущу людей), так как первый случай передали: базари-ди (← базари-ь-ди), базариъ, базариъди, базари-г1-ди, а второй вариант: базарис, базариг1ди, базариг1. В предложении “я смешал пшеницу с ячменем” только две студентки дали форму инессива второго на -г1: кьураг1, а другие: кьурна и кьур.

Предложение же: “мальчик на дереве” (сидит) все студенты передали суперессивом на -д: кьуранил или дарил. При проведении указанного теста нами

---

¹ Магометов А.А. Табасаранский язык, с.124-125.

не принимались во внимание диалектное представительство вовлеченных студентов и их школьный и последующий уровень подготовки. Если исключить из нашего поля зрения указанные факторы, то можно заключить, что большинство предложений, где необходимо было использовать падежные формы инессива второго: а) на -г1 (в табасаранском соответственно -гъ), б) на -г1-ди (в табасаранском соответственно -гъ-на), в) на -г1-ас (в таб. соотв. -гъ-аьн), студенты (за исключением отдельных случаев) в целом передали их локативные значения в соответствии с грамматическими нормами табасаранского языка, проявляя тем как психолого-грамматическую близость, так и логическую идентичность в выражении одних и тех же морфологических категорий, которые еще не успели подвергнуться достаточно глубокой языковой дифференциации в двух близкородственных языках - в агульском и табасаранском.

И, наконец, с удовлетворением хотелось бы отметить, что наша точка зрения на пространственные значения падежных форм этой серии всецело поддерживается и Отиа Илларионовичем Кахадзе: "Арчибское окончание местного падежа -хъ // -къ, указывающее на нахождение предмета внутри какой-либо сплошной среды, соответствует в табасаранском и агульском языках падежному суффиксу гъ..." "посреди", "между, а не..."¹. Обратите внимание еще на такое высказывание С.М.Хайдакова: "Для выражения нахождения внутри существуют две серии местных падежей: падежи III серии выражают нахождение или движение внутри *полого* предмета (бочки, комнаты, пещеры и т.д.), IV серии - нахождение в *заполненном* пространстве, в *сплошной* массе (в воде, лесу, бороде и т.д.)"².

1 Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Тбилиси, 1979, с.518.

2 Хайдаков С.М. Арчинский язык. Сб. "Языки народов СССР", том 4, М., 1967, с.611-612.

Несколько слов о падежах V и VI серий

Как известно, когда П.К.Услар исследовал табасаранский язык (это охватывает период приблизительно 1868-1875 годы), им было замечено, что в этом языке восемь серий местных падежей и по три падежа в каждой из них. Интересно отметить тот факт, что Услар выделяет как самостоятельные серии формы локативных падежей на *ф* и на *гь*. По выражению Услара, различие в значении форм местных падежей на *ф* и на *гь* весьма тонкое и большей частью одна форма может заменять другую¹. Нам думается, что данное высказывание Услара, иллюстрирующее тонкости двух локативных серий табасаранского языка (серий на *ф* “у”, “около” и на *гь* “у”, “около”), вполне справедливо можно отнести к характеристике нынешних агульских серий локативов, обозначающих нахождение предметов или лиц около (у) чего-либо или около кого-либо. По поводу этих серий Р.Шаумян пишет: “*Adhaesivus* оканчивается на полугласный -*в* и выражает близость, присоединение, а также лицо или предмет, которому что-нибудь принадлежит... *Adessivus* во всех диалектах оканчивается на -*гь* и выражает нахождение около чего-нибудь”². Не согласиться с мнением Р.Шаумяна невозможно, так как локативы, образованные с помощью окончания -*гь*, выражают простое нахождение предмета около чего-нибудь или кого-нибудь, в то время как локативы, образованные с помощью окончания -*в* (и *ф* по диалектам), выражают не просто “около”, “у”, а больше “присоединение” и такое “присоединение” и “близость”, что вещь или лицо может непосредственно принадлежать той или иной личности или объекту, т.е. падежи серии на -*в* указывают на то, что предмет или лицо покоится в непосредственном соприкосновении с другим предметом или лицом, или же находится непосредственно при нем.

В этом отношении позиция Р.Шаумяна, нам думается, намного ближе к истине.

1 Услар П.К. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979, & 26.

2 Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.34.

Не можем не приветствовать и высказанное А.А.Магометовым мнение в отношении соответствующей серии табасаранского языка: “Падежная форма на -хь выражает не только нахождение “у чего-нибудь”, “около чего-нибудь”, но и значение обладания, наличия”¹.

Употребление форм падежей серии на -в и на -гь в агульском языке, как в свое время заметил П.К.Услар в отношении соответствующих серий табасаранского языка, дело “весьма тонкое”, требующее глубокого знания родного языка и его психологии. Что касается современного табасаранского языка, то в нем серии на -ф и на -гь сведены к одной серии - к серии на -хь//гь (по А.А.Магометову, “тенденция ослабления конкретизации”)². Однако же, хотя в табасаранском языке наблюдается тенденция стирания различия между двумя близкими по значению сериями, результатом чего и является сведение восьми серий к семи, все же различие между обеими сериями в ряде говоров еще налицо, отражением чего и является восемь серий у П.К.Услара, А.Дирра, а также в школьных грамматиках Т.Шалбузова³.

Выше мы отметили, что латинская приставка *ad-* указывает не только на направление предмета или лица к чему-либо, к кому-либо, но и нахождение предмета или лица около (у, при) чего-либо или кого-либо. В связи с этим предлагаемые нами термины падежей этих двух серий включают в себя латинскую приставку *ad-*. Таким образом, ныне в агульском языке мы имеем две разновидности серий адессива. Адессив первого вида указывает на предмет или лицо, покоящееся около (поблизости) кого-либо или чего-либо. Адессив же второго вида указывает на то, что предмет или лицо покоится в непосредственном соприкосновении с другим предметом или лицом, или же находится непосредственно при нем. Объединять эти две серии нет никакой необходимости, так как каждая из них маркируется самостоятельным морфемным инвентарем, и каждая из этих серий находит достаточно широкое применение в

1 Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с.124.

2 Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси. 1965, с.118.

3 Магометов А.А. См. цит. выше лит., с.118.

современном агульском языке. Такова точка зрения и А.А.Магометова на предмет этих серий в агульском языке: "падежи со значением "у чего-нибудь" и "перед чем-нибудь" дифференцированы"¹.

V СЕРИЯ

1. В пятой серии падежом покоя является адессив первый (*adessivus primus*), который указывает, что предмет или лицо покоится около (поблизости) чего-либо или кого-либо. Он образуется от основы эргатива путем прибавления окончания -гь (ларингальная аспирата) и отвечает на вопросы нандигь? "где?", фиттигь? "около чего?": раккагь гъзуная кIиркI "около (у) двери стоит мальчик" (нандигь? "где?", фиттигь? "около чего?"), че хIур э ае-ф дагъаригь "наше село находится (есть) около (у) горы", пичигь экъуна ая хIадад "около (у) печки греется дедушка", къуджайигь экъуна ая джигъилар "около (у) старика сидели молодые (юноши)", гъвандигь гъархъуна а гъуй "около (у) камня спит собака", че кучагь акъуне демар "на (около, у) нашей улице сделали (сыграли) свадьбу", мугуйигь гъайя гъуй "у (около) будки находится (есть) собака"...

2. Вторым падежом этой серии представлен аллатив первый (*ad + lativus → allativus primus*), который обозначает движение предмета или лица в направлении покоящегося объекта. Аллатив I образуется от основы адессива первого путем прибавления окончания -ди: гъвандигъди гъучадине гъуй "к камню подошла собака" (нандигъди? "куда?", фиттигъди? "к чему?"), рахIугъди ушуне рахIухъан "к мельнице пошел мельник", вазалагъди вея космонавтар "к луне направляются космонавты", хулагъди гъуча файдине сус "к дому привели невесту", раккагъди ушуне шиникквар "на улицу пошли дети" и т.д. Этот падеж в агульском может быть также назван и адитивом (от латинского *aditus (adeo)* "приход",

---

¹ Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970, с.81.

“приближение”), так как обозначает движение по направлению к кому-либо или к чему-либо.

3. Третьим падежом этой серии является элатив первый (от латинского *e = ex + latus* → *elatus*; *e = ex* “из”, “от”...), который указывает на то, что предмет или лицо движется от покоящегося объекта изнутри наружу. Этот падеж в агульском языке можно было также назвать дисцедентивом (от латинского *discedo* “ухожу”, “удаляюсь”, “отделяюсь”), так как этот термин обозначает удаление от кого-либо или от чего-либо.

Этот падеж образуется от основы адессива первого путем прибавления окончания -ас: рагъугъас вея Іакв (нандигъас? “откуда?”, фиттигъас? “от чего?”) “от солнца идет свет”, къуншис гучІая кардигъас “сосед боится (от) работы”, раккагъас гъищине гъуй “от (около) двери убежала собака”, раккагъас гъайчѳв “отойди от (около) двери” и др.

VI СЕРИЯ

Как указано выше, в составе шестой серии - те же самые падежи, что и в составе пятой серии с единственной той разницей, что последние служат для указания предметов и лиц, находящихся в непосредственном соприкосновении (контакте) с предметами и лицами, находящимися в покое, движении по направлению покоящихся объектов или удаляющихся от них.

1. В связи с отмеченным выше первым падежом этой серии - падежом “покоя” является адессив второй (*adessivus secundus*), который обозначает предметы и лица, покоящиеся в непосредственном соприкосновении с объектами пространства. Он образуется от эргатива путем прибавления окончания в: ве бабав фая зе берхІем “у (при) твоей матери находится мое платье” (нав? “где?”, фиттив? “у кого?”), т.е. в полном ее обладании, в непосредственной близости от нее, сравн.: бабав фая шиниккв “у (при) матери (есть, держит) на руках ребенок”, къарив фая ягълукъ “старуха имеет

платок” (т.е. платок на старухе), гъурав фая ирккв “у собаки есть (имеется, держит) кость”, гитанив фая Іул “кошки есть (держит) мышь”, зав фая китабар “у меня есть (я имею при себе) книги”...

2. Вторым падежом шестой серии является аллатив второй (*allativus secundus*), который указывает на то, что предметы и личности движутся в направлении объектов пространства с тем, чтобы находиться в непосредственном соприкосновении с ними. Аллатив второй в агульском языке образуется от адессива второго путем прибавления окончания -ди: бабавди тин шиниккв “отдай ребенка матери” (навди? “куда?”, фиттивди?, “к чему?”, “кому?”), тин дафтар ччуччувди “отдай тетради брату”, т.е. “отнеси к брату” (но не навсегда), ччуччувди фачиен китаб “брату отдай книгу”, дадавди фачийна уй кардилас цІайе машин “отцу была дана с работы новая машина” и т.д.

3. Третьим падежом рассматриваемой серии является элатив второй (*elativus secundus*), указывающий на то, что предметы или лица удаляются (отходят) от покоящегося пространственного объекта. Он образуется от адессива второго путем прибавления окончания -ас: илдешивас гъушуне пул “у друга взял деньги”, т.е. деньги, непосредственно принадлежащие (или находящиеся у друга) другу” (навас? “откуда?”, фиттивас? “с (от) чего?”, “у кого?”) хумбаривас фаттивуне гебурин ахтияр “у (от) женщин отняли их права (наживас? “у кого?”); хумбаривас фаттивуне ІуькІвер “у женщин отняли траву”...

Говоря о падежах пятой и шестой серий, т.е. о падежах адессива первого и адессива второго в агульском языке, хотелось бы отметить, что подобное же деление этих серий наблюдается и в лакском языке.

Формы адессива первого в лакском языке указывают на то, что предметы и лица покоятся “около чего-нибудь” или “около кого-либо”, хотя на русский язык и переводят предлогом “у”: “у чего-нибудь”, “у кого-либо”, “у кого-нибудь”. Так, адессив первый в лакском: яттичІа хІухчуур ур “около баранты пастух есть”; ттучІа лу бур “у меня книга есть”. Примеры эти взяты у Г.Б.Муркелинского, который

указывает, что адессив первый на *ч1а* показывает "...около чего-либо". Если так, то и второй пример следовало перевести "около меня книга есть", но автор предпочитает перевести его "у меня книга есть"¹.

Другая же серия адессива - серия на *ц1*, хотя и выражает нахождение у чего-либо в соприкосновении, то данный выше пример "у меня книга есть" нельзя употребить с падежами этой серии. По устному сообщению нашего научного руководителя А.Ш.Акиева, серия на *ц1* ныне в лакском языке принимает лишь ограниченное количество имен существительных, и, по его мнению, эта серия ныне в лакском языке пребывает в состоянии слияния с адессивом первым, так как в большинстве случаев вместо падежей этой серии лакцы употребляют адессив первый, образуемый окончанием *-ч1а* "около", "близко", "поблизости". Кроме того А.Ш.Акиев считает, что ныне в лакском языке сформировались выражения, которые употребляются только с серией на *-ц1*, и выражения, которые употребляются только с серией на *-ч1*. В области локативных падежей в лакском произошло такое переосмысление, что даже постессив может передать значение предлогов "около", "у". Так, например, та *хьулу-х шяивк1ун ур* "он сидит у порога (в дом)", а не "сзади порога (в дом)".

По поводу этой серии Г.Б.Муркелинский пишет: "Постессив с суффиксом *-х* выражает нахождение позади чего-либо и отвечает на вопрос *за чем?* Например: та *ч1ирах шяивк1ун ур* "он за стеной сидит", *оьрч1ру столданух шябивк1ун бур* "дети за столом сидят", на *нузкьунттух лаивк1ра* "я за дверью спрятался"².

А.Ш.Акиев же считает, что в первом примере *ч1ирах* "за стеной", хотя и стоит в форме постессива, но не выполняет постессивную функцию, а, наоборот, выполняет функцию адессива первого и второго, потому что вместо *ч1ира-х* можно употребить с успехом *ч1ира-ч1а* или *ч1ира-ц1*. Постессивную же функцию имени *ч1ира-х* в лакском языке выполняет послеложная форма *ч1ира-л махь* "сзади стены", "за

1 Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. махачкала. 1971, с.133.

2 Муркелинский Г.Б. Там же, с.132.

стенной”; лишь в примере на нузкьунттух лаивкІра “я за дверью спрятался” имя нузкьунттух, стоящее в постессиве, выполняет свою прямую постессивную функцию “за дверью”, “сзади двери”. Такова квинтэссенция и некоторых лакских эссивов. Как говорится, “не все то золото, что блестит”.

VII СЕРИЯ

Локативы седьмой серии в агульском языке - это падежи обессива (obessivus), предназначенные для обозначения предметов или личностей, располагающихся в пространстве, занимающем вертикальное положение.

1. Первый падеж этой серии - это падеж покоя, названный по научной терминологии “обессивом” (латинская приставка ob- “перед кем-либо” или “перед чем-либо”, “ради”, “для”, “в течение”, “за” не слишком отвечает требованиям локативов этой серии агульского языка, но мы вынуждены заимствовать его из-за отсутствия более подходящего термина).

Обессив (obessivus) обозначает предметы и личности, покоящиеся в вертикальном пространстве, и образуется от эргатива путем прибавления окончания -к: цилик шикилар кехъуна ая “на стене висят картины” (нанди-к? “где?”, фиттик? “на чем?”), дагъарик кея тукар “на скале есть (имеется) цветы” и т.д. Однако не поддаются интерпретации такие примеры, сформированные с помощью этой серии, но по содержанию не слишком стыкующиеся с предназначением агульского обессива: хІуийегик кьял кехъ “насыпь в кастрюлю соль”, или же: цІахуник мюркьил акирхъуна “под бревном подставили столб” и др.

2. Вторым падежом этой серии является обаллатив (oballativus), указывающий, что предмет или лицо движется в направлении предмета или лица, покоящегося в вертикальном положении. Он образуется от основы обессива путем прибавления окончания -ди: циликди кехъуне пІалтІу “на (букв.: к стене) стене повесили пальто”,

закди кедишине иттал “на меня (букв.: ко мне) перешла болезнь (т.е. заразился)”,
циликди Іул гышине “по стене побежала мышь” (т.е. по вертикали стены)...

3. Третьим падежом этой серии является обелатив (ob + elativus). Он указывает, что предмет или лицо удаляется от другого предмета или лица, покоящегося в вертикальной плоскости, и образуется от обессива этой же серии путем прибавления окончания -ас (-яс, -ес): ччуччукес зас пул рукъяа “с брата мне причитаются деньги”, хутулакес дадас къял адине “на племянника рассердился отец”; гъаме кІур кучавелдикес рукъуне “это дерево засохло от жары”, хІуягикес кеттархъуне кІучар “от кастрюли оторвались ручки” и т.д.

VIII СЕРИЯ

В составе восьмой серии также участвуют три падежа. Они выражают понятие “позади”, “за кем-то”, “за чем-то”.

Первым падежом этой серии является постессив (postessivus). Он образуется от основы эргатива путем прибавления окончания -хъ. Этот падеж указывает на то, что предмет или лицо покоится позади (за) кого-либо или чего-либо” и отвечает на вопросы нандихъ? “где?”, фиттихъ? “позади (кого? - чего?)”, за кем? - за чем?: гъуй хулахъ хъуна а “собака находилась, имелась за домом”, хулахъ хъая сал “за домом есть (имеется) сарай”, зе чибхар неджбярехъ хІуппехъен хъефе “мой двоюродный брат у крестьянина (букв.: за крестьянином) был пастухом”, хъумбеттин гъилихъ къваниш хъая “на руке женщины есть (имеется) браслет”, че паІалахъ ицІу чІарккв хъая “у нашей курицы (букв.: за нашей курицей) есть (имеется) десять цыплят”, сувахъ хІучар хъая “за горой (позади горы) есть (имеются) волки”, рушахъ идже кунар хъая “девочки (за девочкой) есть (имеется) хорошее платье”...

2. Вторым падежом этой серии является посталлатив (postallativus), который указывает на то, что предмет или лицо направляется в сторону предмета или лица, покоящегося позади кого-либо или чего-либо, за кем-нибудь, за чем-нибудь. Он

образуется от постессива прибавлением окончания -ди и отвечает на вопросы: нандихъди? “куда?”, фиттихъди? “за что?”, “за кого?”: ягІа ччуччухъди хІулар адина а “сегодня к брату (букв.: позади брата) пришли гости”, багнишар дарахъди адина а “медведи пришли (появились) за лес (за лесом)”, хІучар сувахъди адине “волки пришли (появились) за гору (позади горы).

3. Третьим падежом восьмой серии является постелатив (postelativus). Он образуется от постессива путем прибавления окончания -ас. Постелатив указывает на то, что предмет или лицо удаляется от предмета или лица, покоящегося за кем-то или за чем-то, и отвечает на вопросы: нандихъас? “откуда?”, фиттихъас? “сзади кого?” или “сзади чего?”: зун ягІа дадахъас лихъанас адефе “я сегодня пришел работать за отца (букв.: сзади отца), ге цилихъас къуттурфуне “он смотрел из-за стены” (букв.: сзади стены), ме тукарихъас ниъ вейдава “от этих цветов не пахнет”, гъуй хулахъас ухІафе “собаку держат для дома” (букв.: сзади дома”), ракахъас хъайчІуне зун “от дверей (т.е. сзади дверей, из-за дверей) отошла я”, зун ягІа бабахъас ушуне маларин нубатиди “я сегодня за маму (из-за мамы; букв.: сзади мамы) пошла на очередь скота (т.е. дежурить скот)...

4. Образование множественного числа агульских местных падежей

Зная структуру единственного числа местных падежей, образование множественного числа не представляет никакой трудности. Так, к основе имени существительного прибавляют показатель множественности -ар-, а за ним следуют окончание эргатива -и- и формант соответствующей серии. Для иллюстрации отмеченного представляем парадигму (образцы) склонения одного имени существительного в форме множественного числа по трем падежам всех восьми серий

СЕРИЯ I

1. Суперессив	цил-ар-и-л “на стенах”
2. Супераллатив	цил-ар-и-л-ди
3. Суперелатив	цил-ар-и-л-ас

СЕРИЯ II

1. Субессив	цил-ар-и-кк “под стенами”
2. Субаллатив	цил-ар-и-кк-ди
3. Субелатив	цил-ар-и-кк-ас

СЕРИЯ III

1. Инессив (первый)	хул-ар-и-ъ “в домах”
2. Иналлатив (первый)	хул-ар-и-ъ-ди
3. Инелатив (первый)	хул-ар-и-ъ-ас

СЕРИЯ IV

1. Инессив (второй)	цил-ар-и-гI “в стенах”
2. Иналлатив (второй)	цил-ар-и-гI-ди
3. Инелатив (второй)	цил-ар-и-гI-ас

СЕРИЯ V

1. Адессив (первый)	цил-ар-и-гъ “около стенок”
2. Аллатив (первый)	цил-ар-и-гъ-ди
3. Элатив (первый)	цил-ар-и-гъ-ас

СЕРИЯ VI

1. Адессив (второй)	цил-ар-и-в “у стенок”
2. Аллатив (второй)	цил-ар-и-в-ди
3. Элатив (второй)	цил-ар-и-в-ас

СЕРИЯ VII

1. Обессив	цил-ар-и-к “на стенах (вертикально)”
2. Обалатив	цил-ар-и-к-ди
3. Обелатив	цил-ар-и-к-ес

СЕРИЯ VIII

1. Постессив	цил-ар-и-хъ “за стенами”
2. Посталлатив	цил-ар-и-хъ-ди
3. Постелатив	цил-ар-и-хъ-ас

Таков в целом сериальный образец локативов агульского языка в форме множественного числа. О структуре указанных выше падежей более подробная информация изложена в сводной таблице, демонстрирующей склонение агульского имени существительного по всем падежам и числам. Она входит в состав диссертации в качестве приложения.

5. О нелокативных функциях агульских локативов

Как видно из вышеизложенного материала, - основное предназначение локативов - это обозначение предметов и лиц, находящихся в различных точках пространства, а также их перемещение в пространстве. При этом не следует забывать и о том, что локативы в дагестанских языках, наряду со своими основными локативными функциями, выполняют также и синтаксические функции, как

выражаются некоторые специалисты дагестанских языков “выполняют абстрактные функции”. Так как морфолого-синтаксические функции - это не абстрактная категория, мы считаем, что агульские локативы способны выражать такие синтаксические функции, которые выражаются в других языках формами основных падежей.

Как известно, в системе русского склонения творительный падеж занимает одно из основополагающих мест, выражая наиболее типичное для него значение *орудия* или *средства*, при помощи которого производится действие. Это - творительный *орудия*¹: писать чернилами, резать ножом, расколоть топором, влиять своим авторитетом и т.д.

Так как основная функция этого падежа в русском языке - это обозначение орудия труда, его иногда называют и орудийным падежом, и инструменталисом, и инструментальным падежом. В латинском языке этот падеж называется Ablativus-ом и переводится на русский как творительный. Ablativus, как показывает само его название, является падежом, означающим удаление, и точный перевод слова *ablativus* был бы “удалительный” или “отложительный”. Но, так как в числе своих значений *ablativus* имеет значение и орудия или средства, при помощи которого совершается действие, т.е. отвечает на вопрос “кем?”, “чем?”, то в целях сближения с русской грамматической терминологией латинский *ablativus* переводится как творительный.

Творительного падежа, подобного индоевропейских языков, нет в дагестанских языках, в том числе и в агульском. Однако же функции этого падежа в дагестанских языках выполняет или эргатив, или один из местных падежей.

Так, в агульском языке функции инструменталиса (творительного падежа) выполняет супераллатив, который является вторым (направительным) падежом первой серии: *хурд-а-л-ди ярхIуне* “кулаком ударил”, *якIв -ани-л-ди кIурар кьатIар* акья “топором рубит дрова”, *хьира маккал-и-л-ди уцай ху* “женщина серпом жнет

---

¹ Грамматика русского языка. ч.1, АН СССР, М., 1960, с.124.

поле”, ччуччу атІариа кІураp “брат рубит дрова”, но ччуччу атІариа кІураp якІванилди “брат рубит дрова топором”, дадалди зун рази э “отцом я довольна”, зе гъилилди ликІине зун кІедж бабас “своей (моей) рукой я написала письмо матери”, зун зе гъилилди рухуни кьадилкъам “я своими руками соткала ковер”, зун кантІалалди тІуб атІуне “я ножом порезал палец”, ге гъилилди лиханди ая “он работает руками” и т.д.

В своем грамматическом очерке агульского языка Р. Шаумян называет этот падеж *trans-allativus*-ом, хотя респективно дает и термин *instrumentalis*. Термин *transallativus* больше связан с обозначением предметов и лиц, переходящих из одного состояния в другое (новое) состояние, что не вполне соответствует предназначению *superallativus*-а, выполняющего роль орудия труда в процессе превращения предмета из одного состояния в другое (новое) состояние. Как бы Р.Шаумян не называл *superallativus* агульского языка, но его синтаксические функции он достаточно хорошо понял и сумел изложить в своей монографии¹.

Так, если суперессив в агульском используется для передачи функций индоевропейского инструменталиса, то его элатив (суперелатив) используется, во-первых, для выражения временных отрезков: са йисалас зун весе Маскавди “через год я поеду в Москву”, са саІатилас хъучІучІасе дарс “через час начнется урок”, Іу вазалас АхІмададесе хулади “через два месяца Ахмед вернется домой”...; во-вторых, для создания сравнительных оборотов: чу зурба э ччІиччІилас “брат сильнее сестры”, МахІамад дехе гъуккая АхІмедалас “Магомед бежит быстрее, чем Ахмед”, чи гъава э бабалас “сестра выше матери”, че хал азманф э къуншинтилас “наш дом больше, чем дом соседа”...

Сравнительные обороты в агульском языке создаются не только с помощью описанной выше падежной системы, но также с помощью сравнительной частицы *дала*², которая для создания сравнения примыкает к различным падежным формам. Этот вид сравнения не является предметом нашего исследования, так как *дала* не

¹ Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.40.

² См. нашу статью:...

является элементом падежной системы агульского языка. Ср.: че хал азманф э къуншинтилас “наш дом больше, чем дом соседа” и че хал азманф э къуншинтин дала “наш дом больше, чем дом соседа”...

С помощью постессива на -хъ в агульском передается понятие “обладания”: Ибрагъимахъ хъая хал “Ибрагим имеет дом”, хІададахъ хъая къизилдин сеІат “дедушка имеет золотые часы”, зе кІиркІахъ хъая китаб “мой мальчик имеет книгу”...

Постелатив этой же серии в агульском выступает для выражения: *во-первых*, функций русского предложного падежа: чин фикир аркбайя дусттарихъас “мы думаем о товарищах”, чин мактаби шиниккварихъас агъай уй “мы говорили об учениках в школе”, зун ппара къайгъу акъасе зе шиниккварихъас “я очень забочусь о своих детях”, ге ппара фикир акъуне учин китабихъас “он больше думал о своей книге”..., *во-вторых*, функций русского родительного падежа: ягІа зун ушуне мактаби русахъас “сегодня я пошла в школу из-за девочки”, Ибрагъимахъас завас хундавуи гъас дарс “из-за Ибрагима я не смогла провести урок”, ччуччун хатирихъас зун ликІине ме кІидж “из-за брата (ради брата) я написала это письмо”, гихъас кІифе ге “за него (ради него) он умер”..., *в-третьих*, для частичного выполнения функций русского винительного падежа: кІиркІа гъемишан хъатгъишай учин бабахъас “мальчик всегда защищает свою мать”...

Отдельные из описанных выше функций в агульском могут быть выражены и лексически, т.е. с помощью слова-частицы бадалди, ср.: гехъас (с помощью падежной формы) зун ачикуне турмайи “из-за него меня посадили в тюрьму” и ге бадалди (с помощью лексем) зун ачикуне турмайи “из-за него меня посадили в тюрьму” и т.д.

Что касается форм, выражающих совместное движение или действие (по Шаумяну Р. *comitativus*), а также пассивное состояние предмета при совместном действии (по Шаумяну Р. *collativus*), то они не представляют из себя морфологически маркируемые падежные формы, а образованы аналитически с помощью деепричастных форм вспомогательных глаголов, напр.: зун дада къай ушуне даради

“я с отцом пошел в лес” (букв.: находясь позади отца, я пошел в лес”), или же: хумбеф — шиниккв фай вея “женщина идет (несет) с ребенком” (букв.: женщина идет, имея при себе (находясь при ребенке) ребенка). Выражая те или другие синтаксические отношения, формы с деепричастиями къай, фай, гъай ... в агульском языке не принимают участия в образовании его падежной системы и в этой связи не могут служить предметом нашего исследования.

6. О взаимосвязи окончаний агульских локативных падежей и соответствующих им глагольных превербов.

Как известно, в отдельных дагестанских языках, в которых функционируют системы локативных падежей, существует определенная связь между маркерами серий и вербальными маркерами, уточняющими нахождение предмета или лица в той или иной пространственной ориентации. Вербальные маркеры в дагестановедении приобрели название превербов по месту их фиксации в структуре глагола. На существование таких превербов в лезгинских языках впервые сообщается в монографиях Адольфа Дирра по табасаранскому, агульскому, рутульскому, цахурскому языкам. “В предисловии к своей работе о рутульском языке, я сказал, что цахурский язык не имеет местных префиксов в глаголе (стр. IV). Это была ошибка с моей стороны...”¹. Затем он приводит сравнительную таблицу превербов цахурского, рутульского, агульского и табасаранского языков:

Цах.	Рут.	Агульск.	Табас.
к-	к-(повт.)	к-	к-
л-	л-	(а)л-	л-
h-	-	h-	h-
5-	(а) -5	-	-
г-	г-	-	-
к-	-	к-	к,кк
к-	к-	к-	к ²

¹ Дирр А. Цахирский язык. Тифлиси, 1913, с.63.

² Дирр А. Там же, с.65.

После Адольфа Дирра проблемами превербов в лезгинских языках занимались Р.Шаумян: "Местные префиксы подразделяются на простые и сложные"¹, Карл Боуда, который замечает, что именные суффиксы в табасаранском языке могут повторяться перед глаголом для обозначения пространственных отношений², Л.И.Жирков: в табасаранском языке связка "есть" выражает "понятие о пребывании, наличии в определенном месте: а - есть (в наличии), айи - был, ади - будучи"³, Б.Г.-К.Ханмагомедов⁴, А.А.Магометов: Как по значению, так и материально пространственные превербы агульского языка в основном идентичны соответствующим превербам табасаранского языка⁵. По мнению А.А.Магометова, превербы в лезгинском языке в настоящее время не составляют такую ясную и прозрачную картину, которая представлена в табасаранском и агульском языках. Однако же анализ лезгинского глагольного корня, проведенный Б.Б.Талибовым, свидетельствует о том, что структура лезгинского глагола "содержит пространственные превербы так же, как это имеет место в широком масштабе в табасаранском и агульском языках⁶ и что лезгинский глагол широко пользовался пространственными превербами, которые по мере развития языка стали постепенно исчезать, а в некоторых случаях окаменели⁷.

"Актуальность проблемы, связанной с инвентаризацией локативных префиксов глагола, выходит, однако, далеко за пределы морфологии собственно глагола - как описательной, так и исторической. Дело в том, что во многих кавказских языках локативные префиксы глагола последовательно соответствуют падежным аффиксам именных классов слов. Это значит, что изучение способов, типов и семантики

1 Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.-Л., 1941, с.75.

2 Боуда К. Das Tabassaranische. 1939.

3 Жирков Л.И. Табасаранский язык. М.-Л., 1948, с.139.

4 Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала, 1958.

5 Магометов А.А. Превербы в табасаранском языке (сравнительно с превербами в даргинском и агульском языках), ИКЯ, VIII, Тбилиси, 1956, с.335; см. его же: Табасаранский язык, с.216-225; его же: Агульский язык, с.158-167.

6 Талибов Б.Б. Превербы в системе лезгинского глагольного корня. Уч. записки Института ИЯЛ, V, Махачкала. 1958, с.236, 247.

7 Талибов Там же, с.247.

глагольной префиксации может быть опорой при выявлении и описании падежной системы языка в синхроническом и диахроническом планах...”¹.

Анализ глагольных основ арчибского языка показал, что такие местные префиксы, т.е. превербоиды, имелись и в глаголах арчибского языка, но впоследствии под влиянием других языков (аварского...), не имеющих подобных местных префиксов, они окаменели и срослись с основой глагола².

Подробная информация о превербах рутульского и агульского языков содержат и монографии Г.Х.Ибрагимова³.

Образцами согласования морфем локативных падежей и превербов агульского языка могут служить нижеследующие примеры:

I серия: АхIамада ал-ихъуне устули-л ручка. “Ахмед положил ручку на стол”.

II серия: АхIамада кк-ихъуне устули -кк лег. “Ахмед положил ногу под стол.”

III серия: АхIамада сиви-ъ (ъ-)ихъуне гуни. “Ахмед в рот положил хлеб.”

IV серия: АхIамада гI-ихъуне хула-гI тIагарар. “Ахмед вставил окна в доме”.

V серия: АхIамадан хула-гъ гъ-ая дукаан. “Перед домом Ахмеда имеется (стоит) магазин.”

VI серия: АхIамадан хула-ф ф-ая мактабин цIил. “У дома Ахмеда есть (стоит) школьная стена”.

VII серия: АхIамадан берхIеми-к кая къизилдин медаль. “На рубашке Ахмеда (есть) золотая медаль”.

VIII серия: АхIамадан хулари-хъ хъ-ая батIар мукъар. “За домом Ахмеда (есть) красивые места.”

Подобное же согласование существует и в исходном, и направительном падежах всех восьми серий агульских локативов.

1 Тарланов З.К. К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках. - В жур. ВЯ, N 3, М., 1980, с.69-70; его же: О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка. - В жур. ВЯ, N 1, М., 1989, с.55-63.

2 Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Тбилиси, 1979 (резюме на русском языке), с.519-520.

3 Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978; его же: Цахурский язык, М., 1990, с.122-127.

При всей своей привлекательности проблема превербов, принимающих участие в составе глагола и их согласование с существительными, стоящими в местных падежах, в целом она выходит за рамки нашего исследования и переходит в область морфологии и синтаксиса вербальной системы агульского языка.

Установление генезиса как показателей агульских местных падежей, так и соответствующих им превербов, также является одной из основных проблем исторической морфологии агульского и других лезгинских языков.

7. Краткое сообщение о синтаксических функциях агульских локативов

Как известно, второстепенные члены предложения (в частности дополнение и обстоятельство) в русском языке не всегда выступают в предложении с достаточно ясными, характерными формальными признаками. Приходится, с одной стороны, учесть реальное ощущение пространственных отношений, место размещения чего-либо, а с другой стороны, то, в какой мере существительное сохраняет или теряет реальное значение “предмета” в данном контексте. Так, в примерах: Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома (“Капитанская дочка” А.С. Пушкин) и Соловьи заливались в рощах (“Весна на Оudere”, Эм. Казакевич). В первом случае (в креслах) еще не определяет места, а значит представляет дополнение, в то время как во втором случае (в рощах) осознается реальное ощущение места размещения предмета, а значит является обстоятельством. В таких случаях необходим семантико-функциональный подход, чтобы выявить отнесенность той или иной лексики к определенному вопросительному члену в составе предложения. Однако в русском языке встречаются и случаи, когда одна и та же лексема в составе предложения выступает (и рассматривается) то дополнением, то обстоятельством. Напр.: книга лежит на столе (где? и на чем?), или муха сидит на книге (где? и на чем?). Такие переходные случаи А.А. Шахматов определяет следующим углом зрения. Существительное с предлогом, не потерявшее своего реального значения (значение

предмета), следует рассматривать как особый вид дополнения, а именно – как релятивное, т.е. относительное, дополнение¹. Некоторые русисты такого рода случаи рассматривают как обстоятельство-дополнение², стремясь ввести для обозначения “промежуточных” семантико-синтаксических функций членов предложения синтетический термин.

Что же касается аналогичной ситуации в агульском языке, то его локативы как покоя, так и движения больше ориентированы для обозначения расположения предметов и лиц в различных точках пространства. И в этой связи падежные формы имен существительных четче выполняют их обстоятельственные функции. Но это не свидетельствует о том, что агульские локативы выполняют в предложении лишь функции обстоятельств. Принимая ту или иную форму местного падежа, агульское имя существительное одновременно сохраняет свою предметную (материальную) сущность и может считаться дополнением предложения.

Что же касается вопросов, задаваемых к именам существительным, стоящим в том или ином локативном падеже агульского языка, то можно отметить, что, за исключением редчайших случаев, имя существительное агульского языка в локативном падеже с одинаковым успехом принимает как обстоятельственные (наречные), так и именные (местоименные) вопросы. Таким образом, имя существительное в локативном падеже в агульском языке является одновременно и обстоятельством, и дополнением. Напр.: джигьил инсан экьуна ая х1ададан бугулив “юноша (зд.: молодой человек) сидит около бабушки”. В данном предложении к имени существительному бугулив с одинаковым успехом можно поставить и вопрос обстоятельства нандив? - где?, и именной вопрос гынав? - около кого?...

В зависимости от того, какой вопрос ставится к имени существительному, стоящему в одном из локативных падежей, и решается вопрос - быть ему в предложении обстоятельством или дополнением.

1 Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, Л., 1941, с.274.

2 Руднев А.Г. Синтаксис простого предложения. Учпедгиз, М., 1960, с.142.

После длительных раздумий о двойственной природе агульских существительных, стоящих в формах локативных падежей, мы пришли к выводу о том, что этот вопрос в агульском языке необходимо разрешить как в пользу обстоятельства, так и в пользу дополнения. И в этой связи для таких форм агульских имен существительных мы предлагаем аналитический термин “*обстоятельственное дополнение*”, а во множественном числе “*обстоятельственные дополнения*”. Как нам думается, этот термин больше всего соответствует природе агульских имен существительных, стоящих в различных формах локативных падежей. Кроме того это снимает и двусмысленность этих падежных форм в составе предложения в процессе синтаксического его разбора и в школах и в вузах республики.

Так, разбирая предложение: *tIyutI* экбуна ая *tIagariI* “муха сидит на окне”, один студент утверждает, *tIagariI* “на окне” является дополнением, так как отвечает на вопрос *фиттил?* - на чем? Другой же студент не соглашается с ним и утверждает, что *tIagariI* “на окне” отвечает на вопрос *нандил?* - где? и в связи с чем является обстоятельством.

Конечно, утверждения обоих студентов не подлежат сомнению. Они верны по своей сути. Единственная помеха здесь - это то, что в локативных падежах имена существительные агульского языка приобретают двойственную синтаксическую натуру, которую мы и постарались снять, не ущемляя самой двойственной природы таких имен существительных.

Теперь, разбирая предложение: *tIyutI* экбуна ая *Ialil* “муха сидит на Али”, студент не станет утверждать, что *Али* - это одушевленное разумное существо и что к нему надо задать вопрос *гынал?* - на ком? вместо *нандил?* - где?, как это делается в русском! Студент, наоборот, ответит, что в данном случае агульский язык адекватно допускает оба вопроса, независимо от предмета или лица и что как член предложения “*Ialil*” является обстоятельным дополнением.

Или же, разбирая предложение: *kIirpI* кечушуне устуликк “мальчик зашел под стол”, студент сразу же отвечает, что существительное “устуликк - под стол” как

член предложения является обстоятельственным дополнением, так как с одинаковой семантико-функциональной значимостью отвечает как на вопрос нандик? - куда?, так и на вопрос фиттик? - под что?

Выше мы отметили, что подобному подходу препятствуют отдельные случаи. Мы их назвали редчайшими случаями. Одни из них мы описываем в нижеследующем примере, так как с другими случаями подобного порядка в агульском языке нам не приходилось встречаться.

Возьмем такой пример: къучма вея хИайвандил “товарищ едет на коне”. Как в русском, так и в агульском языках имя существительное хИайвандил - на коне требует только одного вопроса, а именно - в русском: “на чем?”, а в агульском: фиттил?, тоже “на чем?”, несмотря на то, что агульский вариант занимает позицию суперессива “на”. Это является фактически единственным случаем в агульском языке, когда имя существительное, стоящее в локативе, не может рассматриваться как обстоятельственное дополнение, а, наоборот, должно в составе предложения рассматриваться как полноценное дополнение. С другими подобными случаями пока нам не приходилось встречаться.

Думается, что этот единственный случай не нарушит той стройной закономерности, наблюдающейся с агульскими именами существительными, стоящими в формах локативов и рассматриваемыми нами как обстоятельственные дополнения.

Глава III.

АГУЛЬСКИЕ АТТРИБУТИВНЫЕ ИМЕНА (ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ И ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ)

I. Имя прилагательное.

I. Образование и функционирование агульского прилагательного (адъектива)

В тех дагестанских языках, в которых регистрируется действующая система грамматических классов, между определяемым именем существительным и отвечающим словом (адъективом) возникает классное согласование. Так, например, в лакском: д-угъа раяянину “пожилая мать” (д-экспонент II грамматического класса, указывающий, что слово нину “мать” - имя второго грамматического класса). Те прилагательные, которые принимают экспоненты грамматических классов, могут выполнять одновременно и функцию категории числа: б-угъарасса нину-хълу “пожилые матери” (экспонент б- в данном случае указывает, что имя существительное второго грамматического класса стоит во множ. числе).

Подобное падежное согласование, какое мы наблюдаем в современном русском языке, ни в одном из дагестанских языков не регистрируется:

	един. число	множ. число
Им. п.	<i>пожилая женщина</i>	<i>пожилые женщины</i>
Род. п.	<i>пожилых женщины</i>	<i>пожилых женщин</i>
Дат. п.	<i>пожилых женщине</i>	<i>пожилым женщинам</i>
Вин. п.	<i>пожилую женщину</i>	<i>пожилых женщин...</i>

род

Им. п.	<i>хороший мальчик</i>	<i>хорошие мальчи́ки</i>
Род. п.	<i>хорошего мальчика</i>	<i>хороших мальчиков</i>
Дат. п.	<i>хорошему мальчику</i>	<i>хорошим мальчикам</i>
Вин. п.	<i>хорошего мальчика</i>	<i>хороших мальчиков и т.д.</i>

Эти и аналогичные им другие образцы русского склонения свидетельствуют о том, что в этом языке представлена одна из форм синтаксической связи - согласование, которое устанавливает связь между определяющим и определяемым именами по трем морфологическим категориям одновременно: по роду, числу и падежу.

В этом отношении прилагательное агульского языка, в котором отсутствует действующая система грамматических классов, не в состоянии представить ни грамматический класс, ни число определяемого существительного, но и падеж, так как в функции атрибутива агульское прилагательное по падежам не изменяется. Наблюдается лишь препозиционное примыкание одной и той же несогласуемой формы прилагательного к склоняемой части имени существительного:

	един. ч.	множ. ч.
Им. п.	<i>гъава хал "высокий дом"</i>	<i>гъава хул-ар</i>
Эрг. п.	<i>гъава хул-а</i>	<i>гъава хул-ар-и</i>
Род. п.	<i>гъава хул-ан</i>	<i>гъава хул-ар-и-н</i>
Дат. п.	<i>гъава хул-ас</i>	<i>гъава хул-ар-и-с</i>

В 1 серии (в суперессиве)

1. Суперессив	<i>гъава хула-л</i>	<i>гъава хул-ар-и-л</i>
2. Суперелатив	<i>гъава хул-а-а-ас</i>	<i>гъава хул-ар-и-л-ж</i>
3. Супераллатив	<i>гъава хул-а-л-ди</i>	<i>гъава хул-ар-и-л-ди</i>

В 2 серии (в субессиве)

1. Субессив гъава хул-а-кк	гъава хул-ар-и-кк
2. Субелатив гъава хул-а-кк-ес	гъава хул-ар-и-кк-ес
3. Субаллатива гъава хул-а-кк-ди	гъава хул-ар-и-ъ-ди

В 3 серии (в инессиве первом I)

1. Инессив I гъава хул-а-ъ	гъава хул-ар-и-ъ
2. Инелатив I гъава хул-а-ъ-ас	гъава хул-ар-и-ъ-ас
3. Иналлатив I гъава хул-а-ъ-ди	гъава хул-ар-и-ъ-ди

В 4 серии (в инессиве втором II)

1. Инессив II гъава хул-а-гI	гъава хул-ар-и-гI
2. Инелатив II гъава хул-а-гI-ас	гъава хул-ар-и-гI-ас
3. Иналлатив II гъава хул-а-гI-ди	гъава хул-ар-и-гI-ди

В 5 серии (в адессиве первом I)

1. Адессив I гъава хул-а-гъ	гъава хул-ар-и-гъ
2. Элатив I гъава хул-а-гъ-ас	гъава хул-ар-и-гъ-ас
3. Аллатив I гъава хул-а-гъ-ди	гъава хул-ар-и-гъ-ди

В 6 серии (в адессиве втором II)

1. Адессив II гъава хул-а-ф	гъава хул-ар-и-ф
2. Элатив II гъава хул-а-ф-ас	гъава хул-ар-и-ф-ас
3. Аллатив II гъава хул-а-ф-ди	гъава хул-ар-и-ф-ди

В 7 серии (в обессиве)

1. Обессив гъава хул-а-к	гъава хул-ар-и-к
2. Обелатив гъава хул-а-к-ес	гъава хул-ар-и-к-ес
3. Обаллатив гъава хул-а-к-ди	гъава хул-ар-и-к-ди

В 8 серии (в постессиве)

1. <i>Постессив гъава хул-а-хъ</i>	<i>гъава хул-ар-и-хъ</i>
2. <i>Постелатив гъава хул-а-хъ-ас</i>	<i>гъава хул-ар-и-хъ-ас</i>
3. <i>Посталлатив гъава хул-а-хъ-ди</i>	<i>гъава хул-ар-и-хъ-ди</i>

Из приведенного образца склонения имени существительного хал “дом” в сочетании с адъективом гъава “высокий” в атрибутивной функции ясно видно, что в агульском языке адъектив не согласуется с определяемым существительным ни в одном из падежей, включая как основных, так и локативных падежей. Он морфологически совершенно инертен в отношении постпозиционного имени существительного, которое и является основным носителем морфологической и синтаксической нагрузки в подобных свободных словосочетаниях агульского языка.

Как известно, в диалектах агульского языка в формировании прилагательных участвует несколько показателей: д, р, т и ф. По поводу этих показателей впервые Р.Шаумян заметил: “Хотя агульский язык не сохранил категории класса, однако рассмотренные нами частицы прилагательных -ф, -р, -д и т мы вправе возводить к классным (родовым) показателям, которые в дальнейшем, утерев свое значение, соответственно были использованы в различных диалектах и говорах в качестве характерных частиц прилагательных. Это подтверждается материалами родственных языков, где классных показатели соответствуют указанным частицам прилагательных агульского языка. Этот интересный факт из истории развития агульского языка позволяет нам установить функциональную смену грамматических категорий, что очевидно из сопоставлений, приведенных в сравнительной таблице прилагательных (см. стр. 46) ¹. В указанной таблице к сравнению привлекаются экспоненты грамматических классов прилагательных табасаранского языка, в котором система категории класса пока что еще жива.

---

¹ Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка, с.47.

В высказывании Р.Шаумяна примечательно то, что, во-первых, он впервые устанавливает генезис показателей прилагательных агульского языка, во-вторых, высказывает предположение о трансформации функций экспонентов грамматических классов в процессе эволюции языка, и самое главное - указывает, что в диахронии и агульскому языку было присуще согласование по грамматическому классу.

В данном разделе нас же прежде всего интересуют прилагательные, образуемые с помощью показателя -ф, так как данная морфема характеризует особенности прилагательных собственно агульского диалекта, лежащего в основе современного литературного агульского языка. Как известно, в числе экспонентов грамматических классов дагестанских языков такого экспонента, как -ф, не встречается. Однако, как нам думается, его верную интерпретацию дает А.А.Магометов: "В большинстве говоров агульского языка прилагательное имеет в исходе окаменелый классный показатель ф (в←б)"¹.

Имя прилагательное в агульском языке, как известно, обозначает признак предмета. Это может быть обозначение качества идже гада "хороший мальчик"; ире тук "красный цветок", ире пайдагъ "красное знамя" и т.д. Когда качественное прилагательное в агульском языке использовано в атрибутивной функции, то оно выступает без показателя прилагательного -ф (т←д→р - в диалектах), возводимого к окаменелому классному показателю.² При этом такие прилагательные, как указано выше, не склоняются по падежам и не изменяются по числам. Изменяемой же частью является определяемое имя существительное, которое и склоняется по падежам и принимает числовую морфему. Имя прилагательное в русском языке может выразить и отношение к другому предмету или принадлежность. Например: городская улица, т.е. улица, находящаяся в городе; вчерашнее сообщение, т.е. сообщение, сделанное вчера; сестрин платок, т.е. платок, принадлежащий сестре; дедова землянка, т.е.

1. Магометов А.А. Агульский язык, с.94.

2. Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.47.

землянка, принадлежащая де́ду и т.д. Такие отношения, которые не содержат в себе качественной характеристики предмета, а называют лишь признак, являющийся одновременно указанием на отношение одного предмета к другому предмету, или означают принадлежность предмета к тому или другому лицу, агульские прилагательные не в состоянии выполнить, так как нет в этом языке ни относительных, ни притяжательных прилагательных, функционирующих ныне в русском языке.

Так как в агульском языке, подобно другим дагестанским языкам, нет ни относительных, ни притяжательных прилагательных, то их функции выполняют имена существительные, стоящие в форме генитива перед определяемым словом.

Основа качественных прилагательных в агульском языке, так же, как и имена существительные в назывной форме, может иметь в ауслауте как гласные, так и согласные звуки, включая сонорные *л* и *н*, которые не имеют ничего общего с аналогичными окончаниями генитива¹ имен существительных или с показателями адъективов.

Агульскому прилагательному как части речи *сравнительная степень* не присуща. Чтобы выразить сравнение двух объектов (существительных) название сравниваемого объекта (существительного) ставится в суперлативе первой серии местных падежей, а прилагательное при этом все время остается в положительной степени (в исходной форме): гъван цлуппеф э хьитта-л-ас “камень тверже воды” (букв.: камень твердый есть, чем вода), зун хлаф э зе ччуччу-л-ас “я старше своего брата” (букв.: я старший есть моего брата); иреф идже э джагартилас “красное лучше белого” (букв.: красный (цвет) лучше (есть), чем белый (цвет); к1ирк1 хлаф э рушалас “сын (мальчик) старше дочери (букв.: сын старший (есть), чем дочь).

Сравнение в агульском языке создается и с помощью частицы дала, которая примыкает к любой падежной форме сравниваемого объекта (существительного):

---

1. Сулейманов Н.Д. Сравн.-истор. исслед. диалектов агульского языка, с.115.

къунши идже э, багунф дала “сосед лучше, чем родственник” (букв.: сосед хороший есть, родственник чем); зе ччиччин кучерар ирхе э, зе дала “моей сестры косы длиннее, чем мои” (букв.: моей сестры косы длинней есть мои чем); час ппара кандай х1абаб, х1адад дала “мы очень любим бабушку, чем дедушку” (букв.: мы очень любим бабушку, дедушка чем); иреф идже э, джагарф дала “красный лучше (есть), чем белый (имеется в виду “цвет”); биц1иф идже э, азманф дала “маленький лучше (есть), чем большой” (имеется в виду любой большой объект) и т.д.

И, наконец, если к сравнению привлекаются два и более полноправных (полноценных) объекта, то используется наречие суман “как”, которое переводится на русский язык как “такой (-ая, -ое), как”: ге(-ра) азманф э, вун суман “он такой же большой, (есть), как и ты”; х1абаб(-ра) 1усеф э, х1адад суман “бабушка такая же старая (есть), как и дед”; че г1ур фая нец1ув, чвёф суман “наше селение расположено так же у реки, как и ваше”; ме к1уранин х1ачар гъазеттар э, те к1уранин суман “яблоки на этом дереве такие же зеленые (есть), как на том дереве”; Ах1мед(-ра) 1акьул кейеф э, учин дад суман “Ахмед такой же умный (есть), как и свой отец” и т.д.

При этом следует иметь в виду и то, что, хотя к сравнению привлекаются различные объекты, выраженные именами существительными, присутствие их признака или качества, выраженные именами прилагательными в исходной форме (в положительной степени), является необходимым условием степеней сравнения агульского языка.

Нет в агульском языке и морфологически оформляемой превосходной степени.

Превосходная степень здесь образуется лексически путем прибавления заимствованных слов лап “очень” и ппара “очень”, “много”: зе куар лап идже хьунай “мои дела очень хорошо пошли (стали)”; че мукьунтар ппара дуьхьуьттар э” мои родственники очень дружны”...

Для превосходной степени в агульском языке, кроме лексем лап и ппара, используется еще 1айе “очень”, “сильно”: че сусан баб са 1айе идже инсан э “мать нашей невесты чрезвычайно (очень) хороший человек (есть); че ададан чшникквар

са 1айе бат1арттар э “дети нашего дяди чрезмерно (очень) красивы” и т.д.

Прилагательные в агульском языке могут субстантивироваться, т.е. материализоваться, приобретая определенный оттенок существительного. Субстантивировавшееся прилагательное может быть употреблено только самостоятельно и не в состоянии выполнить атрибутивную функцию.

Когда агульское прилагательное субстантивируется, оно, как и существительное, приобретает и склоняемость по падежам и числовую категорию. При этом прилагательные диалекта, лежащего в основе литературного языка, которые имеют в форме именительного падежа ауслаутный -ф, замещают его в эргативе на -тт-(д) и в формах всех остальных падежей единственного и множественного чисел. Так например: в эргативе: идже -тт-и к1ине х1уч “хороший убил волка”, если в атрибутивной функции, то имеем следующую форму: г1урчахъан-д-и (эрг.) к1ине идже (хорошую) гъуй “охотник убил хорошую собаку”. Субстантивированное прилагательное в функции генитива принимает следующую форму: идже-ттин 1уьмур (а в функции определения - идже 1уьмур “хорошая жизнь”) ирхе вѣрефе “хорошего жизнь (имеется в виду жизнь хорошего человека) бывает долгой (длинной). В дативе формы те же, что и у существительного: 1уссеттис ппара иджвѣлар акьуна канде “старому следует (надо) делать много добра и т.д.

2. Образец склонения субстантивированных прилагательных по местным падежам

I СЕРИЯ

1. Суперессив <i>ире-тт-и-л</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-л</i>
2. Супераллатив <i>ире-тт-и-л-ди</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-л-ди</i>
3. Суперелатив <i>ире-тт-и-л-ас</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-л-ас</i>

1. Иреттил алих гьил “на красное положи руку.
2. Иреттилди алгутуне кIаре ранг “на красный перешел черный цвет”.
3. Иреттилас алайтуне ранг “с красного отошел цвет”, т.е. красный цвет поблек.

II СЕРИЯ

1. Субессив <i>ире-тт-и-кк</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-кк</i>
2. Субаллатив <i>ире-тт-и-кк-ди</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-кк-ди</i>
3. Субелатив <i>ире-тт-и-кк-ес</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-кк-ес</i>

1. Иреттикк ккея джагарф “под красным лежит (находится) белый”.
2. Иреттиккди хьудуьхьефе джагарф ягълухъ “к красному подходит белый платок”.
3. Иреттиккес кедикIая джагарф “из-под красного выглядывает белое”.

III СЕРИЯ

1. Инессив первый <i>ире-тт-и-ъ</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-ъ</i>
2. Иналлатив первый <i>ире-тт-и-ъ-ди</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-ъ-ди</i>
3. Инелатив первый <i>ире-тт-и-ъ-ас</i>	<i>мн.ч.</i>	<i>ире-тт-ар-и-ъ-ас</i>

1. Джагвар тибйтилас иреттиъ ппара арукая шейэр “чем в белом сундуке, в красном больше вмещается вещей”.

2. Иреттиъди агъатуне хъед “в красное налили воду”.

3. Иреттиъас гъуюна ахъ джагвар бадрайи “из красного высыпъ в белое ведро”.

IV СЕРИЯ

1. Инессив второй *ире-тт-и-г1* *мн. ч.* *ире-тт-ар-и-г1*

2. Иналлатив второй *ире-тт-и-г1-ди* *мн. ч.* *ире-тт-ар-и-г1-ди*

3. Инелатив второй *ире-тт-и-г1-ас* *мн. ч.* *ире-тт-ар-и-г1-ас*

1. Иреттиг1 глахъуне ппара шакар “в красное насыпали много сахара”.

2. Иреттиг1ди глачушуне кларе ранг “в красный перешел черный цвет”.

3. Иреттиг1ас глаттивуна гликк1уне кларе ранг “из красного вытащили и положили в черную краску”.

V СЕРИЯ

1. Адессив первый *ире-тт-и-гъ* *мн. ч.* *ире-тт-ар-и-гъ*

2. Аллатив первый *ире-тт-и-гъ-ди* *мн. ч.* *ире-тт-ар-и-гъ-ди*

3. Элатив первый *ире-тт-и-гъ-ас* *мн. ч.* *ире-тт-ар-и-гъ-ас*

1. Иреттигъ гъуй бат1ар шибер “у красной были (находились) красивые девушки”.

2. Иреттигъди гъучушуне че х1абабан вец “к красному подошел бык нашей бабушки”.

3. Иреттигъас фера аргвай адавуи “из-за красного ничего не было видно”.

VI СЕРИЯ

1. Адессив второй ире-тт-и-в	мн.ч.	ире-тт-ар-и-в
2. Аллатив второй ире-тт-и-в-ди	мн.ч.	ире-тт-ар-и-в-ди
3. Элатив второй ире-тт-и-в-ас	мн.ч.	ире-тт-ар-и-в-ас

1. Иреттив фачихъуне джагарф “к красному (цвету) приложили белый”.
2. Иреттивди гъуфук1 джагарф “к красному приложили белый (цвет)”.
3. Иреттивас гъаттивуне джагарф “от красного убрали белый (цвет)”.

VII СЕРИЯ

1. Обессив ире-тт-и-к	мн.ч.	ире-тт-ар-и-к
2. Абаллатив ире-тт-и-к-ди	мн.ч.	ире-тт-ар-и-к-ди
3. Обелатив ире-тт-и-к-ес	мн.ч.	ире-тт-ар-и-к-ес

1. Ирреттик кия парра дарманар “в красном имеется много лекарств (витаминов)”.
2. Иреттикди кит1 тукар “к красному повесь цветы”.
3. Иреттикес хъунай ширин чахир “из красного получилось вкусное вино”.

VIII СЕРИЯ

1. Постессив ире-тт-и-хъ	мн.ч.	ире-тт-ар-и-хъ
2. Посталлатив ире-тт-и-хъ-ди	мн.ч.	ире-тт-ар-и-хъ-ди
3. Постеллатив ире-тт-и-хъ-ас	мн.ч.	ире-тт-ар-и-хъ-ас

1. Иреттихъ гъузуна а инсанар “за красным стоят люди”.
2. Иреттихъди ушуне джалга идемарин “за красным пошла толпа мужчин”.
3. Иреттихъас ппара гъургъубур хъефе зе “из-за красного много скандалов было у меня”.

II. Числительное

1. Значение имени числительного

Числительное - это класс слов, которые являются названием выраженного в числах количества предметов, а также, порядка их по счету. Из этого следует, что не всякое слово со значением количества (тройка, сотня) относится к числительным, а только слова, в которых количественные понятия выражены с помощью чисел, то есть, общепринятых единиц счета.

Понятие числа, по Энгельсу, взято из действительного мира. “Десять пальцев, - писал он, - на которых люди учились считать, то есть производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума”.¹ Так, имена числительные сами по себе в современном агульском языке чрезмерно абстрактны. Например, числительные хьибуд “три”, кьад “двадцать”, цлехьибуд “тринадцать” и т.д., взятые вне контекста речи, дают лишь общее представление о количестве. Содержание же их количественного признака уточняется и конкретизируется только после присоединения к ним предметных слов: хьибу хлайван “три лошади”, кьа гитан “двадцать кошек”, цлехьibu йис “тринадцать лет” и т.д.

Такая отвлеченность значений числительных находит себе объяснение в самом процессе познания действительности. Дело в том, что понятие числа возникает на той стадии развития познания, когда при рассмотрении предметов человек отвлекается от всех их свойств, кроме *количественных*. Энгельс писал: “Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития”.²

1.Энгельс Ф. Анти-Дюринг, изд. 1950, с.37.

2.Энгельс Ф. Там же, с.37.

В области согласования и выполнения синтаксических функций между количественными числительными русского и агульского языка наблюдаются существенные расхождения. Так, родительный падеж существительных русского языка, употребляемый при числительных, является носителем предметного значения всего словосочетания, так как употребляемое самостоятельно, без предметного уточнителя, любое количественное числительное весьма абстрактно. В сочетаниях же типа *десять дней, девять страниц* оно получает реальное значение, входя при этом в весьма сложные отношения с предметными словами. Как в свое время на это обращали внимание А.А.Шахматов и В.В.Виноградов, в таких синтаксически неделимых словосочетаниях (два дня) следует видеть *грамматические идиомы*, неразложимые грамматические обороты.¹

Близость этих сочетаний (два дня, четыре книги) к идиомам подтверждается не совсем обычным согласованием имен прилагательных, например, в таких выражениях, как: *два новых дома, три больших стола*. Определение в таких случаях имеет форму родительного падежа множественного числа (новых, больших), в то время как определяемое слово (дома, стола) стоит в форме родительного падежа единственного числа, а в сущности же - форму переосмысленного по-новому бывшего именительного падежа исчезнувшего двойственного числа. В косвенных же падежах указанное противоречие не встречается: *двум новым домам, тремя большими столами*.

Если при именительном падеже числительных *два (две), три, четыре*, имя существительное, обозначающее считаемый предмет, ставится в родительном падеже единственного числа (*две стены, четыре друга*), то при именительном падеже числительных, начиная с пяти, имя существительное ставится в родительном падеже множественного числа (*пять домов, двадцать самолетов и т.д.*). В косвенных падежах (кроме винительного) существительные при числительных, кроме "один" и составных, оканчивающихся словом "один", ставятся во множественном числе,

---

1. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка, 1941, с.14; Виноградов В.В. Современный русский язык, вып.2, Учпедгиз, 1938, с.125.

причем, числительные согласуются в падеже с существительным (*двумя домами, ста двадцатью самолетами и т.д.*).

Что касается агульских количественных числительных, то в них такие значительные расхождения не наблюдаются. Выполняя атрибутивную функцию в отношении определяемого имени, агульские числительные, во-первых, не согласуются с существительными ни по классу (т.к., грамматические классы в языке ныне не функционируют), ни по числу, ни по падежам. Так, если в русском языке синхронически при числительных наблюдается синтаксическая связь - управление, то в агульском языке представлено простое примыкание. Количественное числительное, как правило, занимает препозицию в отношении определяемого имени существительного, которое не принимает форм множественного числа, независимо от того, стоит ли перед ним числительное сад"один", йицIуд"десять", или верш"сто". Например, са даги"один осел", йицIуд даги"десять ослов", верш даги"сто ослов". Грамматические формы определяемого имени существительного даги"осел" остаются неизменными, несмотря на определительные числительные, принимающие препозицию. За числительными могут стоять и существительные других грамматических родов. И в этом случае их формы остаются неизменными:

са чи"одна сестра"

хьибу чи"три сестры"

йерхьи чи"шесть сестер"

къа чи"двадцать сестер" и т.д.

Числительное сад"один" в агульском языке, как и во многих дагестанских языках, обозначает, также, понятие неопределенного местоимения "некий", "какой-то": са инсан"некий" (какой-то) человек" и часто соответствует по своей функции неопределенным артиклям индоевропейских языков. Например, немецкий язык - ein, eine, eines; английский язык - a(II an), в основе которых заложено числительное"один". Если определяемое существительное, стоящее после числительного сад"один" принимает показатель множественности - ар, то числительное сад"один" переводится

на русский язык с помощью неопределенного жеместоймения в форме множественного числа са инсан"некий"(какой-то) человек и са инсанар"некие люди"(какие-то) люди", са вец-ар"одни быки",са гПайнабур"одни очки". ГПайнабур в значении "очки"(оптические) в агульском языке является словом *pluralia tantum*.

2. Образование и состав агульских количественных числительных.

В статике агульские числительные, начиная с одного и до десяти включительно, имеют простую(неосложненную) основу: сад”один”, Іуд”два”, хьибуд “три”, якьуд “четыре”, гІуфуд “пять”, йерхьид “шесть”, йерид “семь”, муяд “восемь”, йерчІуд “девять”, йицІуд “десять”. Неосложненную основу имеют и числительные къад “двадцать”, верш “сто” и заимствованное из персидского агъзур “тысяча”. Счет в

литературном агульском языке десятичный (децимальный), но в диалектах наблюдается и двадцатеричная (вигезимальная) система в керенском диалекте и хпугском говоре, по мнению Н.Д.Сулейманова, представляет явление позднее, которое возникло в результате влияния лезгинского языка, с которым граничат данные локальные единицы.¹ По мнению Р.Шаумяна, в собственно агульском, геххюнском и кошанском диалектах находим вполне последовательную систему.²

Сложные числительные до “двадцати” образуются путем сложения на “десять” простых числительных первой десятки:

цІесад “одиннадцать”

цІелІуд “двенадцать”

цІехьибуд “тринадцать”

цІеякъуд “четырнадцать”

цІегІфуд “пятнадцать”

цІейерхьид “шестнадцать”

цІейерид “семнадцать”

цІемуяд “восемнадцать”

цІейерчІуд “девятнадцать”.

Как указано выше, числительное двадцать имеет простую (неосложненную) основу къад, с помощью которого образуются сложные числительные: къаннасад

1. Сулейманов Н.Д. Сравнит.-истор. исслед. диалектов агульского языка, с.118.

2. Шаумян Р. См. цит. выше лит., с.54.

“двадцать один”, къанна1уд “двадцать два”, къаннахь1буд “двадцать три”, къаннаякьуд “двадцать четыре”, къаннаг1уфуд “двадцать пять”, къаннайерхьид “двадцать шесть”, къаннайерид “двадцать семь”, къаннамуяд “двадцать восемь”, къаннайерч1уд “двадцать девять”. При образовании данных числительных ауслаутный окаменелый классный показатель -д, ассимилируясь с последующим сонорным н, союза на “и”, переходит в н.

С помощью этого союза на “и” образуются и числительные с сотнями и тысячами: вершна сад “сто один”, вершна 1уд “сто два”..., вершна ц1есад “сто одиннадцать”..., агъзурна сад “тысяча один”, агъзурна ц1есад “тысяча одиннадцать” и т.д.

В литературном агульском языке, где представлена десятичная система счета, сложные числительные, начиная с “тридцати” до “ста”, образуются путем сложения на простые основы первой десятки числительных слова “десять”, который меняет ауслаутный окаменелый классный экспонент -д на -р. Одновременно утрачивают ауслаутный окаменелый классный экспонент и простые основы первой десятки числительных: хь1буд — хь1б+ц1уд — хь1бц1ур “тридцать”, ягъц1ур “сорок”, г1ифц1ур “пятьдесят”, йехьц1ур “шестьдесят”, ярц1ур “семьдесят”, майц1ур “восемьдесят”, йерц1ур “девяносто”.

Числительное “сто”, как сказано выше, имеет простую основу верш и образует сотни с помощью союза на “и”: вершна сад “сто один”..., однако числительные: 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900 состоят из числительных первой десятки плюс верш “сто”: 1уверш “двести” (два+сто), хь1буверш “триста” (три+сто), якъуверш “четыреста”, г1уфувверш “пятьсот”, йерхьивверш “шестьсот”, йеривверш “семьсот”, муяверш “восемьсот”, йерч1уверш “девятьсот”.

3. Субстантивация агульских количественных имен числительных

Как и прилагательные, агульские числительные также могут материализоваться, т.е. приобрести в некотором смысле черты, характерные субстантивам, т.е. приобретают материальную сущность, указывая то на лиц, то на предметы. При этом количественные числительные не теряют своей основной функции - обозначение количества (численности) лиц и предметов: хьибуйи к1инай х1уч1 “трое убили волка”, но са инсани к1инай х1уч1 “один (некий) человек убил волка”, верш инсани к1инай х1уч1 “сто мужчин убили волка”. Самостоятельно употребленное количественное числительное в агульском языке одновременно выполняет две функции - функцию субъекта предложения или прямого и косвенного объекта, а также количественное исчисление как субъекта, так и объекта.

Напр.: 1уд ушуне мактабиди “двое ушли в школу” (1уд “двое” в номинативе при интранзитиве вея “идти”); хьибуйи хурайа китабар “трое читают книги” (хьибуйи “трое” в эрг. при транзитиве хурас “читать”); засалийне хьибуд “я получила тройку (три)” (хьибуд “три”, “тройка” в номинативе в роли прямого объекта); вун гьаттушуне хьибударигьас “я отошел от троих” (хьибударигьас “от троих” - пятая серия локатива в качестве косвенного объекта)...

Кроме того, самостоятельно использованное количественное числительное склоняется по падежам единственного и множественного чисел, точно так же, как и имя существительное:

	<i>един. число</i>	<i>множ. число</i>
Им.п.	хьибц1ур “тридцать”	хьибц1ур-ар
Эрг.п.	хьбц1ур-а	хьибц1ур-ар-и
Род.п.	хьибц1ур-а-н	хьибц1ур-ар-и-н
Дат.п.	хьибц1ур-а-с	хьибц1ур-ар-и-с

Склонение числительного “тридцать” по сериям местных падежей

1 серия (в суперессиве)

Суперессив хьибцлур-а-л	хьибцлур-ар-и-л
Суперелатив хьибцлур-а-л-ас	хьибцлур-ар-и-л-ас
Супераллатив хьибцлур-а-л-ди	хьибцлур-ар-и-л-ди

2 серия (в субессиве)

Субессив хьибцлур-а-кк	хьибцлур-ар-и-кк
Субелатив хьибцлур-а-кк-ес	хьибцлур-ар-и-кк-ес
Субаллатив хьибцлур-а-кк-ди	хьибцлур-ар-и-кк-ди

3 серия (в инессиве первом)

Инессив 1 хьибцлур-а-ъ	хьибцлур-ар-и-ъ
Инелатив 1 хьибцлур-а-ъ-ас	хьибцлур-ар-и-ъ-ас
Иналлатив 1 хьибцлур-а-ъ-ди	хьибцлур-ар-и-ъ-ди

4 серия (в инессиве втором)

Инессив 2 хьибцлур-а-г1	хьибцлур-ар-и-г1
Инелатив 2 хьибцлур-а-г1-ас	хьибцлур-ар-и-г1-ас
Иналлатив 2 хьибцлур-а-г1-ди	хьибцлур-ар-и-г1-ди

5 серия (в адессиве первом)

Адессив 1 хьибцлур-а-гъ	хьибцлур-ар-и-гъ
Элатив 1 хьибцлур-а-гъ-ас	хьибцлур-ар-и-гъ-ас
Аллатив хьибцлур-а-гъ-ди	хьибцлур-ар-и-гъ-ди

6 серия (в адессиве втором)

Адессив 2 хьибц1ур-а-ф(-в)	хьибц1ур-ар-и-ф(-в)
Элатив 2 хьибц1ур-а-ф(-в)-ас	хьибц1ур-ар-и-ф(-в)-ас
Аллатив 2 хьибц1ур-а-ф(-в)-ди	хьибц1ур-ар-и-ф(-в)-ди

7 серия (в обессиве)

Обессив хьибц1ур-а-к	хьибц1ур-ар-и-к
Обелатив хьибц1ур-а-к-ес	хьибц1ур-ар-и-к-ес
Обаллатив хьибц1ур-а-к-ди	хьибц1ур-ар-и-к-ди

8 серия (в постессиве)

Постессив хьибц1ур-а-хъ	хьибц1ур-ар-и-хъ
Постелатив хьибц1ур-а-хъ-ас	хьибц1ур-ар-и-хъ-ас
Посталлатив хьибц1ур-а-хъ-ди	хьибц1ур-ар-и-хъ-ди

Несмотря на то, что субстантивированные количественные числительные и склоняются в агульском языке как в парадигме единственного, так и множественного числе всех основных и локативных падежей, сфера их употребления в речевом общении крайне ограничена. Больше они выступают как количественные определители имен существительных и в этом качестве, как и прилагательные, они занимают препозицию, синтаксическая связь которых определяется как простое примыкание:

Им.п.	хьибц1ур инсан “тридцать человек”
Эрг.п.	хьибц1ур инсан-ди
Род.п.	хьибц1ур инсан-ди-н
Дат.п.	хьибц1ур инсан-ди-с и т.д.

4. Разряды имен числительных агульского языка

Кроме демонстрированных выше количественных числительных, агульский язык располагает еще и следующими разрядами числительных:

а) *порядковыми числительными*, совпадающими по форме и синтаксическому употреблению с именами прилагательными, но существенно отличающимися от них по своему значению и функциям. Основное, что их отличает от прилагательных, - это отчетливо представленное значение порядка следования предметов при их счете. Образованные от корней количественных числительных, они сохраняют и основную их семантику - семантику счета. Синтаксические же функции порядковых числительных определяются их значением и стилистическими функциями в речи. Типичная и основная их функция - выражать определение, т.е. атрибутивная функция.

В агульском языке порядковые числительные образуются аналитическим способом, т.е. с количественными числительными сочетают причастную форму пеф “сказанный” от глагола “сказать” - пас (собственно агульский диалект): сад пеф “первый”, луд пеф “второй”, хьибуд пеф “третий” и т.д.

Если порядковое числительное в агульском используется в атрибутивной функции, то его причастная форма теряет окаменелый экспонент грамматического класса -ф (в соб. агульском диалекте): сад пе гада “первый мальчик”, луд пе чу “второй брат”, хьибуд пе к₁ур “третье дерево”, якьуд пе кул “четвертая ветка”, муяд пе будай “восьмая кукла”, йиц₁ур пе т₁у “десятый палец”,... кьад пе даги “двадцатый осел” и т.д.

В определительной функции порядковые числительные агульского языка не изменяются ни по падежам, ни по числам, но могут сочетаться с именами существительными в единственном и во множественном числах: муяд пе к₁ет₁лабур “восьмые лопаты” - муяд пе к₁ет₁ла “восьмая лопата”, йиц₁луд пе х₁луни “десятая корова” - йиц₁луд пе х₁лунивар “десятые коровы”, якьуд пе т₁луб “четвертый палец” -

якъуд пе тлубар “четвертые палыцы”; сад-пе майдан “первая площадь” - къад пе майданар “двадцатые площади и т.д.

При субстантивированном состоянии, т.е. при самостоятельном использовании, причастная часть порядкового числительного пеф склоняется по падежам и изменяется по числам по образцу имен прилагательных:

Им.п.	сад пеф “первый”	мн.ч.	сад петтар
Эрг. п.	сад петти	мн.ч.	сад петтари
Род. п.	сад петтин	мн.ч.	сад петтарин
Дат.п.	сад петтис	мн.ч.	сад петтарис

В формах локативных падежей:

I СЕРИЯ

ед.ч.	множ.ч.
Суперессив сад петти-л	сад петтари-л

II СЕРИЯ

Субессив сад петти-кк	сад петтари-кк
-----------------------	----------------

III СЕРИЯ

Инессив I сад петти-ъ	сад петтари-ъ
-----------------------	---------------

IV СЕРИЯ

Инессив II сад петти-г1	сад петтари-г1
-------------------------	----------------

V СЕРИЯ

Адессив I сад петти-гъ	сад петтари-гъ
------------------------	----------------

VI СЕРИЯ

Адессив II сад петти-в(-ф)	сад петтари-в(-ф)
----------------------------	-------------------

VII СЕРИЯ

Обессив сад петти-к	сад петтари-к
---------------------	---------------

VIII СЕРИЯ

Постессив сад петти-хъ

сад петтари-хъ

Если же порядковое числительное, выполняя атрибутивную функцию, стоит перед именем существительным, то склонению единственного и множественного чисел подвергается лишь определяемое имя существительное (см. “Склонение имени существительного” по всем падежам и числам).

б) *распределительными числительными*, которые образуются от количественного числительного путем редупликации его корней или синкопированной его части плюс суффикс наречия -тти(ди): са-са-тти “по одному”, 1у-1у-тти “по два”, “по две”, “по двое”, хьи-хьибу-тти “по три”, “по трое”, я-якьутти “по четыре”, г1у-г1уфутти “по пять”, яхярхьитти “шесть”, му-муятти “по восемь”, я-ярч1утти “по девять”, йи-йиц1утти “по десять”, “по десяти”, къа-къатти “по двадцать”...; са-сатта ачийне хулади “по одному зашли домой” и т.д.

в) *собирательными числительными*, образующимися от количественных путем присоединения союза -ра “и”: 1уд-ра “оба”, “обе” (букв.: и два), хьибудра “трое”, якьудра “четверо”, г1уфудра “пятеро”: хьибудра ачашаб экзаменди “трое (троем) заходите на экзамен”; хьибудра чувар касиб хьунай “трое братьев обеднели” и т.д.

г) *дробными числительными*, которые образуются от генитива количественных числительных (знаменатель) и номинатива количественного же числительного (числитель): одна третья - хьибуйин са пай (букв.: третьего одна часть, $1/3$); якьуйин са пай “одна четвертых” (букв.: четвертого одна часть, $1/4$); йи хьуйин 1у пай “две пятых” (букв.: пятого две части, $2/5$); якьуйин хьибу пай “три четвертых” (букв.: четвертого три части, $3/4$); йерийн са пай “одна седьмых” (букв.: седьмого одна часть, $1/7$) и т.д.

д) *кратными числительными*, образующимися от количественных путем присоединения к ним ауслаутной частицы гелай (собств. агульский диалект): са гелай “один раз”, “однажды”; 1у гелай “два раза”, “дважды”; къа гелай “двадцать

раз”; кьанна са гелай “двадцать один раз”; глүфцлур гелай “пятьдесят раз” и т.д.

Что касается вопросительной лексемы хьимуд? “сколько?”, то она, на наш взгляд, представляет собой вопросительно-относительное местоимение, которое содержит в своей семантике, во-первых, вопрос о неопределенных предметах и личностях, не конкретизируя количественное содержание предметов и личностей, к которым адресован вопрос относительного характера хьимуд?

Вопросительно-относительное местоимение хьимуд? “сколько?” не может быть отнесено к разряду числительных¹, так как оно не содержит в себе даже отдаленное представление о количественном понятии, выраженного с помощью числе, т.е. общепринятых единиц счета.

Кроме того, хьимуд? “сколько?” в агульском языке обладает категорией падежа и склоняется по образцу прилагательного:

Им.п. хьимуд? “сколько?”

Эрг.п. хьимуйи?

Род.п. хьимуйин?

Дат.п. хьимуйие?

А.А.Магомедов указывает, что числительное сад”один” с союзом ра”и” - садра в отрицательном предложении означает “ни один”². Нам думается, что в отрицательном предложении агульского языка садра не означает “ни один”, а переводится на русский язык сочетанием “ни один”, так как отрицание при глаголе в агульском языке превращает все предложение в отрицательное, в то время, как в русском предложении требуется два отрицания, чтобы превратить неопределенные местоимения в отрицательные: был кто-нибудь дома? - никого не было дома. Числительное сад”один” в агульском языке, одновременно выполняя и функцию неопределенного местоимения “некий” (-ая,-ос), “какой-то”, “кто-то”, “кто-

1. Сулейманов Н.Д. Сравн. - историч. испед. диалектов агуль.яз., с.124.

2. Магомедов А.А. Агуль.яз., с.100.

“нибудь”, переводится на русский язык отрицательными местоимениями “никто”, “никого”, “ничто”, “ничего”. Так, в агульском языке: садра уйва хъулаъ? “кто-нибудь был дома?” (букв: хоть и один был дома?), а ответ будет: садра адавуи хулаъ “никого не было дома” (букв: и одного не было дома) и т.д.

5. Основы агульской элементарной арифметики.

Агульская элементарная арифметика в основном состоит из числительных, то есть из арифметических действий сложения, вычитания, умножения и деления.

а) сложение:

При сложении используются две формы (полная и краткая при беглом сложении).

При образовании полной формы берется числительное в суперессиве на -д и плюсуот к нему слагаемое, числительное в номинативе с добавлением слов алчихьугуна “добавить” и аттархья “выходит”: цІегІуфуйил(15) якьуд(4) алчихиугуна(добавить) аттарІхья(выходит): цІейерчІуд(19). В краткой форме отпускаются слова алчихьугуна “добавить” и аттарІхья”выходит”: цІегІуфуйил якьуд цІейерчІуд($15+4=19$); цІейерийил(17) майцІурна хьибуд(83) алчихьугуна аттархья верш(100):”на семнадцать восемьдесят три добавить - выходит(будет) сто” В краткой форме: цІейерийил майцІурна хьибуд-верш ($17+83=100$)

б) вычитание

Берется числительное в обелативе на -к-ес и добавляют к нему вычитаемое числительное, используя слова: кеттивугуна”снять(убрать) и аттархья “выходит”: цІейерчІуйикес муяд цІесад ($19-8=11$); вершакес (100) къад (20) кеттивугуна аттархья майцІур (80), т.е. из ста отнять двадцать будет восемьдесят ($100-20=80$). Краткая форма будет: вершакес къад - майцІур ($100-20=80$)...

в) умножение

При умножении берется количественное числительное в номинативе и умножается кратным числительным с частицей гелай, добавляя слова акьугуна “сделать” и аттархья “выходит”: хьибцІурна (30) муяд (8) еригелай (7 раз) акьугуна (сделать) аттархья (выходит) Іу (2) вершна (100) ехьцІурна (60) ерхьид (6), т.е. тридцать восемь умножить на 7 будет двести шестьдесят шесть. Допускается и строй: еригелай хьибцІурна муяд (семь раз тридцать восемь) - двести шестьдесят шесть); хьибцІур (30) якьугелай (4 раза) акьугуна (сделать) аттархья (выходит), вершна

къад (120), т.е. $30 \times 4 = 120$. В краткой быстротечной речи агульцы обычно используют форму:

лугелай (2 раза) луд (2) - якьуд (4) дважды два - четыре

лугелай (2 раза) хьибуд (3) - ерхьид (6) дважды три - шесть.

хьибугелай (3 трижды) хьибуд (3) - ерчлуд (9) трижды три - девять.

якьугелай (4 раза) якьуд (4) - цлейерхьид (16), $4 \times 4 = 16$.

якьугелай (4 раза) глуд (5) - къад (20), $4 \times 5 = 20$.

глудгелай (5 раз) глуд къанна глуд (25), $5 \times 5 = 25$

глудгелай (5 раз) ерхьид (6) хьибцлур (30), $5 \times 6 = 30$

ерхьигелай (6 раз) ерхьид (6) хьибцлурна ерхьид (36), $6 \times 6 = 36$

ицлугелай (10 раз) ицлуд (10) верш (100), $10 \times 10 = 100...$

г) деление

При делении берется числительное, которое необходимо делить в номинативе, а числительное, на которое делится в дативе со словом пай в значении “часть” и слова акьучин “сделать” и аттархьа “выходит” цлеглуд (15) хьибуйис (3 в дативе) пай (части) акьучин (сделать) аттаркьа (выходит) глуд (5), т.е. если 15 на три части (половины) сделать (разделить, то получится (выходит) пять; можно и в краткой форме: цлеглуд (15) хьибуйис пай - глуд ($15:3=5$); верш (100) якьуйис пай 4 части) акьучин (сделать) аттархьа (выходит) къанна глуд (25), т.е., если сто на четыре части разделить (здесь: сделать), то получится (выходит) двадцать пять ($100:4=25$); можно и в краткой форме: верш якьуйис пай - къанна глуд, т.е. сто на четыре части - двадцать пять...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При определении темы настоящей диссертации учитывалось не только то, что она станет первым монографическим исследованием падежной системы имени существительного агульского языка, но и научно-теоретическим описанием принципиальных положений системы агульского склонения, которые имеют существенную практическую ценность как для студентов и преподавателей вузов, техникумов республики, так и для учителей и учеников агульских школ.

В процессе исследования вопроса выявилось, что основными падежами агульского языка, выполняющими его абстрактно-синтаксические функции, являются номинатив, эргатив, генитив и датив. За исключением номинатива, который оканчивается в агульском языке на любой гласный или согласный (нулевое оформление), остальные падежи синтетически маркируются самостоятельными окончаниями, строго соблюдая принцип “двух основ”, присущий системе склонения и других дагестанских языков.

При определении морфем агульского эргатива гласные элементы, стоящие перед сонорными *н, д* и *р*, мы предпочли отнести их к составу морфем, поскольку эти гласные не являются принадлежностью основы имен существительных и появляются совместно с морфемой эргатива. При этом количество морфем агульского эргатива доходит до 15 плюс одна нулевая морфема.

Одновременно прослеживается и древнейшая связь согласных морфем эргатива агульского языка $д \rightarrow р \rightarrow (н, д) \rightarrow й$ и показателей грамматических классов, ныне действующих в других дагестанских языках $д \rightarrow р \rightarrow (н, д) \rightarrow й$.

Фонетическая рефлексия согласного элемента морфемы эргатива *д* ($д \rightarrow р \rightarrow й \rightarrow \emptyset$) свидетельствует о том, что эргатив в агульском языке переживает период ущербности, упадка его морфологической значимости, период его деструкции. Особенно это проявляется в именах существительных, эргатив которых образуется

нулевой морфемой или гласными морфемами а, и, у. Об этом же свидетельствуют и данные агульских диалектов, где одна и та же лексема образует эргатив различными морфемами.

В процессе склонения отдельных лексем регистрируются и следы бывшего корневого аблаута - этого древнейшего фонетико-морфологического явления как индоевропейских, так и иберийско-кавказских языков.

Образование агульского генитива не представляет особой трудности. Зная основу эргатива единственного числа, его легко образовать путем прибавления сонорного -н- морфемы генитива, т.е. склонение придерживается “принципа двух основ” - одна основа - для номинатива, а другая - (эргативная) - для остальных падежей, что вполне соответствует парадигме склонений других дагестанских языков.

Принимая во внимание практическую значимость исследования, разностороннему освещению подвергнуты процессы формирования номинативной, эргативной и дативной конструкций. Учитывая, что специальная лингвистическая литература по агульскому языку не располагает достаточно надежными исследованиями по вопросу дифференциации транзитивных глаголов чувственного восприятия и по формированию дативной конструкции, в работе значительное внимание уделяется глаголам, вокруг которых концентрируется датив то в роли субъекта, то в роли объекта.

При рассмотрении функций основных падежей обнаруживается также, что эргатив в агульском языке является не только падежом субъекта при переходных глаголах, но и инструменталисом - падежом, с помощью которого совершается действие реальным субъектом: руша (эргатив в роли субъекта) гвар (RO - реальный объект) ацІас акьуне хьетти (эргатив в роли инструменталиса) “девушка заполнила кувшин водой”. Это вполне созвучно соответствующей конструкции аварского языка: инсуца (эрг.) къотІула цІул (RO) гІюштІоца (эрг. в роли инструменталиса) “отец рубит дрова топором”...

При исследовании функций основных падежей учитывается и специфика самого

агульского языка. Так, в агульском имеем выражение: зун кIесхьунай мекIила “я чуть не умер от холода”, т.е. “мне было очень холодно”. В действительности же имеем: зун “я” (номинатив в роли прямого дополнения) кIесхьунай (переходный глагол) “убил” и мекIила (эргатив в роли субъекта при переходном глаголе кIесхьунай). Таким образом, мы имеем дословно “холод убил меня”. Получается своеобразный фразеологизм. Подобная специфика языка выявлена и при рассмотрении функции агульских основных падежей.

При создании общей картины агульских основных падежей мы пришли к выводу, что использование терминов “прямая основа”, “прямой падеж”, “косвенная основа”, “косвенный падеж” абсолютно неприемлемо для агульской морфологической структуры, так как и эргатив, и датив, в отличие от номинатива, являются в агульском результатом косвенной основы, но выступают в нем в роли реального субъекта при переходных глаголах и глаголах чувственного восприятия, что чуждо природе индоевропейских языков, в недрах которых сформировались эти понятия и в определенной степени соответствуют их морфологической структуре.

Значительную роль в морфологической структуре агульского языка играет и глубоко развитая система локативных (местных) падежей. Эта система включает в себя 8 серий, в каждой из которых входит по три падежа (эссив-падеж “покою”; элатив “исходный” падеж и аллатив - “приближения” к покою).

Латинские термины, обозначающие сериальные падежи, в работе приведены в соответствие с содержанием их семантики, присутствующим в них в языке-оригинале.

При рассмотрении локативов замечено, что III и IV серии (серии инессивов) в агульском языке имеют общие семантические точки соприкосновения. В частности, мы имеем фактически две серии инессива, т.е. одна серия инессива - для обозначения предметов и личностей, покоящихся внутри пустого (полого) пространства, а другая серия инессива - для обозначения предмета или лица, покоящегося в плотном (однородном) пространстве. И что удивительно, к плотному пространству (материи) агульцы относят и сыпучие, текучие вещества, и травы, и дрова, и отары (овец,

лошадей, коров), и камни, и металл и т.д.

Много общего имеют в агульском языке пятая и шестая серии местных падежей. Так, если пятая серия обозначает предмет или лицо, которое покоится около (поблизости) чего-либо или кого-либо, то шестая серия обозначает лица или предметы, покоящиеся в непосредственном соприкосновении (контакте) с кем-либо или с чем-либо. Однако же ни III и IV серии, ни V и VI серии в нашем исследовании не объединяются, так как эти серии образуются самостоятельным морфемным инвентарем и имеют целый ряд отличительных особенностей, препятствующих использованию форм одной серии вместо другой, или же их взаимозамещению.

Зарегистрированы и случаи, когда формы локативных падежей в агульском языке используются для передачи синтаксических функций, передаваемых в индоевропейских языках основными падежными формами.

Отмечается, что в агульском нет самостоятельного творительного падежа (инструменталиса); его функции в этом языке выполняет в основном супераллатив и частично эргатив.

Сравнительная степень (сравнение) в агульском передается суперелативом на -д-ас: зун бицИиф э дадалас “я меньше отца”..., но способ передачи сравнительной степени с помощью частицы *дала* не является предметом нашего исследования, так как данная частица может примыкать к любой падежной форме агульского языка и тем самым создать сравнительную степень этих падежных форм. Частица *дала* не является падежной морфемой и не составляет структуру падежной системы агульского языка.

Нет в агульском языке и падежа *comitativ-a* (падежа совместности), а есть способ передачи совместности, выражающийся аналитически с помощью деепричастных форм. В этой связи и этот способ к падежной системе агульского языка не имеет прямого отношения.

Принимая во внимание роль, выполняемую локативными формами имен существительных в составе агульского предложения и, учитывая, что эти формы

одинаково отвечают как на вопросы наречной принадлежности, так и именной природы, могут рассматриваться в вузах и школах республики то в качестве дополнения, то в качестве обстоятельства. При определении синтаксической сущности локативных форм имен существительных в составе предложения мы пришли к убеждению, что локативные формы, выступающие в предложении с двумя синтаксическими функциями - с функциями дополнения и обстоятельства, - необходимо в агульской грамматике именовать аналитическим термином “обстоятельственное дополнение” (обстоятельственные дополнения) как научно выдержанный термин, вполне отвечающий природе локативных форм агульского языка в процессе выполнения ими синтаксических функций в составе предложения.

При описательно-аналитическом анализе агульского имени прилагательного мы пришли к выводу о том, что в вновь создаваемых для агульских школ практических грамматиках, а также в теоретических пособиях для агульских студентов вузов республики необходимо сначала же закрепить понятие об отсутствии в нем прежде всего морфологически оформляемых относительных и притяжательных прилагательных. Что функции, выполняемые русскими относительными и притяжательными прилагательными, в агульском языке - эта прерогатива родительного падежа имен существительных (см. нашу с.46,47).

Особо следует обратить внимание на отсутствие у агульских прилагательных морфологически оформляемой категории сравнительной и превосходной степеней, нагрузка которых также выполняет то локатив имен существительных (суперлатив): че хал азманф э къуншинтилас “наш дом больше (большой) есть, чем соседа (дом)”, см. нашу с.87, или же лексически с помощью лексемы *дала* (именуемой сравнительной частицей): че хал азманф э къуншинтин дала “наш дом больше (есть), чем соседа (дом)...., а также использование лексем лап “очень” и ппара “очень”, представляя лексико-аналитическую форму образования.

Не следует акцентировать внимание на окаменелом показателе грамматических классов - ф (← * в ← б), реконструируемого по данным агульских диалектов или

близкородственных языков, так как ныне действующая агульская морфологическая система не предусматривает категорию грамматических классов и конечный- ф (собственно агульский диалект) прилагательных выпадает, когда они примыкают к именам существительным, и в исходной форме ауслautный- ф, даже семантически, ныне не увязывается с былым его классовым функционированием.

Что касается прилагательных, выступающих в атрибутивной функции, а также их субстантивированных форм, то информация о них встречается у всех предшествующих исследователей агульского языка. Мы же впервые предлагаем вниманию читателя полные парадигмы склонения как прилагательных в атрибутивной функции, так и в субстантивированном виде.

В настоящее время агульский *литературный язык* не располагает даже элементарным учебным пособием по арифметике для начальных школ. Арифметическую и математическую литературу необходимо создавать. И это, как известно, непосредственно связано с лексикой, в семантике которой заложен счетный механизм. В этой связи в нашей работе углубленное освещение получают почти все разряды имен числительных: количественные, порядковые, собирательные, распределительные, крагные и дробные. Освещаются особенности их образования, функционирования в составе предложения, их падежная система и их определительный характер, сближающий их синтаксическую функцию с функцией имен прилагательных. Особенно ценным в нашем исследовании, видимо окажется материал, описывающий арифметические действия сложения, вычитания, умножения и деления, так как в истории изучения агульского языка этот раздел не рассматривался ни одним из его исследований, за исключением пяти примеров по умножению, приведенных А.А.Магометовым (с.101), и то характеризующих особенности диалектов агульского языка. Мы же подвергли подробному анализу не только формирование сложения, вычитания, умножения и деления, но и привели их варианты: полные и краткие формы. Проведенная в этой области работа может, на наш взгляд, достойно оценить научно-методический коллектив, деятельность которого непосредственно связана с проблемами народного образования Республики Дагестан.

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА (ОБРАЗЕЦ) ОСНОВНЫХ И ЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Нумерация серий	Наименование серий	Сериальные показатели	Прибли- зительные средства пе- редачи в рус- ском языке	Им. хал "дом" эрг. хул-а Род. хул-а-н Дат. хул-а-с	мн.ч. хул-ар хул-ар-и хул-ари-н хул-ари-с	Им. цил "стена" эрг. цил-и род. цил-и-н дат. цил-и-с	мн.ч. цил-ар цил-ар-и цил-ар-и-н цил-ар-и-с	Им. тлагар "окно" эрг. тлагар-и род. тлагар-и-н дат. тлагар-и-с	мн.ч. тлагар-ар тлагар-ар-и тлагар-ар-и-н тлагар-ар-и-с
1 сер.	1. Суперессив Superessiv 2.Суперелатив 3.Супераллатив	<u>л</u>	на, (на го- ризон- таль- ной плос- кости)	1. хула-л 2. хула-л-ас 3. хула-л-ди	хул-ари-л хул-ари-л-ас хул-ари-л-ди	1. цили-л 2. цили-л-ас 3. цили-л-ди	цил-ар-и-л цил-ар-и-л-ас цил-ар-и-л-ди	1. тлагари-л 2. тлагари-л-ас 3. тлагари-л-ди	тлагар-ар-и-л тлагар-ар-и-л-ас тлагар-ар-и-л-ди
2сер.	1. Субессив Subessiv 2.Субелатив 3.Субаллатив	<u>кк</u>	под	1. хула-кк 2. хула-кк-ес 3. хула-кк-ди	хул-ари-кк хул-ари-кк-ес хул-ари-кк-ди	1. цили-кк 2. цили-кк-ес 3. цили-кк-ди	цил-ар-и-кк цил-ар-и-кк-ес цил-ар-и-кк-ди	1. тлагари-кк 2. тлагари-кк-ес 3. тлагари-кк-ди	тлагар-ар-и-кк тлагар-ар-и-кк-ес тлагар-ар-и-кк-ди
3сер.	1. Инессив I Inessiv (первый) 2.Инелатив I 3.Иналлатив I	<u>ь</u>	внутри полого простран- ства	1. хула-ъ 2. хула-ъ-ас 3. хула-ъ-ди	хул-ари-ъ хул-ари-ъ-ас хул-ари-ъ-ди	1. цили-ъ 2. цили-ъ-ас 3. цили-ъ-ди	цил-ар-и-ъ цил-ар-и-ъ-ас цил-ар-и-ъ-ди	1. тлагари-ъ 2. тлагари-ъ-ас 3. тлагари-ъ-ди	тлагар-ар-и-ъ тлагар-ар-и-ъ-ас тлагар-ар-и-ъ-ди
4 сер.	1. Инессив II inessiv (второй) 2.Инелатив II 3.Иналлатив II	<u>гl</u>	внутри плотного простран- ства	1. хула-гl 2. хула-гl-ас 3. хула-гl-ди	хул-ари-гl хул-ари-гl-ас хул-ари-гl-ди	1. цили-гl 2. цили-гl-ас 3. цили-гl-ди	цил-ар-и-гl цил-ар-и-гl-ас цил-ар-и-гl-ди	1. тлагари-гl 2. тлагари-гl-ас 3. тлагари-гl-ди	тлагар-ар-и-гl тлагар-ар-и-гl-ас тлагар-ар-и-гl-ди
5 сер.	1. Адессив I Adessiv (первый) 2.Элатив I 3.Аллатив I	<u>ь</u>	около ч/н перед, у	1. хула-гъ 2. хула-гъ-ас 3. хула-гъ-ди	хул-ари-гъ хул-ари-гъ-ас хул-ари-гъ-ди	1. цили-гъ 2. цили-гъ-ас 3. цили-гъ-ди	цил-ар-и-гъ цил-ар-и-гъ-ас цил-ар-и-гъ-д	1. тлагари-гъ 2. тлагари-гъ-ас 3. тлагари-гъ-ди	тлагар-ар-и-гъ тлагар-ар-и-гъ-ас тлагар-ар-и-гъ-ди
6 сер.	1. Адессив II Adessiv (второй) 2.Элатив II 3.Аллатив II	<u>ф</u> (ф)	у, около (в, при)	1. хула-ф 2. хула-ф-ас 3. хула -ф-ди	хул-ари-ф хул-ари-ф-ас хул-ари-ф-ди	1. цили-ф 2. цили-ф-ас 3. цили-ф-ди	цил-ар-и-ф цил-ар-и-ф-ас цил-ар-и-ф-ди	1. тлагари-ф 2. тлагари-ф-ди 3. тлагари-ф-ди	тлагар-ар-и-ф тлагар-ар-и-ф-ди тлагар-ар-и-ф-ди
7 сер.	1. Обессив Obessiv 2.Обелатив 3.Обаллатив	<u>к</u>	на (на вертик. плоск.)	1. хула-к 2. хула-к-ес 3. хула-к-ди	хул-ари-к хул-ари-к-ес хул-ари-н-ди	1. цили-к 2. цили-к-ес 3. цили-к-ес	цил-ар-и-к цил-ар-и-к-ес цил-ар-и-к-ес	1. тлагари-к 2. тлагари-к-ес 3. тлагари-к-ди	тлагар-ар-и-к тлагар-ар-и-к-ес тлагар-ар-и-к-ди
8 сер.	1. Постессив Postessiv 2.Постелатив 3.Посталлатив	<u>хъ</u>	за, позади	1. хула-хъ 2. хула-хъ-ас 3. хула-хъ-ди	хул-ари-хъ хул-ари-хъ-ас хул-ари-хъ-ди	1. цили-хъ 2. цили-хъ-ас 3. цили-хъ-ди	цил-ар-и-хъ цил-ар-и-хъ-ас цил-ар-и-хъ-ди	1. тлагари-хъ 2. тлагари-хъ-ас 3. тлагари-хъ-ди	тлагар-ар-и-хъ тлагар-ар-и-хъ-ас тлагар-ар-и-хъ-д

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961.
2. Абдуллаев И.Х. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала, 1974.
3. Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954.
4. Агулы (тематический сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре), Махачкала, 1975.
5. Акиев А.Ш. Способы образования форм множественного числа имен в лакском языке. Автореф. канд. дисс... канд. филолог. наук, Махачкала, 1964.
6. Акиев А.Ш. Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков. Махачкала, 1977.
7. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. М., 1985.
8. Алексеев М.Е., Климов Г.А. Типология кавказских языков. М., 1980.
9. Андгуладзе Н.Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси (на груз. языке с подробным резюме на русском языке), 1968.
10. Бокарев Е.А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка. В сб. "Вопросы грамматики". М.-Л., 1960.
11. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
12. Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. Сб. "Язык и мышление", XI, М.-Л., 1948.
13. Бурчуладзе Г.Т. Склонение имен в лакском языке. Автореф. канд. филолог. наук. Тбилиси, 1970.
14. Гаджиев М.М. Следы грамматических классов в лезгинском языке. Уч. записки

Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, V, Махачкала, 1958.

15. Ганиева Ф.А. Некоторые особенности падежной системы джабинского диалекта лезгинского языка. В сб.: "Вопросы дагестанского и нахского языкознания". Махачкала, 1972.
16. Гайдаров Р.И. Ахтынский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1961.
17. Гаприндашвили Ш.Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966.
18. Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
19. Грамматика русского языка. ч. I, АН СССР, М., 1960.
20. Гукасян В.Л. Об одном случае замены эргативного падежа при переходном глаголе именительным падежом в ниджском диалекте удинского языка. В сб.: "Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977.
21. Гюльмагомедов А.Г. Об основных морфологических особенностях дуруджинского говора лезгинского языка. В сб. аспирантских работ. Гуманитарные науки. Вып. 2, Махачкала, 1966 б.
22. Гюльмагомедов А.Г. Об основных особенностях дуруджинского говора лезгинского языка. В уч. записках ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, серия филолог. Махачкала, 1968.
23. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка т. II, М., 1956.
24. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
25. Джейранишвили Е.Ф. Некоторые общие основы в цахурско-рутульско-удинском и в других иберийско-кавказских языках. Тбилиси, ИКЯ, IX-X, 1957.
26. Джейранишвили Е.Ф. Окаменелые элементы грамматических классов в

- глагольных основах и отглагольных именах удинского языка (на груз. языке, резюме на русском), ИКЯ, т.VIII, Тбилиси, 1956,
27. Джейранишвили Е.Ф. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков. Автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Тбилиси, 1966.
  28. Дибиров И.А. Склонение имен в южных диалектах аварского языка (на материале закательского и анцухского диалектов). Автореф. канд. филолог. наук, Махачкала, 1993.
  29. Дирр А. Грамматический очерк табасаранского языка. СМОМПК, вып. XXXV, Тифлисъ, 1905.
  30. Дирр А. Агульский язык. СМОМПК, вып. XXXVII, Тифлисъ, 1907.
  31. Дирр А. Рутульский язык. СМОМПК, вып. XLII, Тифлисъ, 1912.
  32. Дирр А. Цахурский язык. СМОМПК, вып. XLIII, Тифлисъ, 1913.
  33. Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. М., 1926.
  34. Жирков Л.И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941.
  35. Жирков Л.И. Табасаранский язык. М.-Л., 1948.
  36. Загиров В.М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. Махачкала, 1987.
  37. Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978.
  38. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. М., 1990.
  39. Исаев М.Г. Особенности тлянадинского говора анцухского диалекта аварского языка. Автореф. дисс... канд. филолог. наук. Махачкала, 1975.
  40. Калоев Б.А. Агулы (Материалы научной сессии по истории народов Дагестана). М., 1954.
  41. Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков (на груз. языке с подробным резюме на русском языке),

- Тбилиси, 1979.
42. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.
- 42¹. Кибрик А.Е. Методика полевых исследований. Изд-во МГУ. 1972.
43. Курбанов К.К. Морфология табасаранского языка. Дагучпедгиз, Махачкала, 1986.
44. Курбанов К.К. Грамматические классы слов табасаранского языка. Махачкала, 1995.
45. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.
46. Калоев Б.А. Агулы (Материалы научной сессии по истории народов Дагестана), М., 1954.
47. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.
48. Магометов А.А. Склонение личных и указательных местоимений в табасаранском языке. В сб.: Сообщ. АН Груз. ССР, XXVII, N 5. Тбилиси, 1961.
49. Магометов А.А. Превербь в табасаранском языке (сравнительно с превербамь в даргинском и агульском языках), ИКЯ, УШ, VIII, Тбилиси, 1956.
50. Магометов А.А. Агульский язык. Тбилиси, 1970.
51. Магометов А.А. Об одном числительном в агульском языке. ИКЯ, т. XVII, 1970.
52. Магометов А.А. Агульский язык. Сб. "Языки народов СССР", IV, Иберийско-кавказские языки. Москва, 1967.
53. Магометов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
54. Магометов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.
55. Магометов А.А. Реликты грамматических классов в агульском языке. Вестник отделения общественных наук АН Груз.ССР, N 3, Тбилиси, 1962.
56. Магометов А.А. Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке./

- /Система провербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
57. Магометов А.А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.
  58. Магомедов М.А. Арадерихские говоры аварского языка. Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала, 1993.
  59. Магомедова С.Д. О некоторых вариантах эргатива в агульском языке. Тезисы докладов ИАЭ и ЯЛИ, Махачкала, 1994.
  60. Магомедова С.Д. Отношение падежей к сравнительной степени агульского языка.
  61. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
  62. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
  63. Мейланова У.А. Гюнейский диалект - основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.
  64. Мейланова У.А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960.
  65. Мейланова У.А. Направительные падежи в современном лезгинском языке. // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.
  66. Мейланова У.А. О категории грамматического класса в лезгинском языке. Уч. записки Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, XI, Махачкала, 1962.
  67. Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и функционирования категории числа в лезгинском языке. Сб.: "Категория числа в дагестанских языках". Махачкала, 1985.
  68. Михайлов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964.
  69. Михайлов К.Ш. Арчинский язык. Махачкала, 1967.
  70. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. Махачкала, 1971.
  71. Мусаев М.-С. М. Падежные окончания и их генетические параллели в системе провербов и послелогов даргинского языка. // Системы

- превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
72. Мусаев М.-С.М. Падежный состав даргинского языка. Махачкала, 1984.
  73. Муталов Р.О. Ицаринский диалект даргинского языка. Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала, 1992.
  74. Никифоров С.Д. Старославянский язык. М., 1952.
  75. Панчвидзе В.Н. К вопросу об аффиксе эргатива (resp. творительного падежа) в удинском языке (резюме). Сообщ. АН Груз.ССР, т. II, N 9, Тбилиси, 1949.
  76. Панчвидзе В.Н. К вопросу о генезисе аккузатива в удинском языке (резюме). Изв. Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра, т. V-VI, Тбилиси, 1940.
  77. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.
  78. Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгейских (черкесских) языках. Тбилиси, 1959.
  79. Руднев А.Г. Синтаксис простого предложения. Учпедгиз, М., 1960.
  80. Саадиев Ш.М. Склонение имен существительных в крызском языке (с предварительными сведениями о звуковом составе, лексике и грамматическом строе). Автореф. канд. филол. наук. М., 1953.
  81. Сб.: "Именное склонение в дагестанских языках." Сб. трудов ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, Махачкала, 1979.
  82. Сб.: "Падежный состав и система склонения в кавказских языках." Сб. трудов ИИЯЛ Даг. ФАН АН СССР, Махачкала, 1987.
  83. Сулейманов Н.Д. Склонение существительных в керенском диалекте агульского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.
  84. Сулейманов Н.Д. Направительные превербы агульского языка (в их связи с направительными превербами группы лезгинских языков) // Мат. VI рег. научной сессии по сравн.-историч. изучению иб.-

- кавказских языков. Майкоп, 1980.
85. Сулейманов Н.Д. Направительный падеж серии ь “в”, “внутри” в языках “восточнолезгинской подгруппы (к агульско-лезгинским ареальным связям) //Выражение пространственных отношений в языках Дагестана, Махачкала, 1990.
  86. Сулейманов Н.Д. К истории формирования направительных морфем с вариативной ориентацией в дагестанских языках (историко-типологический аспект) //Проблемы сравн.-историч. исследования морфологии языков Дагестана. Махачкала, 1992.
  87. Сулейманов Н.Д. Применение приемов релятивной хронологии при исследовании направительных превербов в группе лезгинских языков // Материалы XIII-ой рег. научной сессии по истор.-сравн. изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках). Майкоп, 1993.
  88. Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993.
  89. Сулейманов Я.Г. Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с.Риквани). Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала, 1960.
  90. Талибов Б.Б. О некоторых окаменелых и полуокаменелых элементах в структуре лезгинского языка. В сб. статей к 75-летию акад. Мещанинова, М.-Л., 1960.
  91. Талибов Б.Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ в лезгинских языках. В сб.: “Материалы I сессии по сравн.-историч.

- изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
92. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
  93. Тарланов З.К. К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках. - В жур. ВЯ, N 3, М., 1980.
  94. Тарланов З.К. О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка. - В журн. ВЯ, N 1, М., 1989.
  95. Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск. Изд. Петрозаводского университета, 1994.
  96. Топуриа Г.В. К образованию множественного числа в лезгинских языках. Иберийско-кавказское языкознание, т. XVIII, Тбилиси, 1973.
  97. Топуриа Г.В. Морфология склонения в дагестанских языках. Автореф. докт. филолог. наук. Тбилиси, 1987.
  98. Уленбек Х.К. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков. В сб.: "Эргативная конструкция предложения". М., 1950.
  99. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлиси, 1889.
  100. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлиси, 1890.
  101. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлиси, 1892.
  102. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлиси, 1896.
  103. Услар П.К. Этнография Кавказа. языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.
  104. Хайдаков С.М. Характер функционирования послелогов, провербов и местных падежей в дагестанских языках // Система провербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.
  105. Ханмагомедов Б.Г.-К. Система склонения табасаранского языка в сравнении с

- системами склонения лезгинского и агульского языков.
 Автореф. канд. филолог. наук. Махачкала, 1958.
106. Ханмагомедов Б.Г. К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы. Уч. записки института ИЯЛ, Даг. ФАН СССР, N 4, Махачкала, 1958.
107. Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Дагучпедгиз, Махачкала, 1958.
108. Ханмагомедов Б.Г. Табасаранский язык. В сб. "Языки народов СССР", т.IV, Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
109. Церцвадзе И.И., Чикобава Арн. Аварский язык (на груз. языке), Тбилиси, 1962.
110. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
111. Чикобава Арн. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке. В сб.: "Языки Дагестана", вып.1, Махачкала, 1948.
112. Чикобава Арн. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. Сообщ. АН Груз. ССР, т.III, N 4, Тбилиси, 1942.
113. Чикобава Арн. К генезису повествовательного падежа в картвельских языках. Труды Тбилисского госуниверситета, т.X, Тбилиси, 1939 (на груз. языке).
114. Чикобава Арн. Несколько замечаний об эргативной конструкции. В сб. "Эргативная конструкция предложения", М., 1950.
115. Чикобава Арн., Церцвадзе И.И. Аварский язык (на груз. языке), Тбилиси, 1962.
116. Чикобава Арн. "Об эргативном падеже - "косвенном" и "прямом" - в иберийско-кавказских языках" в сб.: "Падежный состав и система склонения в кавказских языках". Институт истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР, Махачкала, 1987.
117. Чикобава Арн. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. ВЯ, N 6, М., 1955.

118. Шалбузов Т. Табасаран чІалнан грамматика. Часть I, фонетика ва морфология. Махачкала, 1952.
  119. Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
  120. Шаумян Р. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. Сб. "Язык и мышление", VI-VII, М.-Л., 1936.
  121. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Учпедгиз, Л., 1941.
  122. Шухардт Г. Об активном и пассивном характере переходного глагола. В сб. "Эргативная конструкция предложения." М., 1950.
-
123. Bouda K. Beitrage zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 3. Das Tabassaranische. Leipzig, 1939.
  124. Dirr A. Einfuhrung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.
  125. Erckert R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes, II Theil. Sprachproben und grammatische Skitzen. Wien. 1895.
  126. Guldenstadt I.A. Reisen durch Russland und im caucasischen Geburge. Th.II, St. - Petersburg, 1791.
  127. Klaproth I. Reise in den Kaukasus und nach Georgien ... B.II. Kaukasische Sprachen. Halle und Berlin, 1814.
  128. Schiefner A. Ausfuhrlicher Bericht uber Baron P.K. Uslar's kurinische Studien. St.-Petersbourg, 1873.
  129. Troubetzkoy N. Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen, Caucasia, fasc.8, Leipzig, 1931.
  130. Troubetzkoy N. Les consonnes Laterales des langues caucasiques septentrionales. Bull. de la Societe de Ling. de Paris, t. XXIII, fasc. 3(N 70), Paris, 1922.
  131. Tschikobawa A. Die ibero-kaukasischen Gebirgssprachen und der heutige Stand, ihrer Erforschung in Georgien. "Acta Orientalia Hungarica", t.IX, fasc. 1, 1959.

Оглавление

Общая характеристика работы	3
Введение.....	6
1. Некоторые вопросы падежной системы агульского языка	11
 Глава I. Лексико-грамматическая характеристика основных падежей имен существительных.....	15
1. Имя существительное в агульском языке и его особенности.	15
2. Система основных падежей агульского языка	18
3. Образование множественного числа номинатива и эргатива агульского языка.....	31
4. Аблаут и редупликация основы при образовании форм множественного числа	33
5. Образование эргатива, генитива, и датива обоих чисел.	37
6. Функции основных падежей агульского языка.....	39
7. Склонение имен существительных во множественном числе.	50
 Глава II. Система локативных падежей агульского языка	55
1. Краткая характеристика локативных падежей и их место в структуре дагестанских языков.	55
2. О научной терминологии, выражающей особенности системы локативов в агульском языке.	58
3. Образование и основные функции агульских местных падежей. .	61
I серия	61
II серия.....	63
III серия	64
IV серия	67
Несколько слов о падежах V и VI серий	75
V серия.....	77
VI серия	78
VII серия	81

VIII серия.....	82
4. Образование множественного числа агульских местных падежей	83
5. О нелокативных функциях агульских локативов	85
6. О взаимосвязи окончаний агульских локативных падежей и соответствующих им глагольных превербов.	89
7. Краткое сообщение о синтаксических функциях агульских локативов	92

Глава III. Агульские атрибутивные имена прилагательное и числительное).....	96
I. Имя прилагательное.	96
1. Образование и функционирование агульского прилагательного (адъектива).....	96
2. Образец склонения субстантивированных прилагательных по местным падежам	104
II. Числительное	107
1.Значение имени числительного	107
2. Образование и состав агульских количественных числительных.	111
3.Субстантивация агульских количественных имен числительных	113
4.Разряды имен числительных агульского языка	116
5. Основы агульской элементарной арифметики.	121
Заключение	123
Список использованной литературы	129